

ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

ПУЛЯ ДЛЯ ЗОИ ФЁДОРОВОЙ

ИЛИ КГБ СНИМАЕТ КИНО

Федор Ибатович Раззаков
Пуля для Зои Федоровой,
или КГБ снимает кино
Серия «Дело не закрыто»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17354503

Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино / Федор Раззаков.: Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906842-34-3

Аннотация

Судьба звезды советского кинематографа Зои Федоровой неординарна и противоречива, а ее убийство до сих пор не раскрыто.

Арест как пособницы иностранному шпиону, положение дочери «врага народа», попытка самоубийства в лефортовском изоляторе, обвинение в шпионаже в пользу иностранных государств, долгие годы заключения в знаменитой «Владимирке» и блестящая творческая биография, правительственные награды и премии. Как это возможно?! Расследование, проведенное Федором Раззаковым, заставляет совершенно иначе взглянуть на биографию актрисы и на причины ее трагической гибели. Автор задается вопросами: случайно ли убийца, не оставивший на месте преступления почти никаких следов, «забыл» забрать с собой гильзу от немецкого пистолета «Зауэр»? Не было ли это намеком на «немецкую линию», по которой Федорова долгие годы работала на советские спецслужбы, и почему эта улика не помогла следствию выйти на преступников? Или все же помогла, но привлечь их к ответственности было невозможно?..

Книга Федора Раззакова – это настоящий документальный детектив с неожиданными поворотами и сенсационными подробностями тайной жизни людей, которых знает вся страна.

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Футбол, Фокстрот и шпионаж, или Агент по имени «Зефир»	5
Кино под колпаком НКВД	33
«Люблю тебя, Петра творенье...», или Агентурный Ленинград	51
Дочь за отца не отвечает, или Побег от оператора к «сталинскому соколу»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Федор Раззаков Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино

Часть первая Кто вы, актриса Федорова?

Пролог

В декабре 1947 года Зоя Федорова, арестованная год назад органами МГБ, написала из пересыльной тюрьмы письмо Лаврентию Берии. В нем она просила всесильного члена Политбюро о заступничестве и напоминала ему один эпизод из начала войны.

Вот как звучала эта фраза в письме:

«...Я дала вам согласие остаться в Москве на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать вам вести с ними подпольную борьбу».

Что же явствует из этих слов?

Оказывается, Берия просил Зою Федорову стать подпольщицей, чтобы работать на советские спецслужбы. Зададимся вопросом: случайно ли столь опытный в разведке человек (а к тому времени Берия работал в органах почти двадцать лет) обратился к актрисе с подобным предложением? Ведь трудно себе представить, что всесильный нарком не понимал, чем чревато оставление в оккупированной Москве неопытного человека в качестве подпольщика. Провал такого агента неминуемо грозил разоблачением другим подпольщикам, связанным с ним агентурными нитями.

Неужели Берия был столь наивен и глуп, чтобы не понимать этого?

Конечно же, нет.

Судя по всему, выбирая кандидатуру Зои Федоровой на роль подпольщицы (а список таких кандидатов не мог быть обширен), Берия был уверен в том, что актриса с порученным ей заданием справится. Почему же он так решил? Не потому ли, что за плечами Федоровой уже был многолетний опыт агентурной работы на советскую разведку? Но тогда возникает новый вопрос: когда же она сумела его приобрести? Чтобы ответить на этот вопрос, следует начать рассказ с самого начала.

Футбол, Фокстрот и шпионаж, или Агент по имени «Зефир»

Шпионы и футбол. – Чарльстон с агентами. – Удар по английской разведке. – «Вербовать пачками». – Рождение агента «Зефир». – Эволюция агента – дзержинский поток. – Кино под колпаком ГПУ. – Первые фильмы про чекистов. – «Зефир»-информатор

Откуда впервые пошла гулять версия о том, что Зоя Федорова была негласным сотрудником советских спецслужб? Виной всему история лета 1927 года, когда Зоя внезапно угодила в поле зрения Государственного политического управления (ГПУ), а если быть точным – его контрразведывательного отдела. Угодила, в общем-то, случайно, по вине двух мужчин, один из которых обожал футбол, а другой – модный танец фокстрот. Первого звали Эдвард Чарнок, второго – Кирилл Прове. Кем же были эти люди?

Игра в футбол зародилась в Англии в 1846 году. А в Россию она пришла в начале XX века благодаря семейству англичан Чарноков, которые обосновались здесь за полвека до этого. Глава этого семейства был директором хлопчатобумажной фабрики у текстильного магната Н. Н. Коншина в Серпухове. Его четверо сыновей – Эдвард (на русский манер Эдуард), Джеймс (Яков), Уильям (Василий, он же – Рыжий Вилли) и Гарри (Андрей) – родившиеся в России, хорошо знали русский язык и поэтому, получив, как и отец, текстильное образование в Англии, вернулись в Россию, чтобы здесь делать свой бизнес. А свободное время сыновья посвящали игре в футбол, играя сначала в Серпухове, а затем – когда Гарри Чарнока по приглашению Товарищества мануфактур «Викула Морозов с сыновьями» назначили на должность исполнительного директора на бумагопрядильной фабрике в местечке Никольском, что недалеко от Орехово-Зуева – стали выступать в тамошней команде Клуба спорта «Орехово», сделав ее самой сильной футбольной командой в России на тот период. Причем самым талантливым футболистом из четырех братьев был Уильям («Рыжий Вилли»), который забил в матчах первенства Москвы, а также в междугородних и международных встречах, более ста мячей.

В затылок ему дышал брат Эдвард (1877), который выступал за «Орехово» в самые звездные его годы – с 1911-го по 1914-й, а также несколько раз надевал футболку сборной команды «Вся Москва». Он принимал участие в матчах московской сборной против команды Финляндии 3 и 9 мая 1912 года (2: 7 и 0: 4), а также 1 октября того же года против немецкой команды из города Киля (0: 3). 7 октября 1912 года в составе сборной Москвы он выходил на поле в Петербурге, в матче первенства России, против сборной этого города (1: 4). Именно тогда этот талантливый футболист был... завербован английской разведкой, поскольку футбол в России внедрялся англичанами не только ради спортивного, но и ради политического интереса. А вербовщиком Эдварда Чарнока был небезызвестный дипломат и разведчик Брюс Локкарт.

Он приехал в Москву в январе 1912 года в качестве вице-консула Великобритании (затем он станет генеральным консулом). Брюс поселился на частной квартире у вдовы писателя Эртеля, друга Толстого. Достаточно быстро завел широкий круг знакомств в среде интеллигенции, промышленников. Как напишет он сам чуть позже: «Для того чтобы стать настоящим работником контрразведки, оставалось завоевать лишь знать, купечество...»

Подвизался Локкарт и в футболе, благо этот вид спорта в России активно популяризировали его соотечественники – те самые Чарноки. По его же воспоминаниям:

«Почти что первыми англичанами, которых я встретил, были братья Чарноки – Эдуард и Гарри. Оба были ланкаширцами и связаны с хлопчатобумажной промышленностью. В то

время Гарри, младший брат, был директором хлопчатобумажной фабрики в Орехово-Зуеве Владимирской губернии.

Орехово-Зуево являлось одним из наиболее беспокойных промышленных центров, и там Чарнок, в качестве противоядия водке и политической агитации, ввел футбол. Организованная им заводская команда была в то время чемпионом Москвы.

Обо мне в кругах английской колонии ходили слухи, что я – блестящий футболист, вероятно, потому, что меня спутали с моим братом. Не справляясь о том, какой вид игры я практикую – круглым или овальным мячом, Чарноки попросили меня вступить в состав „морозовцев“, как называлась их заводская команда. Позднее, когда я ближе познакомился с этими северянами, я понял, какие они прекрасные ребята. А Чарноки с тех пор сделались моими верными друзьями, и я всегда считал мой футбольный опыт с русским пролетариатом самой ценной частью моего русского воспитания. Я боюсь, что опыт этот принес мне больше пользы, чем моему клубу. С трудом я справлялся с порученным местом в команде. Несмотря на это, матчи были очень интересны и вызывали огромный энтузиазм. В Орехове нам приходилось играть перед толпой в десять – пятнадцать тысяч человек. За исключением проигрышей иностранным командам, мы редко проигрывали...»

Так, катая мяч по зеленому газону, а попутно шпионя (собирая ценную информацию из разных сфер российской жизни), вице-консул и его спортивные товарищи дожили до 1917 года. А потом грянул февраль, и одному из Чарноков – Эдуарду – пришлось спешно покинуть Россию: в мае рабочие его хлопчатобумажной фабрики потребовали немедленного увольнения своего заморского директора. Однако минуло всего четыре года, и весной 1921 года Эдуард Чарнок снова объявился на улицах Москвы. Почему? В те дни на волне нэпа здесь открылась английская торговая миссия во главе с Робертом Ходжсоном, и Эдуард был привлечен к ее работе. А затем, когда между Великобританией и СССР установились дипломатические отношения, Чарнок становится секретарем дипломатической миссии в Москве. Но эта должность была ширмой, поскольку основной его деятельностью был все тот же шпионаж. Чуть позже арестованный работник Госбанка В. Евреинов, который в течение восьми лет тайно снабжал секретной информацией английского разведчика Роберта Ходжсона, будет вспоминать следующее: «С Чарноком я неоднократно встречался, и тот обычно ко мне назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии».

Свои источники информации Чарнок имел в разных кругах – как в спортивных (а он продолжал играть в футбол: каждые выходные гонял мяч на спортплощадке возле Крымского моста, а также был официальным арбитром московской футбольной лиги и тренером футбольной команды «Трехгорная мануфактура»), так и в богемных – среди его знакомых, например, были ведущие оперные солистки Большого театра Антонина Нежданова (1873) и Надежда Обухова (1886), а среди лучших друзей – знаменитый режиссер Константин Станиславский. Почти за всеми телодвижениями приткого англичанина зорко наблюдали чекисты из контрразведывательного отдела ГПУ (руководитель – Артур Артузов), которые регулярно составляли оперативные докладные, типа таких: «Чарнок имеет громадные знакомства среди бывших коммерсантов, главным образом среди бывших служащих различных текстильных предприятий, а также в артистическом и спортивном мирах. Помимо своего официального положения в миссии, возможно, является наблюдателем бывших владельцев русских текстильных предприятий...»

Или таких: «20.12.1924, 13:15, Чарнок и Робертс в Козмодемьянский пер., 8 по Б. Дмитровке, спортивный магазин, Кузнецкий мост, спортивный магазин „Динамо“, Большой театр и обратно в миссию».

Среди московских адресов Чарнока был и дом 16 по Спиридоновке (между Малой Никитской улицей и Садово-Кудринской улицей, в 1941 году ее назовут в честь Алексея

Толстого), где обитала дама его сердца – Татьяна Прове. Она принадлежала к знаменитой немецкой династии Прове, которая осела в Москве (в лице Иоганна Прове) еще в 1830-х годах. Здесь глава семейства начинает сотрудничество с Людвигом-Иоганном (Львом Герасимовичем) Кнопом (1821–1894), основателем торгово-промышленной фирмы «Л. Кноп». Иоганн (Иван) Карлович Прове участвует в создании на острове Кренгольм в устье реки Нарвы крупнейшего в России текстильного предприятия – Кренгольмской мануфактуры – и записывается в первую гильдию нарвского купечества.

В Москве у Прове было несколько особняков. Все их лично я хорошо знаю, поскольку детство свое провел по соседству с ними. Речь идет о четырех домах: два из них находятся на Новой Басманной под номерами 16 (угловой дом справа на выходе с Сада имени Баумана) и 22 (на углу с улицей Лукьянова), один на Старой Басманной (в годы моего советского детства она называлась улицей Карла Маркса) под номером 17 (справа от входа в сад имени Баумана), и последний – на улице Лукьянова, 7 (в этом здании раньше находился Бауманский РК комсомола, где меня в апреле 1976 года принимали в комсомол).

Недвижимость Ивана Карловича в Москве и в уезде оценивалась в 606 тысяч рублей – из 2 миллионов 512 тысяч его личного капитала.

Умер промышленник в январе 1901 года, а наследниками стали его сыновья Рудольф (Роман), Карл-Александр (впоследствии Кирилл), Теодор-Фердинанд (Федор) и дочери Эмилия-Ядвига (в замужестве Миндер) и Адель-Луиза (в замужестве Калиш). Дочерью Кирилла (Карла) Прове и была дама сердца Эдуарда Чарнока Татьяна. А у нее было два брата – дети Федора (Теодора-Фердинанда) Прове – Владимир (1895) и Кирилл (1897). С ними Чарнок тоже познакомился, причем не скуки ради, а по своей шпионской необходимости – братья обладали ценной информацией, которая интересовала англичанина.

Так, Владимир был военнослужащим одной из частей особого назначения в Кременчуге и сильно нуждался в деньгах. Узнав об этом, Чарнок предложил ему помощь: тот снабжает его информацией о своей воинской части, а англичанин платит ему за каждый рассказ от 25 до 50 долларов. Владимир почти без колебаний соглашается и в один из дней подсаживается в автомобиль англичанина на Кузнецком мосту, где выдает ему первую порцию ценных сведений. Чуть позже, уже работая в Центральном военно-спортивном клубе, а затем в Наркомземе, Владимир регулярно информирует Чарнока уже по вопросам, касающимся работы этих учреждений. Правда, однажды он сделал попытку «соскочить» – заявил англичанину, что больше не хочет выдавать ему секреты. Но когда Чарнок пригрозил парню чуть ли не убийством, Владимир испугался и взял свои слова обратно. Более того: когда Чарнок приказал ему сменить работу и устроиться в Наркомат иностранных дел или внешней торговли, а еще лучше – в оборонный институт ЦАГИ, то Владимир не стал прекословить. И весной 1925 года стал работать чертежником в ЦАГИ.

Примерно в это же время Чарнок завербовал и брата Владимира – Кирилла. Их знакомство произошло в июне 1925 года по тому же адресу – Спиридоновка, 16, – на званом обеде. Увидев статного красавца Кирилла, облаченного в военную форму, а также узнав, где он служит – в батальоне охраны Реввоенсовета, – Чарнок тут же решил взять быка за рога. И вскоре после знакомства предложил Кириллу стать источником информации за хорошее вознаграждение. И тот, как и его брат, быстро дал свое согласие, поскольку любил проводить вечера на модных нэпманских тусовках, а для этого всегда нужны были деньги. Англичанина интересовало штатное расписание батальона охраны, табель и расположение постов, секретные приказы, номера подъездов, через которые ходят Ворошилов и его заместитель Уншлихт, и многое другое. За каждое такое сообщение Чарнок платил Кириллу по 50–70 рублей, а иногда и больше. Кроме этого, молодой человек стал связующим звеном между шпионом и своим братом, передавая тому указания от англичанина. И тот за это не скупился на гонорары, поскольку получал от Владимира не только словесную информацию, но и докумен-

тированную. Например, за чертежи некоторых разработок института – моторов, аэросаней, аэродинамической трубы и др. – он выкладывал от 200 до 250 рублей. Весьма приличные деньги по тем временам. Для примера: средний оклад советских инженеров составлял 150 рублей, рабочих и служащих – 100 рублей (но для них существовали разного рода скидки). Вызов такси в любую точку Москвы стоил два рубля, лучшие сорта яблок продавались по 40–60 копеек за один килограмм.

Именно Кирилл Прове и вовлек в эту шпионскую историю героиню нашего рассказа – 17-летнюю Зою Федорову. Тем летом 1927 года она окончила школу и стала работать в Госстрахе учетчицей (бухгалтером). Вообще-то она хотела после десятилетки поступить в театральное училище (в школе Зоя играла в драмкружке), но отец этому категорически воспротивился. Актерство он считал профессией легкомысленной и, главное, ненадежной в материальном плане. А поскольку у него были определенные связи (в 1918–1921 годах он работал начальником паспортной службы в Кремле), то помог своей дочери устроиться в Госстрах, который входил в наркомат финансов в качестве одного из его управлений.

Кстати, располагался Госстрах в окрестностях Лубянки: на Кузнецком Мосту и на Никольской улице. В те годы в СССР по этому поводу даже ходил анекдот: один прохожий на Лубянской площади спрашивает другого, указывая на здание КГБ: «Не подскажите, Госстрах здесь находится?». На что следовал ответ: «Госстрах за углом, а здесь Госужас».

Работу свою Зоя не любила, но вынуждена была туда ходить, чтобы не гневить отца. А в свободное время она с подружками посещала молодежные компании, где танцевали модный в ту пору танец фокстрот, пришедший из США. В одной из этих компаний – в доме у некоего Кебрена – на нее и обратил внимание 29-летний Кирилл Прове. Статный военный произвел впечатление и на юную Зою, после чего молодые начали встречаться. Один раз она даже пригласила его к себе домой, где познакомила со своими родителями. Видимо, виды на него у девушки были самые серьезные. Но их отношения поломало... ГПУ, придя под покровом ночи в дом к Федоровым. И здесь следует описать тогдашнюю ситуацию в стране и мире, которая вынудила чекистов на меры репрессивного характера. Сначала заглянем в энциклопедию:

«В начале 1927 года Великобритания, опасаясь потерять свои позиции в Китае в результате развернувшейся в этой стране революции 1925–1927 годов, потребовала от СССР прекратить военную и политическую поддержку гоминьдановско-коммунистического правительства. Отказ СССР выполнить условия „ноты Чемберлена“ (23.02) привел к резкому ухудшению отношений между Британией и СССР. Китайский налет на полпредство СССР в Пекине (6.04) и обыск, произведенный английской полицией в советско-английском АО „Аркос“ в Лондоне (12.05) предоставили в распоряжение консервативного правительства С. Болдуина секретные советские документы, подтвердившие „подрывную деятельность“ московского Коминтерна в Великобритании и Китае, после чего Британия разорвала торговые и дипломатические отношения с СССР (27.05). В Советском Союзе это было воспринято как подготовка „крестового похода“ против СССР, что привело к нарастанию военного психоза, подогреваемого активизацией борьбы белогвардейской эмиграции как внутри страны (терракты РОВС в Москве, Ленинграде, Минске) так и за ее пределами (убийство Войкова в Варшаве). Несмотря на то, что Великобритания, после победы антикоммунистических переворотов в Китае (Ч. Кайши в Шанхае и В. Цзинвэя в Ухани) и разрыва гоминьдана с СССР, не стремилась к нагнетанию конфликта, И. Сталин использовал сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики (ввод в действие печально известной 58-й статьи УК СССР 6.06.1927), свертыванию нэпа и разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции (ноябрь–декабрь 1927 года). Великобритания восстановила дипломатические отношения с СССР в 1929 году...»

А теперь познакомимся с тем, что пишут историки Михаил Тумшис и Александр Папчинский:

«1927 год вообще оказался неудачным для советской разведки и контрразведки. Целая серия провалов выявила слабые места в разведывательных и контрразведывательных операциях за рубежом. В феврале 1927 года была разгромлена нелегальная резидентура РУ РККА и ИНО ОГПУ во Франции, возглавляемая членами Французской компартии Жаком Креме и Пьером Прево. Арестам и обыскам подверглось около ста человек. В марте польская контрразведка выявила сеть агентов ОГПУ, возглавляемую бывшим сподвижником Юденича, генерал-майором белой армии Д. Р. Ветренко. Тогда же в Стамбуле была задержана группа агентов, работающих под „крышей“ советско-турецкой торговой компании. Турки обвинили в „насаждении шпионажа“ сотрудников советского полпредства. Чуть позже в Вене прошли аресты ряда сотрудников МИДа, снабжавших секретной информацией агентов Москвы. В апреле 1927 года в Пекине, в результате полицейского рейда в советское консульство, было изъято значительное количество документов, подтверждающих факт ведения шпионской и подрывной деятельности в Китае. В мае 1927 года уже английская полиция нанесла „визит вежливости“ в помещения „Аркоса“ и торгпредства СССР в Лондоне. По результатам обыска на представителей Страны Советов посыпались обвинения в „создании шпионских организаций“.

Масштабным скандалом закончилось разоблачение еще одного советского агента, на этот раз в Литве – Константина Карловича Клещинского – Клещинскаса (агентурный псевдоним – Иванов-ХИ). Бывший царский офицер, окончивший Академию Генерального штаба, проходивший службу в лейб-гвардии Волынском полку, в Первую мировую войну он попал в немецкий плен. Затем волей судеб оказался в Литве, где поступил на военную службу: инструктор одного из первых литовских воинских отрядов, командир дивизии. К 1920 году Клещинский, награжденный литовским крестом 1-й степени, занял пост начальника Генштаба. Именно ему и еще одному литовскому офицеру (полковнику-лейтенанту Ладиге) командующий 3-м кавкорпусом Г. Д. Гай передал ключи от Вильно, освобожденного советскими войсками. В 1922 году Клещинский вышел в отставку. Как генерал-лейтенант в отставке и доброволец он был наделен значительным земельным участком, стал получать хорошую пенсию и был устроен на работу в таможенную.

В сети советской разведки Клещинский попал в июле 1926 года. Его „служба“ обходилась ковенской резидентуре ОГПУ в 500 литов в месяц, одновременно какие-то деньги уходили в СССР родственникам агента. „Иванов-ХИ“ снабжал ИНО ОГПУ разнообразными сведениями о литовском правительстве, армии, политических и общественных деятелях. В обвинительном заключении на Клещинского было указано: „Освещал внутреннюю борьбу партий и давал подробную характеристику правящих кругов и высших военных начальников“, а также сообщал данные чисто военного характера, являясь „одним из деятельнейших агентов, причинивших большой вред (литовскому) государству и армии“.

В случае с Клещинским ОГПУ о конспирации особо не заботилось. Встречи с кураторами от ОГПУ происходили три раза в месяц и чаще всего на частной квартире Клещинского в Ковно. Информация об этих полусекретных контактах с советскими дипломатами дошла до литовской контрразведки, где решили взять под оперативное наблюдение бывшего начальника Генштаба. Уже после ареста литовская пресса писала, что Клещинский очень боялся разоблачения и одно время даже хотел сбежать в Турцию.

19 мая 1927 года в квартиру Клещинского ворвались агенты полиции. Помимо хозяина там был задержан помощник резидента ИНО ОГПУ (П. М. Журавлева) Н. О. Соколов. В результате столь громкого провала под угрозой расконспиривания оказалась вся деятельность ИНО ОГПУ в Литве. В результате Журавлеву, Соколову (консулу СССР в Ковно) и другим дипломатам-чекистам пришлось спешно покинуть литовскую столицу.

31 мая 1927 года Клещинский предстал перед военно-полевым судом. Судебное заседание проходило в VI форте. Подсудимый подал на имя литовского президента Сметоны прошение о помиловании и выразил сожаление по поводу своих преступных деяний, просил о даровании ему жизни. Свое выступление на суде он начал словами: „Мне очень стыдно, господа, смотреть вам в глаза. Я принужден был работать для тех, кого всей душой ненавижу. Сначала меня заставляло делать это материальное положение" Военно-полевой суд отклонил просьбы и приговорил Клещинского к расстрелу. На рассвете 1 июня 1927 года он был расстрелян.

Подобные провалы советской разведки и контрразведки, неудачная концовка операции „Трест“ и последующие события – попытка взрыва здания на Лубянке, теракты в Ленинграде и Белоруссии, убийство полпреда в Варшаве П. Л. Войкова, совершенное белоэмигрантом Б. Кавердой, – все это создало впечатление волны террора, захлестнувшей Страну Советов, немедленно вызвав тем самым ответную реакцию советских властей. Свою роль сыграло и ожидание начала военных действий со стороны некоторых западных держав („военная тревога 1927 года“).

В июне 1927 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода подписал директиву всем органам ГБ о производстве массовых операций „по аресту лиц, подозреваемых в шпионаже“. Вся оперативная работа по реализации этой директивы была возложена на „Центральную тройку“, в которую вошли А. Х. Артузов, начальник СО ОГПУ Т. Д. Дерибас и особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ В. Д. Фельдман.

Эта „тройка“ имела право выносить внесудебные приговоры (в том числе и смертные) „альбомным способом“. Органы ОГПУ, проведя следствие на местах, отсылали в Москву лишь справку с фотографией обвиняемого, кратким изложением преступлений и предложениями о возможной мере наказания. На Лубянке же принимали окончательное решение о дальнейшей участи очередного „шпиона, монархиста, диверсанта и вредителя“. О масштабах операции 1927 года можно судить по следующим цифрам: на Украине было арестовано 1226 человек, в Белоруссии 602 человека арестовали, 830 человек обыскали (по данным ГПУ Белоруссии, в это число вошли „...преимущественно жители деревень и местечек, разложенные годами немецко-польской оккупации и театра военных действий, являющиеся объектом особого внимания польской и латвийской разведок“), в Северо-Кавказском крае арестовали 1519 человек, обыскали 1500 человек и еще 2216 человек намечалось подвергнуть аресту. Руководители региональных органов ОГПУ приветствовали решение о проведение массовых операций. В отчетах местных органов ОГПУ в Центр постоянно мелькали эпитеты – „успешная“, „интересны результаты“, „наглядно показала правильность наших утверждений“ и т. д.

Сталин давал распоряжение руководству ОГПУ ликвидировать агентов английской разведки в стране. Вот что он писал в шифрограмме председателю ОГПУ Г. Ягоде: „Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, и явки у них все же остаются. повальные аресты следует использовать для разрушения английских шпионских связей“. 1 июня 1927 года с аналогичным предложением выступил председатель СНК СССР А. И. Рыков. На Пленуме Московского совета он огласил письмо английского консула Престона в британскую коммерческую миссию в Москве: „Дорогой Джерам! Я думаю, что наши шифры получены по приказу Питерса, в связи с письмом от 7 апреля. Я постараюсь найти то, что нужно относительно вашего Дайагеза. Получение нужной нам информации не является легким делом для меня, ибо мои русские птенцы, которых я посылаю на такого рода поручения, подвергаются серьезной опасности, что ГПУ их повесит или четвертует“. По мнению руководства страны, это письмо было не чем иным, как прямым доказательством шпионской деятельности англичан.

8 июня 1927 года (то есть, за шесть дней до прихода чекистов к семейству Федоровых. – *Ф. Р.*) Политбюро ЦК ВКП(б) „в связи с белогвардейскими выступлениями“ постановило: „Поручить ОГПУ провести массовые обыски и аресты белогвардейцев, опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел двадцати видных белогвардейцев, виновных в преступлениях против советской власти; организовать комиссию для усиления мер охраны, как в отношении центральных учреждений, так и отдельных руководящих товарищей“. Это решение стало ответом на жесткие требования Сталина: „Всех видных монархистов, сидевших... в тюрьме или концентрационном лагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами“.

10 июня 1927 года все центральные газеты СССР опубликовали официальное сообщение Коллегии ОГПУ о вынесении смертного приговора четырнадцати террористам-монархистам и шести английским шпионам. Среди расстрелянных оказались: П. Д. Долгоруков – бывший князь и член партии кадетов, в 1926 году нелегально проникший из-за границы в УССР „с целью создания антисоветских групп“; уже упоминавшийся Г. Е. Эльвенгрэн; И. М. Сусанин – бывший полковник белой армии и бывший начальник контрразведки армии Врангеля в Болгарии, в 1926 году перешедший границу с поручениями великого князя Николая Николаевича „организовать террористические группы“; Н. А. Павлович – бывший начальник монархической дружины „Двуглавый орел“, сотрудник контрразведки штаба денкинской армии, в 1920-е годы занимавшийся контрреволюционной работой в Киеве; Б. А. Нарышкин – бывший офицер Черниговского полка, монархист – приверженец великого князя Кирилла Владимировича, который, по материалам КРО ОГПУ, „оказывал шпионские услуги целому ряду иностранных представителей в Москве“; А. А. Микулин – бывший камергер Императорского двора и член Государственного Совета, содержал конспиративные явки для прибывших из-за рубежа контрреволюционеров, террористов и шпионов; Е. Н. Шегловитов – сын царского генерала, монархист, занимающийся шпионажем по заданиям иностранных разведок; В. И. Вишняков – бывший присяжный поверенный, монархист, помогавший террористам; А. Ф. Мураков – бывший крупный купец, финансировал деятельность контрреволюционных монархических организаций на советской территории; В. И. Аненков (он же Махров, Арсеньев) – бывший офицер армии Юденича, нелегально в 1927 году пробравшийся из Парижа в СССР с заданием монархической организации великого князя Николая Николаевича „создать террористические и диверсионные группы“.

Английскими шпионами оказались: В. А. Евреинов (тот самый, к кому Чарнок назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии. – *Ф. Р.*) – бывший царский консул и руководитель царской разведки в Персии, по данным ОГПУ, „являлся агентом английской миссии в СССР, будучи сотрудником Госбанка СССР, сообщал сведения шпионского характера о финансовых планах Советского правительства, а также о частях Московского военного округа“; Н. А. Карпенко – бывший офицер и ближайший помощник атамана Семенова, находился „на агентурной связи у британского поверенного в Москве Р. Ходжсона, сообщал данные о РККА и оборонных сооружениях“; С. Е. Мазуренко – бывший колчаковский офицер, в прошлом сотрудник Центрального управления морского транспорта, информировал английскую разведку о морском и железнодорожном транспорте и о военных перевозках в СССР; К. Н. Малевич-Малевский – бывший царский офицер, командирован британской дипломатической миссией в Персии для организации шпионской работы в Советском Союзе; А. Е. Скальский – состоял на секретной службе у английской разведки, сообщал секретные сведения об авиации и военной промышленности СССР английскому агенту в Финляндии Буйнакову;

Н. И. Лычев – бывший сотрудник Департамента полиции МВД царской России, секретный агент члена английской миссии в Москве Э. Чарнока...

Этот английский дипломат организовал сбор сведений об общем состоянии РККА, дислокации воинских частей, организации мобилизационной готовности военной техники, а также данных об экономическом положении в СССР. Главными поставщиками информации выступали сыновья известного московского миллионера Кирилл и Владимир Прове. Один из братьев (Кирилл) служил делопроизводителем в батальоне охраны РВС, другой – сотрудником Аэродинамического института. Им помогали в «шпионстве» юрисконсульт Управления делами РВС В. Корепанов, старший писарь батальона охраны РВС Н. Нанов и инструктор спецшколы Управления военно-воздушных сообщений НКО Н. Подрезков.

По оперативным материалам КРО ОГПУ, среди агентов Чарнока оказались и расстрелянные в июне 1927 года – бывший иностранный информатор финансово-экономического бюро Госбанка СССР В. А. Евреинов, заведующий складом „Конкордия“ А. Е. Скальский, служащий „Москвинпрома“ Н. А. Карпенко (хотя ранее их числили за английским консулом в Ленинграде Престоном)...»

Забегая вперед, сообщим, что в сентябре 1992 года Главная военная прокуратура РФ прекратит уголовное дело в отношении Евреинова. Позднее (в декабре 1992 года) были реабилитированы Скальский и Карпенко. Однако в отношении братьев Прове ничего подобного не произошло.

Итак, в три часа ночи 14 июня 1927 года в дверь квартиры Федоровых позвонили. Не успев спросонья сообразить, в чем дело, глава семейства открыл дверь и увидел на пороге нескольких мужчин. Один из них предъявил удостоверение сотрудника ГПУ и попросил Зою одеться и проехать с ними на Лубянку. На вопрос отца: «А в чем, собственно, дело?» – последовал короткий ответ: «Там ей все объяснят».

На Лубянке Федорову привели в кабинет к следователю А. Вунштейну. Тот объяснил девушке, за что ее вырвали посреди ночи из постели – из-за Кирилла Прове. Ей сообщили, что он арестован как английский шпион, и попросили дать показания касательно ее знакомства с ним. Зоя объяснила: дескать, знаю его недавно, ничего предосудительного в его поступках не замечала. Допрос длился чуть больше часа, после чего Зою отпустили, взяв с нее подписку о невыезде. Судя по всему, чекисты поняли, что даже если девушка и могла быть интересна Кириллу Прове как источник информации (напомним, что она работала в Госстрахе бухгалтером), то вовлечь ее в свои сети он вряд ли успел – с момента их знакомства до ареста Прове прошли считанные недели. И работать в Госстрахе Зоя едва только начала. Короче, этим часовым контактом Федоровой с ГПУ дело и закончилось.

Впрочем, это только одна из версий той истории. Вторая версия может выглядеть совершенно иначе, и, согласно ей, контакты Зои с ГПУ тогда не закончились, а именно начались. Имеется в виду плотное сотрудничество Федоровой с чекистами на осведомительской основе. Есть ли у этой версии какие-то реальные подтверждения? Нет, только косвенные. Их мы и рассмотрим.

Например, известно письмо Сталина председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому от 25 июня 1927 года, где вождь, знавший о проводившейся кампании арестов, потребовал «повальных арестов» конкретно от Контрразведывательного отдела ОГПУ во главе с А. Х. Артузовым – с целью парализации «английского шпионажа» и широкой вербовки арестованных в агентурно-осведомительную сеть. При этом Сталин приказал шире вербовать именно комсомольскую молодежь, в число которой входила и героиня нашего рассказа – Зоя Федорова. А уже десять дней спустя появилось еще одно письмо – на этот раз заместителя Менжинского Г. Ягоды. О том, что это было за послание, читаем все у тех же Михаила Тумшиса и Александра Папчинского:

«В результате массовых операций 1927 года органы ГБ смогли решить две задачи: а) значительно почистили „людскую базу контрреволюционных организаций и иностранных разведок“; б) ускоренным порядком провели массовую вербовку новой агентуры (главным образом из числа „арестованных бывших царских и белых офицеров, вузовской молодежи, технических служащих, журналистов и т. д.“). Уже 5 июля 1927 года первые результаты подвел заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода. Он писал начальникам ведущих отделов ОГПУ (А. Х. Артузову, Т. Д. Дерибасу, Н. Н. Алексею и Я. К. Ольскому): „Произведенная операция совершенно ясно показала, что мы ударили по 50 процентам по старому контрреволюционному активу. Это доказывает, что учет нового актива, новой «советской» контрреволюции, мы не знаем, мы не учли его в процессе нашей работы. Совершенно ясно, что какую-либо серьезную организацию искать надо именно в этих группах. Может быть (и даже, наверное), что руководство (идеологическое) исходит от стариков, но... актив, конечно, молодой..”

Далее Ягода продолжил: „Террор целиком исходит от молодежи. Там же у нас слабо. То же самое мы наблюдаем и по линии КРО, в части шпионажа осведомлены мы сильно (и то не везде). В части контрреволюции идем по старым связям, варимся в старых осведомителях, кои выдохлись и расконспирировались. Помните, что опасность не в этих старых, испытывавших сидку и внутреннюю тюрьму людей, опасность от молодого актива, его и надо искать, среди него и надо заводить целую сеть осведомителей. Посадите на это дело лучших крокистов. В КРО надо самых сильных товарищей посадить на террор и монархистов, изучить все их материалы по зарубежной эмиграции.” Концовка письма заместителя председателя ОГПУ оказалась следующей: „Этой операцией надо воспользоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить в лагерь, если даже заслужили этого”».

Итак, обратим внимание на следующие слова: «органы ГБ смогли ускоренным порядком провести массовую вербовку новой агентуры из числа вузовской молодежи, технических служащих» (под эти категории подпадала и Зоя Федорова – молодая работница Госстраха). А также на слова наркома Ягоды: «В части контрреволюции идем по старым связям, *варимся в старых осведомителях, кои выдохлись и расконспирировались* (выделено мной. – Ф. Р)... „Опасность от молодого актива, его и надо искать, среди него и надо заводить целую сеть осведомителей. Этой операцией надо воспользоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить в лагерь, если даже заслужили этого».

Учитывая эти заявления наркома, трудно представить себе, что чекисты на местах могли их проигнорировать. Поэтому можно предположить, что и попадание в сферу внимания 17-летней Зои Федоровой не могло закончиться лишь ее мирной беседой со следователем. Зачем упускать шанс, который сам пришел к тебе в руки? Наверняка девушку попытались завербовать на будущее. Ведь работала она не абы где, а в Госстрахе – учреждении достаточно серьезном и полезном. Каким образом могла проходить вербовка? По-разному. Например, в «Кратких указаниях ЧК для ведения разведки» назывались те же самые методы вербовки агентов, которые были известны по дореволюционной деятельности органов политического сыска. Это, во-первых, личная, материальная или идейная заинтересованность. Во-вторых, убеждение и принуждение (последнее – при наличии сведений, компрометирующих намеренного к вербовке). В-третьих, предлагалось прямое предложение или постепенное привлечение к сотрудничеству.

Федорову могли, например, запугать – напомним, что 6 июня 1927 года на свет появилась пресловутая «политическая» статья 58 УК СССР, сурово каравшая за контрреволюционную деятельность и измену Родине. К Федоровой могли применить сразу несколько пунктов: 1) недонесение о военных изменниках, за которое ей светило десять лет лишения свободы, или 2) оказание помощи «международной буржуазии», которая не признает равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть ее, а равно находящимся под

влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности: наказание – лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

Впрочем, чекисты могли и не запугивать Федорову, применив другой метод. Девушку могли попросту заинтересовать перспективами на хорошее будущее: мол, будешь с нами сотрудничать – мы тебе будем помогать во многих твоих начинаниях, в том числе и по служебной линии (это называется «личная, материальная или идейная заинтересованность»).

Ведь отец Зои к тому моменту уже не работал в Кремле и былым влиянием не обладал. То ли дело ГПУ, обладавшее этим влиянием с лихвой. Оно могло помочь девушке не только по работе в Госстрахе, но и по ее переводу в театральную среду, куда Зоя, как мы помним, сильно рвалась. Отец ей здесь был препятствием, но ГПУ вполне могло пригодиться (и, кстати, пригодилось в итоге). Кто может осудить за это 17-летнюю девушку? Да и за что осуждать – за работу на учреждение, которое стояло на страже государственных интересов? Тем более что Зоя Федорова была комсомолкой, представительницей той самой советской молодежи, которая свято верила в социализм. Ведь перед глазами у нее была трагическая судьба двух братьев Прове, которых в октябре 1927 года по приговору суда расстреляли (причем Кириллу в те дни исполнилось 30 лет).

Что же касается Эдуарда Чарнока, то он отделался легким испугом. Будучи лицом, обладавшим дипломатическим иммунитетом, он летом 1927 года был выслан из страны. Впрочем, тогда СССР разорвал дипотношения с Великобританией, и страну покинули все английские дипломаты – как шпионы, так и обычные дипломаты.

Реконструкция (художественная версия)

Зоя смотрела на чернявого еврея, представившегося следователем Вунштейном, который, как прилежный ученик, макал ручку в чернильницу и выводил на листе бумаги заключение по факту ее допроса, и никак не могла поверить, что это происходит именно с ней. Что это не ее, а другую девушку по имени Зоя Федорова вырвали ночью из постели и привезли на Лубянку, в этот кабинет с одним-единственным окном, выходящим на Кузнецкий Мост.

Часы, висевшие над столом, за которым восседал следователь, показывали начало восьмого утра. За окном уже было светло и с улицы слышались автомобильные гудки, возвещавшие о том, что новый трудовой день (а на календаре был вторник) уже начался. В это время Зоя обычно собиралась на работу – садилась завтракать. При мысли об этом у девушки засосало под ложечкой.

В это самое мгновение дверь в кабинет отворилась, и на пороге возник мужчина в форме сотрудника ГПУ.

– Тебе еще долго? – спросил он Вунштейна, не входя в кабинет.

– Еще минут пять, товарищ Силантьев, – оторвавшись от листка, ответил Вунштейн.

– Отложи, пойдем покурим, – произнес нежданный визитер, после чего пропустил в кабинет мужчину средних лет в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Увидев гостя, Вунштейн быстро положил ручку на стол, а листок вложил в папку, которую убрал в верхний ящик стола. После чего встал и вышел из кабинета. Вместе с товарищем Силантьевым они вышли во внутренний дворик Лубянки и здесь закурили.

– Вербануть хотят девку? – спросил Вунштейн после первой затяжки.

– Как думаешь, шансы есть? – вопросом на вопрос ответил Силантьев.

– У меня бы были, – улыбнулся Вунштейн.

– Значит, и у него будут, – коротко резюмировал Силантьев.

Нежданный гость уселся на место Вунштейна и повел себя как хозяин – открыл ящик стола, извлек из него папку и стал читать заключение, не дописанное его коллегой. Длилось

это несколько минут, во время которых Зоя исподлобья наблюдала за незнакомцем. То, как он себя вел, явно выдавало в нем какого-то важного начальника.

– Меня зовут Ян Карлович, – представился гость, захлопнув папку.

По небольшому акценту, который был у гостя, Зоя догадалась, что он латыш. В их отделе было несколько людей этой национальности, причем все они занимали руководящие должности. Видимо, в ГПУ была такая же картина.

– Буду с вами откровенен, Зоя Алексеевна: мы хотим, чтобы вы нам помогали, – убирая папку в стол, сообщил гость.

– Я и так рассказала вам... вернее, товарищу Вунштейну, все, что я знала.

– Я не об этом. Вы комсомолка?

– Конечно, – кивнула головой Зоя.

– Значит, поймете то, о чем я вас буду просить. Нам нужны толковые молодые люди, которые могут помогать органам ГПУ бороться с такими людьми, как братья Прове. Ведь они есть везде, в том числе и в Госстрахе, где вы работаете.

– Я не понимаю, – глядя своему собеседнику в глаза, сказала Зоя.

– Мы хотим взять вас к себе на работу внештатным осведомителем. Судя по тому заключению, которое написал товарищ Вунштейн, вы были честны с нами и вполне можете нам помочь. Мы нуждаемся в таких молодых честных людях, как вы. Ведь тот социализм, который мы завоевали в семнадцатом году, предстоит в дальнейшем строить именно вам. Мы уйдем, а вы останетесь.

– Но я не могу быть этим... осведомителем – я ничего не умею.

– Большого умения от вас и не требуется, Зоя Алексеевна. В обязанности внештатного осведомителя входит достаточно простая функция: раз в месяц описывать нам ситуацию, которая складывается в вашем учреждении, а конкретно – в вашем отделе. Это описание занимает одну-две странички стандартного машинописного листа бумаги. Вы пишете машинкой владеете? Вот и отлично – значит, вам не составит труда отстучать на ней эти два листочка. В крайнем случае написать их от руки. Пустяшное дело, одним словом. Но за это мы сможем хорошо вас отблагодарить.

– Вы будете мне платить?

– Эта плата будет выражаться больше не в деньгах, а в протекции. Вы ведь с Кириллом Прове тоже познакомились не ради его статной выправки. Вернее, не только ради нее. Я прав?

Видя, как стушеввалась его собеседница, чекист продолжил:

– Мы люди искушенные, многих здесь повидали, поэтому привыкли говорить начистоту. Кирилл вас привлек своим положением, которое обещало хорошие перспективы. Но это, как видите, оказалось блефом. Теперь вашего кавалера ждет суд, который вынесет самое суровое наказание.

– Неужели его расстреляют? – встрепелась Зоя.

– Товарищ Вунштейн показывал вам уголовный кодекс и новую статью в нем – пятьдесят восьмую?

Зоя кивнула, поскольку следователь сделал это практически сразу, как ее ввели в этот кабинет. Еще стенографистка не успела заправить листок в свою пишущую машинку, как Вунштейн раскрыл перед Зоей уголовный кодекс и, ткнув пальцем в ту статью, коротко сказал: «Читайте». После чего и начался ее допрос.

– Ситуация в мире накаляется, и наши враги спят и видят, как бы задушить молодую советскую республику, – продолжал свою речь чекист. – У вашего кавалера было прекрасное будущее, но он сам его перечеркнул. А вместе со своей судьбой едва не перечеркнул и вашу. Но у вас есть хорошая возможность забыть все произошедшее, как кошмарный сон, но и

поймать с этого неплохие дивиденды. Неужели вы позволите себе упустить такой шанс? Вы, хоть и молодая девушка, но не глупая – я это сразу понял.

– О каких дивидендах вы говорите?

– О вашей карьере в Госстрахе. Мы можем помочь вам продвинуться по карьерной лестнице. Вы сколько получаете на вашей должности?

– Восемьдесят рублей.

– Не самые большие деньги для девушки, которая любит танцевать фокстрот и модно одеваться в стиле Надежды Ломановой. Кстати, если вы согласитесь с нами сотрудничать, мы можем способствовать тому, чтобы вы попали в поле ее зрения. С вашим лицом и хорошенькой фигурой вы можете стать прекрасной модисткой.

– Я мечтаю стать актрисой.

– Тогда почему вы работаете в Госстрахе?

– Меня устроил туда папа.

– Понимаю, по какой причине он это сделал. Ваш отец наверняка считает артистов растленными людьми. Я прав?

– Что-то вроде этого, – кивнула Зоя.

– Лично я так не считаю – у меня много друзей среди артистов. Кстати, мы можем помочь вам и в этом вашем желании. Стать Анной Стэн сегодня мечтает чуть ли не каждая советская девушка. И я их понимаю – как же она прекрасна в «Девушке с коробкой»! Если вы пойдете в артистки, вам вполне по силам добиться не меньших успехов. У вас за плечами есть какой-то актерский опыт?

– В школе я занималась в драмкружке, и меня там хвалили.

– Это видно по тому, как вы держитесь. Короче, учитывая то, что возможности нашего учреждения безграничны, вы можете со временем осуществить свою мечту. Поэтому с вашей стороны было бы верхом глупости отвергать мое предложение.

– А я могу посоветоваться с отцом?

Ян Карлович ответил не сразу. Прежде он извлек на свет пачку папирос «Казбек», но закуривать не стал. Вместо этого он поднес папиросу себе под нос и пару раз вдохнул в себя ее аромат. И только после этого произнес:

– Зоя Алексеевна, мне казалось, что я разговариваю с взрослым человеком, а не с ребенком. Когда вы соглашались принять ухаживания Кирилла Прове, вы тоже сначала советовались с отцом? Вот и в нашем случае этого не требуется. Тем более что мое предложение подразумевает крайнюю степень секретности. О нем могут знать только два человека: вы и я. Больше никто. Вам понятно?

Зоя молча кивнула.

Вернув папиросу обратно в пачку, Ян Карлович захлопнул ее и спрятал в брючный карман. После чего спросил:

– Значит, вы согласны с моим предложением?

– Да, я буду на вас работать.

– Надеюсь, что говоря «на вас», вы подразумеваете не меня лично, а наше молодое рабоче-крестьянское государство.

Сказав это, Ян Карлович впервые за весь их разговор улыбнулся. Затем открыл верхний ящик стола и извлек на свет лист чистой бумаги. Положив его на стол перед Зоей, он сказал:

– Всем нашим новым сотрудникам мы предлагаем написать стандартную подписку о сотрудничестве. Вот вам ручка, чернила и лист бумаги – я буду диктовать, а вы пишете.

И Зоя безропотно потянулась за ручкой.

* * *

Резолюцию по делу № 47268 (по нему проходила Зоя Федорова), которая ставила точку (или, наоборот, не ставила) в контактах девушки с ГПУ, начертал сам заместитель председателя (а фактически председатель) ОГПУ СССР Генрих Ягода. 18 ноября 1927 года (спустя 24 дня после расстрела братьев Прове) он написал следующее:

«Гражданка Федорова З. А была арестована по обвинению в шпионской связи с К. Ф. Прове... Следует констатировать, что инкриминируемое гр. Федоровой З. А. обвинение следствием установить не удалось, а посему полагал бы дело по обвинению Федоровой З. А. следствием прекратить и сдать в архив. Подписку о невыезде аннулировать».

Естественно, никаких намеков о вербовке девушке в этом документе быть не могло – для этого составляются другие бумаги, которые хранятся в ином месте.

Если версия о вербовке Федоровой верна, то попасть она должна была в штат осведомителей-информаторов по линии Информационного отдела (начальник Г. Прокофьев) Секретно-оперативного управления, которым руководил по совместительству с июля 1927 года. все тот же Г. Ягода. Это, кстати, является лишним подтверждением версии о том, что Зою могли завербовать. Вряд ли Ягода упустил бы такой шанс – завербовать в свою «пачку» дочь бывшего начальника паспортного стола Кремля.

Здесь самое время произвести короткий экскурс в историю появления в советской России агентуры спецслужб. А истоки ее надо искать в агентуре. царской. При последнем царе агентуру имели органы общей полиции, уголовно-сыскной полиции, департамента вероисповеданий МВД. Кроме этого, внутреннюю и внешнюю (инострannую) агентуру имело охранное отделение полиции МВД. Агентов вербовали и широко использовали царские органы юстиции, таможенная служба, пограничная стража. После октября 1917 года всю эту агентурную сеть большевики распустили (оставили только в военной разведке), но очень быстро об этом пожалели, поскольку в стране начался разгул не только контрреволюции, но и бандитизма. И вот уже весной 1918 года агентуру стали восстанавливать, причем обратившись за помощью к... бывшим сотрудникам царской уголовно-сыскной полиции. В итоге к 1 июля 1918 года только в органах советского уголовного розыска уже работало 270 бывших сотрудников царской сыскной уголовной полиции, из которых 107 сотрудников занимали руководящие должности. Но уже к марту следующего года руководство ВЧК приказало уволить этих работников с советской службы, поскольку было принято решение опираться в дальнейшем исключительно на рабоче-крестьянскую агентуру. Правда, уволили тогда не всех «бывших» – некоторых оставили, так как без них было совсем туго формировать новую агентуру.

В 1918 году восстановлением секретной агентуры занялся департамент пограничной стражи наркомата торговли и промышленности. А с лета того же года секретных агентов стали использовать органы ВЧК в Москве и Петрограде. Причем в агенты тогда шли сплошь одни добровольцы – комсомольцы и молодые коммунисты, которые денег за эту опасную работу не брали. Они работали исключительно за идею, а материальная оплата такого рода труда придет чуть позже. Даже в январе 1919 года, когда в смете финансирования местных органов ВЧК, милиции и уголовного розыска появилась статья «секретные расходы», это не предусматривало денежных выплат секретным агентам. Статья лишь позволяла компенсировать расходы штатных сотрудников органов ЧК, милиции и уголовного розыска при проведении секретных операций (транспорт, проживание, мелкие бытовые траты и пр.).

В те годы было два вида секретных агентов: разведчик и собственно агент. Первые были штатными сотрудниками оперативных отделов ВЧК и ее местных органов, которые добывали, систематизировали и анализировали оперативную и учетную информацию. То

есть разведчик – это кадровый сотрудник органов ВЧК. А секретный агент – добровольный помощник. Были еще доносители – граждане, писавшие заявления в органы ВЧК и НКВД.

Тем временем с началом в 1921 году нэпа ситуация в агентурной среде стала меняться. В СССР тогда было проведено сокращение бюджетных расходов на 60 %, из-за чего начались массовые сокращения в армии, милиции и ГПУ. Например, только в армии было уволено 1,5 млн человек (с 2 млн до 500 тысяч). А из ГПУ за два года (1922–1923) было уволено 65 % сотрудников. Однако в то же время власти понимали, что столь массовое сокращение кадров может серьезно сказаться на эффективности работы множества учреждений. Понял это и Феликс Эдмундович Дзержинский – тогдашний председатель ГПУ. В итоге он пробил в верхах решение, согласно которому увольняемых по сокращению штатов сотрудников из органов ГПУ-НКВД надлежало оставить в «действующем резерве» и устроить на службу в различные государственные учреждения и на промышленные предприятия. Таким сотрудникам поручалось секретное делопроизводство, кадровая работа, обеспечение внутреннего распорядка и режима. Кроме того, «железный Феликс» предложил использовать бывших чекистов для сбора социально-политической и оперативной информации, чтобы контролировать настроения в трудовых коллективах, выявлять взяточников и растратчиков, пресекать нарушение законодательства и протекционизм, устранять недостатки управления и организации текущей работы. Таким образом были убиты сразу два зайца: во-первых, тысячи людей не остались без работы, во-вторых – они стали приносить реальную пользу государству.

В те годы в секретные агенты зачислялись только оперативные сотрудники ГПУ. В штате местных органов ГПУ такие составляли не более 20 % от общей численности. А к 1924 году из 65 % уволенных из органов ГПУ по сокращению в секретные агенты попало не более 10 % сокращенных. Тогда же секретные агенты были объединены в резидентуры, во главе которых стоял резидент. Они работали в московских и ленинградских вузах, на крупных промышленных предприятиях.

В каких сферах советского общества в 1922–1929 годах широко использовалась секретная агентура ОГПУ? Вот что об этом пишет К. Скоркин:

«Это правительственные учреждения, тресты, акционерные общества, предприятия оборонного значения, крупные машиностроительные и металлургические заводы, научные и высшие учебные заведения, редакции газет и журналов, цензурные и репертуарные органы наркомата просвещения, аппараты дипломатических и торговых представительств за границей. Позднее секретная агентура стала работать в системе машинно-тракторных станций (МТС), политотделах железных дорог, пароходств, совхозов. С 1923 года донесения секретной агентуры в органах ОГПУ стали включать в еженедельные информационные сводки. Так именовали в те годы особые информационные сводные материалы с грифом „совершенно секретно“. В информационных сводках начала двадцатых годов имелись следующие разделы: положение в отраслях народного хозяйства; социально-политические настроения разных социальных групп населения; деятельность оппозиционных политических партий и движений; положение в религиозных организациях; вооруженный бандитизм, повстанчество и уголовная преступность. При составлении таких сводок использовались не только донесения секретной агентуры, но и оперативная информация подразделений органа ГПУ. Информационная сводка затем направлялась в Москву в ОГПУ и в местный партийный комитет. В 1922 году в системе ГПУ появилась особая категория сотрудников, которых именовали сексотами. Сексоты делились в ГПУ на две самостоятельные категории. К первой категории относились штатные сотрудники ГПУ. Они выполняли отдельные секретные поручения своих подразделений.

Таких сотрудников через партийные органы временно устраивали в учреждения и на предприятия. После выполнения секретного задания они возвращались к своему прежнему месту службы. Вторая категория сексотов в штате органа ГПУ не состояла. Это комсомольцы

или молодые коммунисты, рекомендованные партийными органами для работы в ГПУ. В качестве сексотов они проверялись на практике к пригодности для оперативно-розыскной работы. Если сексот успешно проходил проверку, то зачислялся в штат ГПУ. Если нет, то либо исключался из категории сексотов, либо использовался разово по мере оперативной надобности. Таким образом, агенты и сексоты – это не энтузиасты или принужденные граждане. Они являлись сознательными, дисциплинированными и добросовестными работниками органов ГПУ. И не важно, состояли они в штате или нет.

Сегодня их с удивительной легкостью именуют «провокаторами и доносчиками». Но эти эпитеты к данной категории работников неуместны. Это чекисты, выполняющие специфическую работу негласного характера. Какие же должности в советской системе занимали секретные агенты и сексоты ОГПУ? Молодежь – это рабочие, колхозники, студенты, рядовые служащие. Более опытные сексоты работали в подразделениях делопроизводства, кадров, финансового и материально-технического снабжения. В 1923 году органы ОГПУ, милиции и уголовного розыска получили законное право вербовать для оперативных нужд осведомителей. При этом было категорически запрещено вербовать в осведомители членов партии. Приемы и методы вербовки осведомителей и поныне составляют государственную тайну. По этой причине в статье они опущены. Но в данном случае важно понять то, что агенты, сексоты и осведомители – это не одно и то же.

Это разные категории негласных работников государственных органов с четкими и весьма специфическими функциями. Позднее осведомители в документах ОГПУ-НКВД стали именовать агентами или негласными агентами. Но по сути они оставались осведомителями. Они учитывались в органах ОГПУ-НКВД отдельно от секретных агентов из чекистов запаса. Наиболее широко и активно в двадцатые годы в системе ОГПУ осведомителей использовали органы пограничной охраны. Без их помощи обеспечить надежную охрану государственной границы невозможно. Не менее широко и активно использовались осведомители в органах финансового контроля и налогообложения. Через осведомителей оперативно выявлялись в сельской местности факты занижения показателей посевной площади, численности домашнего скота и наемных работников в хозяйстве. Осведомители информировали финансовые и налоговые органы о подпольном производстве, выгонке самогона, незаконной торговле и скупке продовольствия. Такими осведомителями финансовых и налоговых органов в то время являлись члены „сельского актива“. Это молодые деревенские коммунисты и комсомольцы. Осведомители широко использовались органами милиции и уголовного розыска. Таковыми состояли члены домовых комитетов, дворники, работники городской коммунальной системы, пенсионеры.

Через осведомителей органы милиции выявляли в городах граждан, проживавших без регистрации и документов, всевозможные притоны, нелегальные казино и бордели, очаги самогоноварения, скупщиков краденых вещей и материальных ценностей. С помощью таких добровольных осведомителей в годы нэпа обеспечивалась высокая эффективность борьбы органов милиции с уголовной преступностью и административными правонарушениями граждан. Органы ОГПУ использовали осведомителей только в крупных государственных и хозяйственных учреждениях, на предприятиях оборонного значения и в высших учебных заведениях. С 1925 года практика использования осведомителей в ГПУ была расширена на общественные, культурные и религиозные организации...»

Обратим внимание в этом абзаце на организации культурные – именно к ним относились учреждения, работавшие в сфере кинематографа (а очень скоро Зое Федоровой предстоит начать работать в этой отрасли, причем до конца жизни – более пятидесяти лет). Итак, кинематограф в двадцатые годы в Советской России был нэпманский – то есть, коммерческий. Правда, под контролем государства, в том числе и его спецслужб. Читаем в статье «Советский кинонэп двадцатых годов»:

«...Крупной организационной мерой советской власти в период „киноэпа“ стало создание Всероссийского фотокинематографического акционерного общества „Советское кино“ („Совкино“). Устав „Совкино“ был утвержден СНК РСФСР 10 декабря 1924 года. Учредителями Совкино явились: ВСНХ РСФСР, НКВТ СССР, НКП, Московский и Ленинградский губернские исполнительные комитеты. Уставом АО „Совкино“ была определена цель деятельности общества, которая заключалась в развитии кинопромышленности для наиболее полного обслуживания культурных потребностей трудящихся. Акционерному обществу предоставлялось право: открывать и эксплуатировать всякого рода предприятия по фото- и кинопроизводству, прокату и торговле материалами, оборудованием и изделиями фото- и кинопромышленности; эксплуатировать и организовывать кинотеатры на территории РСФСР. Высшим органом управления „Совкино“, как и любого акционерного общества, являлось Общее собрание акционеров, которое должно было решать ключевые вопросы, которые в значительной степени могли повлиять на работу общества. Председателем Общего собрания в течение всего периода существования „Совкино“ была В. Н. Яковлева, заместитель наркома просвещения.

Материальную базу для развития кинодела „Совкино“ должно было создавать из доходов от прокатных, экспортных и импортных операций, то есть зарабатывать своей деятельностью. С 25 марта 1925 года правление „Совкино“ заключило с Наркомпросом РСФСР договор о практическом осуществлении акционерным обществом монопольного права кинопроката. Тем самым все самостоятельные прокатные организации прекратили свою деятельность.

На территории РСФСР „Совкино“ обладало исключительным правом производить операции по экспорту и импорту кинофильмов и кинотоваров, а также изыскивать для кинопромышленности СССР кредиты за границей и привлекать иностранные капиталы.

Таким образом, советское государство в данном случае пошло по пути создания коммерческого предприятия, которому отводилась роль главного государственного органа управления кинематографией. В этом проглядывается определенная логика властей – раз государственные структуры в условиях новой экономической политики и при отсутствии планового финансирования не справляются с задачами, стоящими перед советским кинематографом, пусть этим займется акционерное общество, обладающее монополией проката, которое сможет заработать на кино деньги и пустить их в дело реализации государственных кинематографических задач. Дело вроде бы сдвинулось для советской власти с „мертвой точки хаотического рыночного развития и нездоровой конкуренции“: началась централизация кинопрокатной сети, был упорядочен и поставлен под контроль ввоз заграничной кинопродукции, частные кинопредприятия, лишившись возможности кинопроката и работы с иностранными конторами, в большинстве случаев прекратили существование.

Но произошло то, что вряд ли могли предположить государственные и партийные деятели. Вместо того чтобы стать оплотом реализации ленинского взгляда на кинематограф и решать задачи, которые ставила перед кинематографом советская власть, „Совкино“, умело воспользовавшись предоставленными ему монопольными привилегиями, превратилось в нормальную мощную кинокомпанию, которую можно сравнить с лучшими образцами киноиндустрии США и Европы. Главной целью своей деятельности она считала получение максимально возможных прибылей от кинопроизводства и кинопроката. Во главу угла „Совкино“ поставило создание интересных зрителю художественных картин и развитие сети коммерческих кинотеатров в крупных городах. Как такое могло произойти? На такой выбор стратегии развития „Совкино“ повлияли люди, стоявшие у руководства акционерного общества, так как именно они решали основные стратегические и практические вопросы, связанные с производством и прокатом. Председателем Правления „Совкино“ во все время его существования был К. М. Шведчиков. Кроме председательских, он выполнял функции

руководства экспортно-импортным направлением деятельности. В „Совкино“ Шведчиков перешел из Наркомторга, где занимал должность начальника Управления регулирования и являлся членом Коллегии НКВТ СССР (Наркомат внешней торговли). Заместителем председателя был И. П. Трайнин, который сменил до прихода в „Совкино“ несколько профессий – был маляром, журналистом, редактором журнала. Его первое знакомство с кинематографом состоялось еще до революции, когда он начал сниматься статистом у компании „Патэ“ (он шесть лет жил во Франции). Несмотря на то, что он не окончил ни одного учебного заведения, в дальнейшем, уже после ликвидации АО „Совкино“, Трайнин станет ученым в области права, а в 1939 году – академиком. Он является автором ряда работ по государственному праву и национальному вопросу. Таким образом, у руля советской кинематографии встали не „киношники“, а, в общем-то, люди прагматичные. С самого начала они выбрали долгосрочную стратегию своего развития, которую озвучил Шведчиков: „Нас хотят заставить ставить исключительно политпросветские темы, тогда как на основе нашего устава мы являемся коммерческой организацией, извлекающей прибыль в конечной цели“.

Но главная причина, по которой „Совкино“ избрало для себя подобный путь, – это, конечно же, рынок. „Кинонэп“, порожденный новой экономической политикой, в 1924 году уже всюду функционировал, и „Совкино“, используя свои привилегии, сразу же начало действовать по законам рыночной экономики, по которым базовая цель кинематографической промышленности – зарабатывать деньги, а все остальное уходит на второй план...»

Как видим, из этого текста вовсе не следует, что ГПУ (бывшая ВЧК) являлась официальным куратором кинематографа. Однако обратим внимание, что одним из учредителей «Совкино» был Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. С 1926 года его возглавил (и был им до 1930 года) Семен Лобов – бывший чекист (хотя бывших чекистов, как известно, не бывает). В 1919–1920 годах он был председателем Саратовской ЧК, а в 1920–1921 годах – уполномоченным ВЧК по Башкирской АССР, председателем Башкирской ЧК, наркомом внутренних дел Башкирии.

Более того – председателем ВСНХ СССР в 1924–1926 годах был бывший председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Все это было не случайно, а прямо вытекало из тогдашней ситуации, а именно: по мере развития нэпа советские власти ужесточали контроль за экономикой именно с помощью чекистских кадров. Нечто подобное случится уже в наши дни, когда к власти в России придет профессиональный чекист, который приведет в органы управления государством своих коллег по работе. Но впервые подобное было опробовано именно в годы нэпа, в двадцатые годы. Читаем у историка С. Павлюченкова:

«...По мере дальнейшего отступления партии по пути либерализации социально-экономических отношений и развития нэпа секретные службы приобретали все больший удельный вес в системе партийного контроля над обществом. Круг обязанностей органов ВЧК-ГПУ существенно расширился, по инициативе Ленина они стали универсальным источником государственной информации по всем важнейшим сторонам общественной жизнедеятельности, а также приобрели даже некоторые экономические функции. В сентябре 1921 года в составе каждой ЧК был образован экономический отдел, перед которым поставили задачу выработать и внедрить новые методы „борьбы с капиталом и его представителями в области экономической жизни“. В циркулярном письме президиума коллегии ВЧК по вопросам деятельности в условиях новой экономической политики всем губчека наряду с предупреждением „против излишних увлечений наших товарищей борьбой с буржуазией как с классом“ в девяти развернутых пунктах описывались их новые, весьма обширные обязанности. В том числе: помощь государству в сборе продналога, хранение и правильное расходование товарного фонда, помощь государственным предприятиям в борьбе с конкуренцией частного капитала, контроль за порядком сдачи в аренду предприятий, за правильным снабжением сырьем мелкой, средней и кустарной промышленности, слежка за внешнетор-

говыми операциями, не говоря уже о традиционной борьбе с хищениями, „царящей“ бесхозяйственностью, безалаберностью и бюрократизмом...»

Именно при Дзержинском и Лобове во всех советских учреждениях началась вербовка новой агентуры. Не стало исключением и «Совкино», которое мало того что было головной организацией в сфере самого важного из искусств – кинематографа (по В. И. Ленину), так еще и осуществляло сделки с зарубежными партнерами. А еще в апреле 1921 года было принято решение о создании коммерческо-промышленной разведки, что было связано с развитием экспортно-импортных связей с международным рынком. Обеспечивая этот шаг, руководство ГПУ тогда же отмечало, что совершение ряда преступных сделок зарубежными партнерами привело к тому, что назрел «вопрос о создании коммерческо-промышленной разведки». Западная Европа и Америка «зорко следят за каждым экспортным и импортным фунтом», но еще более они «заинтересованы не столько в коммерческой наживе, сколько в разрушении экономики страны во имя свержения советской власти».

Таким образом, в ГПУ (в его Экономическом управлении) стала концентрироваться работа по руководству не только осведомительно-агентурной работой в масштабе страны, но и всей экономической разведкой за границей. Экономическому управлению отпускались секретные суммы на развитие этой работы. Для успешного развития разведки предлагалось «войти в тесный контакт с частной торговлей и промышленностью и потому самому или производить торговые, финансовые и другие операции, или входить пайщиками в существующие торговые и промышленные предприятия, или открывать свои склады, магазины и др...». При этом должна была соблюдаться строгая конспирация этой работы, а за понесенные нецелесообразные убытки приходилось «нести ответственность». При этом важнейшей составляющей в работе ЭКУ была деятельность секретных агентов.

В 1922 году в недрах ГПУ были подготовлены документы по организации осведомительной работы в своих наркоматах и их органах на местах. По смыслу их осведомительная служба должна была быть «вспомогательным средством в работе ведомственной комиссии, являясь на деле шупальцами комиссии, посредством коих мы должны все видеть и все знать, что скрыто в обыденной жизни или скрывается от карательных органов советской власти».

Перед осведомительными службами были поставлены две основные задачи:

- сбор сведений о коррупционных правонарушениях среди сотрудников советских учреждений, фабрик, заводов, воинских частей, милиции и уголовного розыска;
- обработка и передача полученной информации председателю ведомственной комиссии или его заместителю для принятия решения по ее дальнейшему использованию.

Руководил работой осведомительной службы член ведомственной комиссии, ответственный за организацию «осведомительской сети» в том учреждении, в котором он работал. В его обязанности входила разработка плана

осведомительной сети, вербовка осведомителей в пределах своего учреждения, непосредственное руководство ими, проверка получаемых сведений через других осведомителей, предварительная обработка полученных сведений и выработка новых приемов и методов вербовки и получения информации.

Для успешного выполнения поставленных перед службой задач осведомители вербовались «по возможности из числа освещаемой массы, в идеальном случае из числа сотрудников того учреждения, где они работали». Наиболее удачной считалась вербовка беспартийных из числа лиц, проверенных в своей преданности советской власти и «не занимающих административных должностей и постов, то есть из низов рабочих и крестьянских масс».

В «Основных правилах для каждого осведомителя» особо указывалось, что осведомитель, являясь «глазами и ушами» комиссии по борьбе с взяточничеством, должен передавать только проверенную информацию и вести свою работу строго конспиративно. При наблюдении за своими сослуживцами рекомендовалось обращать внимание, «на какие средства они

живут, о чем больше всего говорят, какие позволяют себе проступки и не ведут ли разговора, указывая на плохое материальное положение, как ведут себя по отношению к посетителям, не разбивают ли таковых по категориям, то есть чисто одетых и наоборот». За «доставление нужных сведений» осведомителю полагалось вознаграждение.

В «Совкино» (его штаб-квартира располагалась в Малом Гнезниковском переулке, дом 7) тоже был член ведомственной комиссии по борьбе с взяточничеством, отвечавший за работу осведомительной службы. В ее штате были десятки агентов, начиная от сотрудников административного аппарата «Совкино» и заканчивая работниками кинофабрик: режиссеры, операторы, сценаристы, актеры, гримеры, осветители и т. д. Причем агенты вербовались разными структурами ГПУ: например, на ЭКУ работали администраторы, счетоводы, финансисты, статисты, на СПО (Секретно-политический отдел) – режиссеры, сценаристы, актеры и т. д. Но в любом случае при небольших штатах СПО, ЭКУ и других подразделений ГПУ (120–150 сотрудников), агентов было в десятки раз больше. Кто-то назовет это паранойей, но это неверный подход. Создавшееся тогда положение диктовалось международной ситуацией, когда СССР вынужден был существовать в окружении враждебных государств (кстати, эту практику позднее переймет Израиль, что закономерно – в советском ГПУ и израильском было много евреев, а они хорошо умеют выживать во враждебном окружении). Поэтому сотрудничество с органами хотя и не было окружено ореолом какой-то романтики, но воспринималось как вполне нормальное явление в условиях только что закончившейся гражданской войны и давления Запада на первое в мире государство рабочих и крестьян. Кстати, в странах той же западной демократии «стучать» правоохранительным органам считалось почетной обязанностью каждого законопослушного гражданина. Все это играло свою роль в поддержании порядка в обществе.

Обратим внимание, что опять же в 1926 году (в феврале) на пост начальника ЭКУ был назначен Георгий Прокофьев, по совместительству оставшийся руководителем Информационного отдела (в агентах которого, судя по всему, могла тогда числиться и Зоя Федорова) и Отдела политконтроля ОГПУ. Опытный и образованный чекист, имевший высшее юридическое образование, руководивший ранее нелегальной разведкой (был замначальника закордонной части ИНО), возглавлял органы экономической безопасности в течение пяти лет (с октября 1929 года – член Коллегии ОГПУ) и воспитал большую группу работников, сыгравших крупную (и неоднозначную) роль в истории советских органов госбезопасности. Его помощником с апреля 1926 года был Лев Миронов (в 1931 году он возглавит ЭКУ).

В 1928 году в СССР будет создано первое иностранное совместное кинопредприятие – советско-германская кинофабрика «Межрабпомфильм» (появилась на основе расформированного акционерного общества «Межрабпом-Русь»). Естественно, без внимания ГПУ это предприятие не осталось – его агентуры и там хватало. Чуть позже с этой кинокомпанией пересечется и героиня нашего рассказа – Зоя Федорова. Но об этом рассказ впереди, а пока вернемся в конец двадцатых.

Осведомительская работа в «Совкино» преследовала две главные цели: экономическую и идеологическую. В годы нэпа (особенно в первой его половине) на первом месте стояла первая, поскольку во главе угла стояла прибыль. Чем больше денег приносило в бюджет государства учреждение, тем выше был его рейтинг во властной вертикали. Поэтому донесениям агентов ГПУ в «Совкино», где речь шла о каком-нибудь сотруднике, нарушающем идеологические каноны, но хорошо зарекомендовавшем себя на ниве коммерции, обычно не давалось ходу. Как написано чуть выше о руководителях «Совкино» Шведчикове и Трайнине, это были «люди прагматичные», с самого начала они выбрали долгосрочную стратегию своего развития, которую озвучил Шведчиков: «Нас хотят заставить ставить исключительно политпросветские темы, тогда как на основе нашего устава мы являемся коммерческой организацией, извлекающей прибыль в конечной цели... Кинодело, кроме

водочного дела, является одним из самых доходных дел в СССР даже в настоящее время. И, по существу, должно и может в будущем заменить по доходности водочную монополию».

Отметим, что Шведчиков и Трайнин до революции жили в Европе, имели там обширные связи и именно поэтому были поставлены к руководству «Совкино» в годы нэпа, когда эти самые связи стали особенно востребованы. Контроль за ними со стороны ГПУ был жесткий, однако оба деятеля продолжали руководить «Совкино» вплоть до начала тридцатых – до окончания нэпа. Хотя некоторые их поступки шли вразрез с господствующей идеологией. Например, Шведчиков, который монополизировал прокат фильмов в стране, хотел положить фильм С. Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» на полку именно из коммерческих соображений. Он считал, что в нэповское время «агитка» не даст кассовых сборов в СССР, и уж тем более ее не примет зарубежная аудитория. Это возмутило даже В. Маяковского, который бросил знаменитую фразу: «Шведчиковы приходят и уходят, но искусство остается».

За годы работы Шведчикова в «Совкино» на него в органах накопился увесистый компротат. И доживи он до конца тридцатых, не факт, что не угодил бы в жернова репрессий. А так умер в своей постели в 1935 году, будучи директором Всероссийского объединения курортов (с 1932-го). Впрочем, шанс выжить у него тоже был. Вон его заместитель по «Совкино» Илья Трайнин сумел же это сделать, став видным советским юристом. Он скончался в 1949 году, успев поработать руководителем кафедры государственного права в Московском юридическом институте, Военно-юридической академии, а с 1942 года – заведующим кафедрой и профессором государственного права Института международных отношений НКВД СССР. В 1946 году он стал академиком-секретарем Отделения экономики и права АН СССР, а также вошел в состав Президиума АН СССР и был избран почетным доктором Пражского университета (1948). И похоронили его на престижном Новодевичьем кладбище.

Но вернемся в двадцатые годы.

В период 1923–1926 годов, как мы помним, в ГПУ происходило сокращение кадрового состава. И под этим «соусом»

Дзержинский, как мы помним, принял гениальное решение – устраивать (а точнее – внедрять) своих сотрудников в различные учреждения, в том числе и кинематографические. В итоге в эту отрасль тогда пришли сотни бывших чекистов (впрочем, как уже говорилось, бывших чекистов не бывает). Называть их все не хватит места и времени, поэтому ограничусь лишь некоторыми. И начну с режиссера Фридриха Эрмлера (1898). На самом деле его звали Владимиром Бреславом, он был сыном сапожника и в юности ходил в учениках провинциального провизора. Но в годы гражданской войны стал воевать на стороне красных и был разведчиком, взяв себе псевдоним Фридрих Эрмлер (с немецкого последнее слово переводится как «бедняк»). За храбрость его заметили чекисты и взяли служить в ВЧК. Причем бытует две версии того, где именно в ВЧК служил Эрмлер. Сам он рассказывал следующее: «Даже в страшные дни поволжского голода, где ежедневно гибли от голода тысячи людей, работая в Особом отделе ВЧК, я не оставлял мысли о кинематографе». А что такое Особый отдел? Это военная контрразведка. Впрочем, до мая 1922 года эти отделы являлись не только военной, но и гражданской контрразведкой. Читаем в энциклопедии:

«Особый отдел создан на основе объединения фронтовых чрезвычайных комиссий и органов военного контроля в декабре 1918 года. Первым начальником ОО ВЧК был М. С. Кедров.

6 февраля 1919 года Президиум ВЦИК утвердил Положение об Особом отделе ВЧК и его местных органах, где указывалось, что борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте возлагается на ОО ВЧК. Общее руководство этой борьбой должна была осуществлять Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая через свой Особый отдел руководила работой местных отделов контролировала их деятельность и организовывала работу аген-

туры за границы и на оккупированной иностранными державами и занятой белогвардейцами территории.

14 января 1921 года было создано Секретно оперативное управление ВЧК, в состав которого вошли все оперативные отделы, в том числе и Особый отдел. Функции ОО расширились. Ему была поручена также организация контрразведывательной работы в стране...»

Уже много позже, когда Эрмлер станет кинематографистом, он будет пугать своих коллег рассказами о том, что в годы работы в Особом отделе он все время не знал, как правильно написать: «расстрелять» или «росстрелять». То есть, судя по этим рассказам, человеком он в молодости был жестким, если не сказать жестоким. Об этом же говорит и другая история. Когда в 1923 году он поступил в Институт экранного искусства, там училось много детей нэпманов. Так вот Эрмлер, потрясая маузером (!), добился от руководства института, чтобы его выбрали в исполбюро (студенческую общественную организацию), и быстро очистил заведение от нэпманских сынков. После чего по коридорам института стал ходить совсем иной народ – в кожанках, клешах, в полосатых тельняшках и кепках.

По другой версии (ее ввел в оборот один молодой историк кино), Эрмлер, хоть и служил в ВЧК, но по хозяйственной части – чуть ли не «обозником». И поэтому к расстрелам никакого отношения иметь не мог. Короче, выдавал портянки и сапоги младшему и начальствующему комсоставу. А свои героические (и не очень) деяния выдумал. Только сдается мне, что было все как раз наоборот и роль барона Мюнхгаузена должна принадлежать историку, а не чекисту.

Итак, Эрмлер именно в 1923 году покидает (но не выбывает из них) чекистские ряды и поступает учиться на киноактера. Но учеба ему быстро наскучила, и спустя два года он бросает институт и создает (!) киноэкспериментальную мастерскую, сокращенно КЭМ. А помочь ему в становлении этого детища приглашает еще одного бывшего... чекиста – Эдуарда Иогансона. Что это за человек? Он был на четыре года старше Эрмлера (1894) и до революции работал банковским служащим. В 1915 году был призван на военную службу, работал по снабжению в царской, затем – в Красной армии. Затем перешел в ГПУ, где и познакомился с Эрмлером. И в период 1924–1926 годов они вместе сняли как режиссеры три фильма: «Скарлатина» (1924), «Дети бури» (1926) и «Катка – бумажный ранет» (1926). После чего каждый пошел в кино своею дорогой. Но у Эрмлера она окажется круче – он станет очень известным постановщиком, который дважды снимет в своих фильмах героиню нашего рассказа – Зою Федорову: во «Встречном» (1932) и в «Великом гражданине» (1938). Впрочем, об этом мы подробно поговорим чуть позже, а пока продолжим знакомство с темой «чекисты в кинематографе».

Еще один герой нашего рассказа – Александр Ржешевский (1903). До революции он учился в Петроградском немецком училище им. Святой Анны («Аннен-Шуле»), поскольку его отец мог оплатить это обучение (он был из разбогатевших крестьян Псковской губернии). Дважды Александра исключали за плохое поведение, но потом восстанавливали. А затем грянула революция, и молодой человек пошел служить юнгой в Кронштадтский военно-морской артиллерийский отряд. Был разведчиком и пулеметчиком в отряде морской пехоты, участвовал в боях против Юденича и в подавлении восстания форта «Красная горка» (1919–1920). А с конца 1921 года стал особоуполномоченным по борьбе с экономической контрреволюцией ГПУ Туркменской области. Участвовал в раскрытии так называемого дела «Золотой панамы», когда были разоблачены те, кто сплавлял золото в Персию. В числе других Ржешевскому была выражена благодарность в приказе высших органов ВЧК.

В 1922–1923 годах он уже заместитель начальника отдела по борьбе с басмачеством и политическим бандитизмом – начальник оперативного подотдела ГПУ Самаркандской области. А в 1924 году его переводят в Ленинград, и он становится сотрудником 4-го спецотдела ОГПУ Ленинграда и области. Занимается борьбой с политическим бандитизмом –

«савинковщиной», подключается к борьбе с городским бандитизмом. А потом вдруг раз – и в 1925 году поступает на актерское отделение того самого Института экранного искусства, где учился и Эрмлер. Кто-то скажет: надоела молодому человеку чекистская работа, и он пошел в актеры. Мне же видится это иначе, а именно: как уже отмечалось, в середине двадцатых, в разгар нэпа, чекистов отправляют в разные отрасли советской экономики, чтобы иметь там своих людей. И Ржешевский не стал исключением, став в кинематографе весьма крепким сценаристом и драматургом. Причем в кино он дебютирует в 1929 году, написав сценарий фильма «В город входить нельзя» режиссера Юрия Желябужского с кинофабрики «Межрабпомфильм» (кстати, наш герой там является членом литературного совета). О чем это кино? Читаем в аннотации:

«Действие происходит в годы первой пятилетки. В Москве появляется сын известного ученого – белоэмигрант Борис Кочубей, ранее считавшийся погибшим. Вместе с ним приезжает его друг. Ночью шпионы посещают квартиру старика. Как поведет себя в этой ситуации профессор?....»

Режиссер Павел Петров-Бытов (1895) – еще один чекист в советском кинематографе. В гражданскую войну он служил начальником военной цензуры в частях Красной армии, а затем стал начальником отдела Карельского ЧК в Петрозаводске. Там же в 1922 году окончил театральную студию Юрьина. С 1921 года Петров-Бытов служит уполномоченным ОГПУ

Ленинградского Военного округа. Параллельно он совмещает должность заместителя председателя реперткома киностудии «Севзапкино» (будущий «Ленфильм»). Понятно, зачем совмещает – является цензором. А в 1925 году он становится режиссером киностудии «Ленинградкино», продолжая, судя по всему, быть и чекистом. Иначе вряд ли бы он в годы войны был назначен уполномоченным Особого отдела НКВД Северного флота, а также художественным руководителем Мурманского областного театра и начальником сценарного отдела Свердловской киностудии. Более того, в 1945–1946 годах Петров-Бытов становится уполномоченным «Совэкспортфильма» в Финляндии. А эта организация была под надежным «колпаком» НКВД-НКГБ (в 1947–1951 годах председателем объединения «Экспортфильма» был видный чекист Михаил Маклярский, о котором мы поговорим подробно чуть позже).

Кстати, за свою долгую карьеру в кино (1925–1955) Петров-Бытов снял как режиссер одиннадцать фильмов (один – короткометражный). Самый известный – «Пугачев» (1937).

Во второй половине двадцатых органы ОГПУ уже крепко держали бразды правления киношной отраслью в своих руках (естественно, негласно) и зорко следили за ее деятельностью. Вот лишь один из таких примеров – с фильмом «Пограничный пост № 17» (производство «Пролеткино»). В апреле 1926 года Главрепертком запретил выпуск на экран этого фильма, объяснив это следующим мотивом: «Картину „Пограничный пост № 17“ как халтурную, ненужную, несвоевременную, как изображающую китайцев преступниками-контрабандистами, как халтурно рисующую деятельность органов ОГПУ, к тому же заснятую без разрешения ОГПУ, – запретить».

Или еще один пример – с тем же Главреперткомом. В том же 1926 году он приказал купировать фильм Федора Оцепа и Бориса Барнета «Мисс Менд». Цитирую циркуляр: «... Пункт 3. Изъять все сцены участия ОГПУ в ликвидации авантюры...»

Между тем фильмов про чекистов в те годы почти не снималось, поскольку популяризация органов ЧК посредством кино в планы Лубянки тогда не входила. Например, в конце двадцатых ежегодно в прокат выходило порядка 90-100 фильмов (тогда еще немых), и из них только один-два были про чекистов. А первым таким фильмом была картина «Банда батьки Кныша» (1924) режиссера Александра Разумного с Первой фабрики (Госкино). Фильм считался блокбастером и по режиссерской манере был близок к другому блокбастеру тех лет – «Красным дьяволятам» (1924).

Действие «Банды батьки Кныша» разворачивалось в годы гражданской войны. По сюжету небольшой город прифронтовой полосы освобожден Красной армией. Но в самом городе и его окрестностях белые банды при поддержке бывших чиновников и местного духовенства ведут подрывную работу. Переодетые чекисты под видом банды Кныша врываются в город и, чтобы «пересчитать» белых, провоцируют «союзничков» к открытым совместным действиям. В роли батьки Кныша (он же чекист Стальной) снялся Петр Леонтьев – бывший мхатовец, ученик К. Станиславского. Перед этим он сыграл комбрига Иванова в одноименном фильме 1923 года. Короче, это был актер положительных ролей. Хотя в тридцатые ему будут доверять и роли вражеских шпионов, как это произойдет в знаменитом фильме «Ошибка инженера Кочина» (1939). Но об этом фильме мы поговорим чуть позже, а пока вернемся в двадцатые годы.

Режиссером «Кныша» был Александр Разумный, который до этого работал на фабрике «Пролеткино» («Пролетарское кино»). Эта киностудия возникла как ответ рабоче-крестьянской власти на засилье частных (буржуазных) кинофабрик. Короче, «Пролеткино» снимало кино для пролетарской публики. И Разумный был апологетом такого рода кинематографа. А в 1926–1928 годах он уедет режиссировать за границу – на киностудии «Прометеус» в Берлине и «Фобус-фильм» в Париже. Учитывая, что это были столицы, где концентрировались главные силы русской эмиграции, можно предположить, что Разумного могли послать туда не только с творческими целями, но и по чекистской линии, а именно по линии Иностранного отдела (ИНО). Отметим, что Разумный вернулся на родину вскоре после того, как в конце января 1930 года в Париже был похищен агентами ОГПУ председатель Русского общевойска союза (РОВС) генерал Александр Кутепов. Его похитили прямо на одной из парижских улиц, и он практически сразу скончался от разрыва сердца (по другой версии – был убит). РОВС был создан участниками белого движения для проведения террора на территории СССР, поэтому смерть Кутепова была закономерной – как говорится, на войне как на войне.

Что касается Разумного, то свой первый фильм после возвращения он снял в 1935 году. Лента называлась «Кара-Бугаз» и тоже относилась к приключенческому жанру. По сюжету при отступлении из Баку в 1920 году узников белогвардейской контрразведки высаживают на необитаемый остров в Каспийском море, где они должны погибнуть от голода и жажды. Четверым – большевикам Миллеру, Занозе, Нестеровой и ученому Шацкому – удастся спастись....

В 1940 году Разумный снимет знаменитую ленту «Тимур и его команда», а в середине пятидесятых вернется к шпионскому кино – создаст картину «Случай с ефрейтором Кочетковым» (1955). Читаем в аннотации: «Отличный наводчик-артиллерист ефрейтор Василий Кочетков знакомится с продавщицей военторга Валею Градской и становится частым гостем в ее семье. Молодой человек не знает, что она и ее „гостеприимная бабушка“ – агенты врага, желающие выведать у бойца военную тайну. Помня присягу, Кочетков сообщает командованию о подозрительных действиях новых „друзей“ и получает секретное задание – продолжать играть роль жениха. Успешно выполнив приказ командира, боец помогает разоблачить иностранных разведчиков».

Но вернемся к фильмам про чекистов, снимаемым в двадцатые годы.

В 1925 году свет увидела лента «Лесной зверь» режиссера Акселя Лундина с киностудии ВУФКУ (Одесса). Стоит отметить, что именно там тогда чаще всего и снимались фильмы про чекистов. Почему? Одесса еще со времен гражданской войны была чекистским городом. Так вот, фильм «Лесной зверь» был поставлен по книге чекиста Дмитрия Бузько и рассказывал о реальных событиях весны 1920 года, в которых автор сам принимал участие. Бузько тогда был сотрудником Одесской губернской ЧК и его заданием было: обнаружить логово лесного атамана Заболотного, который в течение трех лет терроризировал население

двух уездов, вынудить того добровольно сдаться или заманить в западню и захватить силой. Задание было не только успешно выполнено, но и легло в основу первой автобиографической повести «Лесной зверь» (1923). К сожалению, этот фильм до наших дней не сохранился.

Заметим, что в 1937 году Бузько будет арестован, исключен из Союза писателей и вскоре расстрелян.

Еще один фильм про чекистов, снятый на одесской ВУФКУ, – «Укразия» (1925) режиссера Петра Чардынина. В основу сюжета были положены материалы Одесского Истпарта, рассказывающие о том, как деникинский офицер-контрразведчик Энгер (отвратительная личность с внешностью опустившегося наркомана, вращающаяся в кругу белогвардейцев и не вызывающая никаких сомнений в своей контрреволюционности) попадает в тюрьму, из которой его освобождают большевики. И только после этого становится понятно, что именно Энгер и есть тот самый... красный разведчик «7 + 2», которому и посвящен этот фильм.

Лента «Дело 128/с» (другие названия: «Стертая страница», «Шпион») режиссера Арнольда Кордюма вышла в 1927 году на той же ВУФКУ в Одессе. Сюжет был следующий: идя по улице, прокурор Кравцов узнает в случайном прохожем бывшего белогвардейца Винтера, который должен был быть расстрелян в гражданскую войну. Выяснилось, что красноармеец Прокопчук отпустил пленного. Органы ОГПУ устанавливают за Винтером слежку. Желая искупить свою вину, Прокопчук во что бы то ни стало решает поймать преступника. Выследив его, Прокопчук гибнет в ожесточенной схватке.

Как видим, фильмов про чекистов в те годы снималось не так много, хотя их героические деяния (как в годы гражданской войны, так и в мирные годы) могли бы составить основу не нескольких, а десятков фильмов. Но руководство тогдашнего ОГПУ не ставило целью выпячивать деятельность своих сотрудников посредством кино. Хотя контроль за кинематографической отраслью чекисты держали в своих руках крепко, причем на обоих направлениях – идеологическом и экономическом. Про последнее мы уже говорили, поэтому поговорим о первом, за которым надзидало Секретно-оперативное управление (СОУ) и Секретно-политический отдел (СПО; идеологическая контрразведка). СОУ возглавлял Генрих Ягода (он же первый заместитель председателя ОГПУ В. Менжинского), СПО – Терентий Дерibas (1923–1929). Как происходил этот контроль? В СОУ был Отдел политконтроля, который вел наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные произведения, полиграфическую и кинопродукцию, осуществляли (с марта 1922 года) политический контроль за деятельностью театров, кинотеатров и т. п. Отдел состоял из двух отделений – печати и зрелищ и почтово-телеграфного. 1 ноября 1925 года Отдел политконтроля был слит с Информационным отделом (ИНФО) в Отдел информации и политконтроля (начальник с 15 июля 1926 года – Н. Н. Алексеев).

В СПО ситуация выглядела следующим образом. Было там 12-е отделение, которое следило за оппозицией в печати, в театральной, кинематографической и писательской среде. Начальником отделения (до 1927 года) был поляк Александр Славатинский, выходец из дворянской семьи, служивший в гражданскую войну в военной разведке и погранвойсках на Западном фронте. Славатинский хорошо разбирался в литературе (сам сочинял стихи), поэтому его и назначили надзирать за творческой интеллигенцией. В 1939 году его расстреляют, как и многих чекистов из его поколения, о чем я еще расскажу в соответствующей главе.

В 12-м отделении работало около 50 человек, за кино отвечали десять. У каждого из них на связи было 20–25 агентов, которые ежемесячно писали донесения о состоянии дел в учреждениях, где они работали («Пролеткино», «Совкино», кинофабрики и т. д.). На основе этих донесений сотрудники «дюжины» составляли отчеты, которые ложились на стол Славатинского. Он выбирал из этого вороха информации необходимую и составлял собственный

отчет, который относил заместителю начальника СПО или непосредственно самому главе отдела. А тот уже выходил на председателя ОГПУ, чтобы он имел возможность доложить о ситуации кремлевским верхам (для членов Политбюро готовилась отдельная справка, причем Сталину могли докладывать информацию, минуя его коллег). Одновременно с этим все донесения агентов уходили и в Информационный отдел, где аналитики писали обобщающие справки об общей ситуации, складывающейся в какой-либо из областей (кино, театр, музыка, живопись и т. д.), и этот отчет тоже ложился на столы всех членов Политбюро.

В советском кинематографе тех лет доминировали две группировки. Условно их можно назвать «традиционалистами» и «новаторами». Первые ориентировались на массового зрителя и во главу угла ставили «кассу» – прибыльность кинолент. Их фильмы в художественном отношении были достаточно примитивными, рассчитанными на вкусы массового зрителя. Новаторы же были «заточены» под создание куда более качественных лент, но сложных для восприятия широкими массами. Как писал киновед Н. Лебедев:

«„Кинотрадиционалисты“ проявляют полное равнодушие к воспитательным задачам кинематографа. Идею они рассматривают как нечто принудительное, чуждое кинозрелищу, снижающее его развлекательную ценность...

Равнодушные к вопросам теории, они не проявляют интереса к осмыслению сущности кино, его специфике, отличиям от смежных явлений. Их мало волнует вопрос, самостоятельно ли искусство экрана или это эрзац театра. Для них не важна дальнейшая судьба этого искусства. Не отказываясь от использования в своих фильмах новых средств и приемов, особенно из числа проверенных практикой зарубежного кинематографа, они, однако, не любят рисковать и предпочитают, чтобы поисками и экспериментами занимались другие...

Занимая в 1922–1925 годах ведущее положение на кинофабриках Советского Союза, „традиционалисты“ накладывали на советское кинопроизводство печать консерватизма и инертности. Как в идейном, так и в художественном отношении их фильмы были чаще всего обращены в прошлое, шли проторенными путями русской дореволюционной и зарубежной коммерческой кинематографии.

„Традиционалисты“ ставят салонные мелодрамы из жизни великосветского общества (типа „Камергера его величества“ – романтические приключения престарелого камергера и его молодой любовницы); экзотические псевдовосточные кинороманы (типа „Минарета смерти“, в котором вся творческая фантазия режиссера сосредоточивается на постановке сцены купанья в гареме); комические фарсы – „Президент Самосадкин“, „Н + Н + Н“ („Налог, Нини, Неприятность“) и другие, как две капли воды похожие на свои дореволюционные прототипы.

„Традиционалисты“ делают доходчивые, а порой и талантливые картины, но их творчество инертно, оно либо топчется на месте, либо продвигается со скоростью черепахи. Между тем Октябрьская революция с принесенным ею новым строем идей и чувств и внутреннее развитие самого кино как нового, еще только осознающего себя искусства требовали стремительного движения вперед.

Такое идейное и формальное продвижение советского кино было совершено главным образом молодыми, выдвинутыми революцией кадрами кинематографистов, с которыми связано понятие „киноноваторство двадцатых годов“.

В это понятие принято включать начинавших в ту пору самостоятельную постановочную работу, а позже выдвинувшихся в первые ряды мастеров советского киноискусства: документалиста Дзигу Вертова и режиссеров художественно-игровой кинематографии – москвичей Льва Кулешова, Сергея Эйзенштейна и Всеволода Пудовкина, ленинградцев Григория Козинцева, Леонида Трауберга, Фридриха Эрмлера и украинца Александра Довженко.

Как и „кинотрадиционалисты“, „киноноваторы“ двадцатых годов не представляли собой единого целого. Они меньше всего походили на художественную школу. За исключе-

нием содружества Козинцев – Трауберг, много лет работавших вместе, каждый из новаторов имел собственный, отличный от других творческий путь, свой индивидуальный метод, свой почерк...

Главное, что объединяло их, – ненависть к старому, категорическое отрицание эстетических принципов, господствовавших в русской дореволюционной кинематографии. В своих манифестах и декларациях они безоговорочно сбрасывают с „корабля современности“ все, что связано с этими принципами...»

За борьбой этих течений внимательно следили в ОГПУ, и отчеты об этом регулярно ложились на столы членов Политбюро. Причем если до середины двадцатых годов симпатии высших советских руководителей делились поровну между «традиционалистами» и «новаторами», то во второй половине десятилетия чаша весов стала клониться в пользу вторых, поскольку идейный подход к искусству стал преобладать над коммерческим. Сталин и К° вели дело к закрытию проекта под названием «НЭП», а это автоматически подразумевало победу идеи над коммерцией, или духа над материей. И ОГПУ в этом процессе тоже участвовало, посредством того, что нацеливало свою агентуру (в том числе и среди именитых кинодеятелей) на то, чтобы они придерживались тех позиций, которые разделяли Сталин и К°.

Вообще Сталин, который в те годы еще не имел всей полноты власти в стране и партии, но уже к этому шел, был большим любителем кинематографа. Еще в мае 1924 года, на XIII съезде РКП(б), он заявил: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки». И ведь взял!

Вождь смотрел все киноновинки того времени (в Кремле был собственный кинотеатр) и часто устраивал дискуссии внутри Политбюро по поводу того или иного фильма – обсуждал, нужный ли это фильм для советской идеологии или чуждый ей. Иногда на этих просмотрах присутствовал и председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский или его заместитель Генрих Ягода (он же начальник СОУ). Приглашались они туда не случайно, а с определенной целью – они должны были быть в курсе того, каким именно фильмам отдают предпочтения высшие руководители страны и какие задачи в свете этого следует ставить агентуре в кинематографической среде.

Сталина давно не устраивало то, что многие частные кинокомпании в СССР «завязаны» на границу и скупают там по дешевке второсортный товар, втюхивая его советскому зрителю. Началось это еще в 1923 году, когда кинофабрика «Русь» продала в Еропу фильм «Поликушка» Александра Санина, а на вырученные деньги купила массу примитивного киноширпотреба. Фильм вызвал большой ажиотаж у западной публики по двум причинам: во-первых, это было очень талантливое кино (экранизация Л. Толстого), а во-вторых – аполитичное и асоциальное. Ведь Толстой в своем произведении разоблачал помещичью Россию, а фильм от этой идеи ушел. Согласно сюжету, помещица посылала своего крестьянина Поликея в город за большой суммой денег, а тот на обратном пути их терял и от отчаяния кончал жизнь самоубийством. Как напишет чуть позже все тот же Н. Лебедев:

«...Сценаристы (Н. Эфрос и Ф. Оцеп), добросовестно следовавшие за сюжетной линией повести, приглушили, однако, пафос социального протеста Толстого. Всячески подчеркнув чуткость и доброту помещицы – хозяйки Поликушки, они сместили акценты. Вместо типичной трагедии замордованного крепостничеством крестьянина зритель увидел происшествие – необычайную историю, случившуюся с одним дворовым-пьяницей...»

Такого рода кино (даже несмотря на его художественную ценность) Сталину понравиться не могло. И особенно его возмущало, что, продавая такого рода фильмы за границу, ушлые коммерсанты от кино убивают сразу двух зайцев: набивают себе карманы и «скармливают» советскому зрителю дешевые киноподелки западного производства. Поэтому перед ОГПУ была поставлена задача создавать такого рода коммерсантам невозможные условия

для деятельности. Что и было сделано посредством заведения уголовных дел на кинодейтелей-«традиционалистов» (в 1926–1927 годах в стране произошло несколько судебных процессов по обвинению ряда деятелей кино в коррупции). Именно поэтому тот же Федор Оцеп (один из авторов «Поликушки») вынужден будет в 1929 году уехать сначала в Германию, а затем и в США. Как говорил Сталин в узком кругу: «Надо бить по старым революционным эмигрантам. Эмигранты – это люди беспочвенные, у которых на уме только международная революция, а теперь нужны руководители, способные осуществлять социализм в одной стране...» А ведь за мутным кинопоток, который лился на СССР с Запада, стояли именно эмигранты, которые таким образом старались пробить брешь в советской идеологии.

В 1928–1931 годах Сталин многократно принимал у себя и председателя ОГПУ Менжинского, и его первого зама Ягоду. В первую очередь это было связано с делами по разгрому оппозиции, но в то же время Сталин интересовался у них и состоянием агентурной работы в среде интеллигенции. Причем принимал он их или вместе, или по отдельности. Судя по всему, у каждого из чекистов был свой фронт работы: Менжинский отчитывался о деятельности контрразведки (а СПО входил именно в нее) и подрывной работе против левых и правых в партии, Ягода же отвечал за «цифирь» (статистические и аналитические данные), а также за проведение разного рода эксов, сбор улик и т. д.

А вот чекистов, ведавших внешней разведкой, Сталин в ту пору не особенно жаловал и принимал крайне редко. Например, начальника ИНО (Иностранный отдел) ОГПУ Артура Артузова вождь впервые пригласит в Кремль только в 1933 году, когда к власти в Германии придет Гитлер.

Но вернемся к Зое Федоровой.

Итак, она вполне могла попасть в категорию осведомителей-информаторов по линии Информационного отдела. Почему именно туда? Дело в том, что с ноября 1922 года руководство ГПУ ввело новую классификацию внештатных секретных сотрудников. По линии Информационного отдела СОУ в качестве информаторов в учреждениях, на предприятиях, в общественных организациях и т. п. привлекались только лояльные к власти лица, к коим и можно было отнести Зою Федорову (вспомним место службы ее отца, который до этого трудился в Кремле). На таких информаторов возлагались обязанности освещать настроения людей, с которыми они вместе работали, по некоторым вопросам, сообщать о состоянии дел на предприятиях и в учреждениях, о деятельности администрации, фактах злоупотребления и т. п. Причем информацию осведомители-информаторы передавали так называемым резидентам – работникам того же учреждения, где они работали. Обычно на мелких предприятиях был всего один резидент, а на больших (вроде Госстраха) от трех до пяти. Этот резидент затем передавал собранную информацию уже непосредственно чекистам. Данные сведения обобщались в информационных отделах в секретные сводки и направлялись руководству местных партийных и советских органов, в ОГПУ, которое в свою очередь обрабатывало и доводило информацию до Центрального комитета партии и правительства. Другой категорией секретных сотрудников являлись осведомители, вербовка и руководство которыми находились в ведении секретных и контрразведывательных отделов. Таких осведомителей вербовали, в отличие от информаторов, из среды, социально чуждой советской власти.

В двадцатые годы в недрах ГПУ была составлена справка, в которой давалось объяснение, почему приветствуется служба женщин в разведке и контрразведке. В ней отмечалось следующее: «Женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит вникать во все подробности, чего не скажешь о мужчинах. Женщины более усидчивы, терпеливее, методичнее, чем мужчины. Кроме этого, привлекательные внешние данные женщины позволяют ей расположить к себе любого собеседника... Рекомендуется поручать женщинам-агентам проведение операций, связанных с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, представляет опасность...»

Как и полагается, каждому агенту спецслужб присуждается оперативный псевдоним. Женщинам чаще всего подбираются красивые имена, часто имеющие отношение к их личным пристрастиям, привычкам. Если мы исходим из версии о том, что Зоя Федорова стала таким агентом, то нетрудно предположить, что у нее тоже было агентурное имя. Какое? Например, «Зефир». Во-первых, по начальным буквам имени и фамилии («З» и «Ф»), во-вторых – она очень любила сладкое, в том числе и зефир, который во времена нэпа выпускала фабрика № 7 Моссельпрома (с 1931 года – «Рот-Фронт»).

Но вернемся к «делу братьев Прове».

В ходе него, судя по всему, был завербован еще один агент – из числа социально чуждых. Речь идет о Никите Пешкове (1989), происходившим из дворян. Его история не менее интересная.

В Первую мировую войну он сражался на крейсере «Варяг», а в гражданскую – на стороне белых, входя в ближайшее окружение адмирала Колчака. В 1920 году, когда последний был расстрелян, Пешков был схвачен и посажен в тюрьму. Но спустя несколько месяцев, отпущен на свободу, якобы по причине тяжелой болезни. Однако в 1925 году Пешкова снова арестовали, но дали ему всего три года заключения в Соловках. А летом 1927 года перевели в Бутырку, включив его в «дело братьев Прове», поскольку тот знал обоих еще по своему житию в Москве в начале двадцатых.

Пробыв в столице несколько месяцев, Пешков был вновь возвращен на Соловки. А осенью 1927 года в «Правде» появилась заметка из зала суда, в которой сообщалось, что он, расстрелян вместе с братьями Прове. Сообщение было более чем странным, если не принять во внимание тот факт, что таким образом ГПУ давало возможность своего агенту спокойно досидеть свой срок и вернуться в Москву, легализовавшись там без каких-либо проблем. А в начале тридцатых Пешкова нашло еще одно «несчастье». В Англии скончался некий его дальний родственник, который оставил ему все свое немаленькое наследство. Эти деньги в Лондоне получали по доверенности некие люди, которые привозили их в Москву, меняли фунты на рубли и вручали законному наследнику. Чудеса, да и только! Впрочем, эти чудеса можно объяснить, если снова предположить, что Пешков был не кем иным, как агентом НКВД. И история с наследством была необходима его кураторам из спецслужб, чтобы снять все вопросы по поводу его роскошной жизни, которую он вел в кругах столичной богемы, от которой Пешков черпал всю ту информацию, что так интересовала НКВД. Правда, длилось это недолго – в 1938 году Пешков скончался от туберкулеза, подхваченного им еще на Соловках.

А что же Зоя Федорова? Она на момент смерти Пешкова была уже весьма и весьма знаменита. Причем не по линии бухгалтерии Госстраха, а на ниве большого кинематографа, куда она попала... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Кино под колпаком НКВД

Женщины-чекисты. – Яков Агранов – ас агентурной работы. – Светские салоны – детище ГПУ. – Мейерхольд, Штраух, Эйзенштейн и другие «друзья» чекистов. – Актерская стезя агента «Зефир». – Школа чекистов. – Мужья Зои. – Играй, «Гармонь», или «Зефир» против абвера

Итак, мы предположили, что летом 1927 года Зоя Федорова могла быть завербована в осведомители Информационного отдела СОУ ГПУ СССР. Какая работа была у такого рода осведомителей-информаторов? Как уже говорилось, раз в месяц они встречались с резидентом из того же учреждения, в котором работали, и передавали справку-отчет, где сообщали интересующую чекистов информацию из разряда: какие разговоры ведутся в подразделении, где они работают, какая атмосфера там царит и т. д. Деньги за такую работу осведомителям не выплачивались – все делалось на идейной основе. Впрочем, если высшее начальство считало информацию ценной, то за это могла быть выплачена денежная премия.

Между тем в Госстрахе Федорова проработала ровно год, после чего решила-таки нарушить родительский запрет и подалась в артистки. Если мы продолжаем исходить из версии, что наша героиня работала на спецслужбы, возникает законный вопрос – а не приложили ли последние руку к этому решению? Или было чуть иначе: узнав, что их информатор мечтает связать свою жизнь с искусством, чекисты помогли ему удовлетворить его помыслы посредством подключения своих связей в этой среде? Что имеется в виду под последним?

В ГПУ в основном работали мужчины, а женщины, если и были, то занимали в основном секретарские должности. Правда, были и исключения. Например, в двадцатые годы самыми известными женщинами-чекистами были Александра Андреева (Горбунова) (1888) и Марианна Герасимова (1901). Первая пришла на работу в спецслужбы (будучи, кстати, дочерью священника) в марте 1919 года, став инспектором-инструктором Разведуправления РККА. В ГПУ она перешла в октябре 1921 года, получив должность помощника начальника Секретного отдела по следствию. Затем она стала заместителем начальника Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ-НКВД СССР (начальником тогда был Г. Молчанов). По утверждению Антонова-Овсеенко: «Андреева-Горбунова работала в первые советские годы в коллегии ВЧК – по рекомендации Якова Свердлова. Феликс Дзержинский видел в ней „совесть ВЧК“, он поручил Александре Азарьевне контроль за соблюдением чекистами революционной законности».

В 1926 году Андреева стала первой женщиной-чекисткой, которая была награждена боевым оружием, а год спустя еще и знаком «Почетный чекист».

Что касается Марианны Герасимовой, то она вступила в партию большевиков в 1919 году, а в ГПУ пришла работать четыре года спустя, начав с рядовых должностей. Она, кстати, была двоюродной сестрой по отцовской линии знаменитого кинорежиссера Сергея Герасимова – тот в двадцатые годы жил в Питере и работал на «Ленфильме», куда вскоре попадет и Зоя Федорова. На основе этого можно предположить, что наш выдающийся кинорежиссер имел отношение к органам – например, был доверенным лицом (внештатным добровольным помощником). Впрочем, об этом мы еще поговорим чуть позже, а пока продолжим знакомство с родственницей Сергея Апполинариевича – Марианной Герасимовой.

У нее была младшая сестра Валерия (1903), которая в двадцатые годы станет женой писателя Александра Фадеева, а сама Марианна, еще до работы в ГПУ, в течение нескольких лет пробудет женой другого писателя – Юрия Либединского (он ласково называл ее Мурашей). Это переплетение судеб чекистов и литераторов тоже будет не случайным. Дело в том, что это помогало чекистам устанавливать нужные связи в литературной среде. А что такое

была литература в СССР? Она соперничала в популярности с кинематографом, и литераторы были не меньшими кумирами в Советском Союзе, чем актеры немого (а потом и звукового) кинематографа. То есть Сергей Есенин или Владимир Маяковский «гремели» не менее сильно, чем представители «синемы» Анна Стэн или Игорь Ильинский. Впрочем, тот же Маяковский и в кино снимался (в фильме «Барышня и хулиган»). А многие другие литераторы были связаны с кино посредством сценарной нивы.

Но вернемся к Мураше – Марианне Герасимовой.

Внешне она была суцкая кинозвезда, вроде Анны Стэн – этакая золотоволосая красавица. Но внутренне была очень жесткой женщиной. Поэтому в ГПУ быстро двигалась по карьерной лестнице. Спустя всего пять лет после начала своей службы в нем – в 1928 году – она уже стала помощником начальника Информационного отдела. Того самого, где, по нашей версии, могла внештатно трудиться и Зоя Федорова. И, учитывая это, можно предположить, что Герасимова вполне могла опекать дочку бывшего начальника паспортного стола Кремля и посоветовала ей не зарывать в землю свой актерский талант и поступать в театральное училище. Произошло это в 1930 году – как раз тогда, когда Герасимова стала начальником 4-го отделения СПО, а оно занималось агентурно-оперативной работой в органах печати, театрах и т. п., среди артистов, литераторов, творческой интеллигенции. При этом Марианна пообещала молодой соискательнице помощь в преодолении любых препятствий на этом поприще, поскольку у нее в этой среде было очень много знакомых, начиная от двоюродного брата Сергея Герасимова и заканчивая другими режиссерами, а также актерами, операторами, сценаристами и т. д. Так Зоя Федорова стала студенткой училища при московском Театре Революции.

В хороших знакомых Герасимовой ходил сам Яков Агранов – с 1929 года начальник Секретно-политического отдела, который лично курировал творческую среду по линии ГПУ еще с начала двадцатых годов. И это именно он придумал в советских условиях создавать богемные салоны, которые функционировали под колпаком ГПУ. Такие салоны содержали, например, Лиля Брик (любовница В. Маяковского), Зинаида Райх (супруга В. Мейерхольда) и другие «светские львицы» того времени. Вот как об этом писал музыкант из вахтанговского театра Борис Елагин:

«...Московская четырехкомнатная квартира В. Э. Мейерхольда в Брюсовом переулке стала одним из самых шумных и модных салонов столицы, где на еженедельных вечеринках встречалась элита советского художественного и литературного мира с представителями правительственных и партийных кругов. Здесь можно было встретить Книппер-Чехову и Москвина, Маяковского и Сельвинского, знаменитых балерин и певцов из Большого театра, виднейших московских музыкантов, так же как и большевистских вождей всех рангов, за исключением, конечно, самого высшего. Луначарский, Карахан, Семашко, Енукидзе, Красин, Раскольников, командиры Красной армии с двумя, тремя и четырьмя ромбами в петлицах, самые главные чекисты: Ягода, Прокофьев, Агранов и другие – все бывали гостями на вечеринках у Всеволода Эмильевича. Веселые собрания устраивались на широкую ногу. Столы ломились от бутылок и блюд с самыми изысканными дорогими закусками, какие только можно было достать в Москве. В торжественных случаях подавали приглашенные из „Метрополя“ официанты, приезжали цыгане из арбатского подвала, и вечеринки затягивались до рассвета. В избранном обществе мейерхольдовских гостей можно было часто встретить „знатных иностранцев“ – корреспондентов западных газет, писателей, режиссеров, музыкантов, наезжавших в Москву в середине и в конце двадцатых годов.

Атмосфера царила весьма непринужденная, слегка фривольная, с густым налетом богемы, вполне в московском стиле времен нэпа. Заслуженные большевики, командиры и чекисты ухаживали за балеринами, а в конце вечеров – и за цыганками, иностранные корреспонденты и писатели закусывали водку зернистой икрой и вносили восторженные записи

в свои блокноты о блестящем процветании нового коммунистического общества, пытаюсь вызывать на разговор „по душам“ кремлевских комиссаров и лубянских джентльменов с четырьмя ромбами на малиновых петлицах. Тут же плелись сети шпионажа и политических интриг.

Сейчас может создаться впечатление, что квартира Мейерхольда была выбрана руководителями советской тайной полиции в качестве одного из удобных мест, где с помощью всевозможных приятных средств, развязывающих языки и делающих податливыми самых осторожных и осмотрительных людей, можно было с большим успехом „ловить рыбку в мутной воде“...»

Но вернемся к Якову Агранову. Почему он вспомнился применительно к истории Зои Федоровой? Дело в том, что в 1921 году он по совместительству с работой в ВЧК был секретарем Малого Совнаркома. Там он познакомился с бывшим его председателем (1918–1920) Мечиславом Козловским (соратник Ф. Дзержинского), который был женат вторым браком на Софье Вахтанговой, сестре режиссера и актера Евгения Вахтангова. Благодаря этому Агранов стал вхож в театральную среду и знал не только Вахтангова, но и его учеников – например, Юрия Завадского, который в 1924 году открыл свою театральную студию, в которую в 1928 году и была принята Зоя Федорова. Принята, как принято считать, на основе творческого конкурса. Нисколько не умаляя ее актерского таланта, все же предположим, что и без постороннего вмешательства дело тут не обошлось. Если эта версия верна, то тогда осведомитель Зоя Федорова должна была из агентурного аппарата Информационного отдела перейти в агентурный аппарат Секретно-политического отдела, а именно – в штат агентов 4-го отделения (в СПО тогда было четыре отделения), которое занималось агентурно-оперативной работой в органах печати, театрах и т. п., среди артистов, литераторов, творческой интеллигенции. Кстати, начальником секретариата СПО была еще одна женщина-чекист – уже нам знакомая Анна Андреева.

Читаем у историка Э. Макаревича: «Агранов был уверен, что в стране, раздираемой противостоянием власти и некоторых социальных групп, в стране, где происходят мощнейшие политико-экономические сдвиги, необходимо постоянно знать настроение людей. Знать его среди рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих, на заводах и фабриках, в колхозах и институтах, на рынках и в магазинах, в театрах и на улицах. Однажды он сказал на совещании: „Одно мнение – мнение, десять мнений – политическое настроение, наше или контрреволюционное. И мы это настроение должны знать, иначе мы не служба“.

Агранов считал, что есть два метода познания настроений – агентурный и „включенного“ наблюдения. Агентурный – значит, в каждой организации „свой“ человек, „агент“, а то и не один. Тогда информация перепроверяется. Он требовал умной и постоянной работы с каждым агентом. Но он же боготворил и принцип массовости. Часто повторял: „Агентура должна быть массовой“. Но там, где вал, – там меньше информации, больше слухов, искажений, откровенных доносов. Он это понимал, и все равно „массовый агент“ был для него священен. А „включенное“ наблюдение, по его разумению, предполагало, что сотрудники НКВД сами должны вращаться в кругах, представляющих интерес: наблюдать, заводить знакомства, „входить в душу“. Аграновская находка. Вспомним, как он пристрастно посещал литературно-театральные, богемные салоны.

На этих методах он воспитывал своих людей и создавал аппарат выяснения настроений и контроля за умами. Возглавив в марте 1931 года секретно-политический отдел НКВД, Агранов по своему разумению тотчас принялся за реорганизацию его. Правда, согласовав с вышестоящим начальником. Получилось просто и довольно эффектно. Всего четыре отделения. Первое занималось антисоветскими настроениями среди членов ВКП(б) и розыском приверженцев Троцкого. Объектами второго были бывшие члены политических и националистических партий (кадеты, меньшевики, эсеры, мусаватисты, дашнаки). Третье работало с

религиозными деятелями, руководителями многочисленных сект, с бывшими чиновниками разных дореволюционных правительств, с бывшими чинами армии, полиции и жандармерии, с бывшими помещиками, фабрикантами, купцами, предпринимателями, нэпманами. А четвертое „наблюдало“ интеллигенцию и молодежь. Было и пятое, информационное, питавшееся и от своей сети, и от родственных отделений. Но о нем разговор особый.

Когда Агранов стал во главе секретно-политического отдела, он сразу же поставил вопрос об объединении с информационным отделом. Последний стал частью нового подразделения и превратился в мощную систему сбора политической и социально-экономической информации во всех слоях общества. В нем же накапливались и ждали своего часа сведения о партийных вождах, деятелях промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Сегодняшние историки поражаются уникальности обзоров политического и экономического состояния советского общества в конце двадцатых – начале тридцатых годов, родившихся под пером аналитиков аграновского отдела. Обзоры составлялись на основе систематических агентурных сводок с мест, содержали огромный фактический материал, представляли широкую панораму социальной, политической и экономической жизни страны „по всему социальному срезу“. Продукцией Агранова пользовались ЦК партии, наркоматы и даже Госплан.

Свое знаменитое письмо „Головокружение от успехов“ о перегибах в коллективизации Сталин писал, озабоченный информацией ОГПУ. Столь впечатляюще убедительной она была, что подвигла вождя изъясниться с народом и партией стилем переживательным, строгим, публицистичным, но и аналитическим. А информация ОГПУ редактировалась Аграновым.

Когда в январе 1935 года отменили карточки и в стране началась свободная продажа хлеба, сотрудники НКВД совершали рейды по магазинам, проверяли ассортимент, цены, время торговли, качество хлеба, наличие очередей, собирали информацию о настроении населения. Рапорты с мест шли в Москву, в наркомат внутренних дел, оттуда – Сталину и Молотову. В первые дни свободной продажи хлеба сводки НКВД были чуть ли не почасовые. Они шли под грифом „совершенно секретно“ с пометкой „хлеб, доложить немедленно“. Штамп „доложено“ говорил о том, что Сталин имел полную картину о ходе кампании в регионах, высказываниях людей в очередях, фамилиях работников торговли и хлебозаводов, виновных в плохом качестве хлеба, повышении цен, позднем открытии магазинов, рецидивах карточного распределения. Информация была детальной, вплоть до того, какой сорт хлеба отсутствовал в магазине № 5 Первомайского района или был ли хлеб черствым в магазине № 32 Ленинского района.

Агентурный метод получения информации о настроениях в обществе в тридцатые – сороковые годы в условиях сталинского тоталитаризма не только принимался в расчет для социально-политических и экономических решений, но и был положен в основу большинства политических процессов – от шахтинского дела в 1928 году до дела врачей в 1951 году. За репрессиями, социально-экономическими и политическими событиями тех лет стояли свои информаторы и их организаторы, действующие по схеме Агранова.

Он сумел собрать в своем отделе способных людей, настоящих профессионалов сыска. С ним хотели работать, он умел ладить и с соратниками, и с противниками. Удивительно, не только молодые, но и оперативники со стажем выходили из его кабинета с горящими глазами. Однако и задачи ставились масштабные: создание новых систем пополнения и поиска информации, накопление материалов на „политически чуждых“ персонажей; переход на единый карточный оперативный учет в отношении кулацких семей, главы коих уже репрессированы... и тех кулацких хозяйств, которые не были затронуты выселением; предотвращение „двурушничества и предательства со стороны агентуры. путем перекрытия одного агента другим, тщательной проверки агентурных сообщений“; изучение „всех фактов, ука-

зывающих на попытку тех или иных лиц“ среди литераторов и писателей „создать свою законченную систему политических и литературных взглядов“...»

В СПО было несколько отделений, каждое из которых отвечало за работу с определенными категориями советских граждан: оппозиционерами (троцкисты, меньшевики, эсеры и т. д.), церковными служителями, а также интеллигентами (ученые, литераторы, музыканты, художники, кинематографисты). Например, за кинематографистами надзидало 4-е отделение, а за литераторами – 5-е. Каждое отделение состояло из 10–15 человек, а на связи с ними могло быть более десятка осведомителей (в среднем 15–20), которые в своих учреждениях занимали различные должности – от начальственных до рядовых. Была еще и ценная агентура, которая была на связи только у начальника отдела и его заместителя. Например, известные советские кинорежиссеры, авторы знаменитых блокбастеров, входили в категорию таких ценных агентов. Их берегли как зеницу ока, с них сдували пылинки и многое им позволяли, в отличие от рядовой агентуры. Например, можно предположить, что «особые» отношения с ГПУ могли быть у выдающегося режиссера Сергея Эйзенштейна, который, по одной из версий, был гомосексуалистом.

Вероятная связь режиссера с органами могла начаться еще до того, как он связал свою жизнь с кинематографом, – в годы гражданской войны. В 1918 году двадцатилетний Эйзенштейн вступил в Красную армию и разъезжает и живет в агитпоездах по северо-востоку России. Почти два года разъезжая с эшелонами, Эйзенштейн побывал также в Холме, Великих Луках, Полоцке, Смоленске, Минске, а также в Витебске проездом. Это путешествие могло быть как агитационным, так и разведывательным.

В 1920 году, во время советско-польской войны, будучи на Минском фронте, Эйзенштейн познакомился с преподавателем японского языка. Новый язык понравился ему, и он с головой окунулся в его изучение. А после подписания мирного договора с Польшей Эйзенштейн поехал в Москву с намерением поступить в Академию генерального штаба и стать переводчиком. А в последних в те годы очень нуждались разведывательные органы молодой Советской Республики.

Идем дальше. В городе Эйзенштейн поселился в одной комнате с Максимом Штраухом – тем самым, который впоследствии станет знаменитым актером, сыгравшим роль Ленина. Штраух был давним другом Эйзенштейна – они знакомы еще с шестилетнего возраста. А в те годы Штраух работал на секретном участке – был фельдегерем 1-й степени, который развозил секретную почту (в том числе и письма председателя Совнаркома В. И. Ленина). Читаем в тогдашнем Положении о Службе внешней связи:

«Служащие Службы внешней связи именуются фельдегерями и делятся на две категории, на 1-ю и 2-ю. Фельдегерь 1-й категории обязан знать хотя бы один из иностранных языков (французский, немецкий, английский). Фельдегеря предназначаются для доставки внутри республики и за границу важнейших бумаг, посылок и денежных сумм. Они наряжаются также по особым распоряжениям на дежурства при высших должностных лицах военного управления...».

Впрочем, о М. Штраухе у нас еще будет подробный разговор чуть позже, а пока вернемся к Эйзенштейну.

Можно предположить, что его проживание под одной крышей со Штраухом объяснялось не только детской дружбой, но и иными причинами. И дело тут не в нетрадиционной ориентации обоих (Штраух был натуралом – у него была жена Юдифь Глизер, балерина), а в их работе на спецслужбы сначала РККА, а затем и ГПУ. И приход обоих в искусство сразу после гражданской войны мог объясняться тем же – они не только реализовывали свой талант, но и выполняли деликатные поручения спецслужб, которые были заинтересованы в том, чтобы держать под контролем (и направлять его) нарождающееся в Советской Республике искусство. Как мы знаем, у Эйзенштейна это получалось просто замечательно. Он

снял шедевральный фильм «Броненосец „Потемкин“» (1926), который навел «шороху» не только у нас, но и на Западе. Например, в Берлине, где тогда сосредоточилась значительная часть русской эмиграции, он произвел эффект разорвавшейся бомбы. Это была такая мощная «агитка», которая буквально потрясла публику. По сути, Эйзенштейн заново переписывал историю на советский лад, являясь ярким апологетом новой власти. Как писала после премьеры фильма в берлинском кинотеатре «Apollo» (26 марта 1926 года) одна из местных газет: «Страшная картина. Всякий ствол винтовки направляется в человека, залпы, лица в предсмертной тоске, кровь, дула пушек и сколько трупов (уже после немецкой цензуры, которая много вырезала)! Основная тема – убийство, воплощенное в кинематографическую сенсацию. Эта сенсация, повторяющаяся, длительная, сделана безусловно талантливо, как-то особенно напористо. Дробя ее картину, он, как из пулемета, стреляет по зрителю. Своей манерой, как ни один другой режиссер, Эйзенштейн насилует зрителя. Не дает ему отдыха, искусственно владея вниманием, он злоупотребляет своим умением. Это утомляет. К концу кажется – притупляется, слабеет лента».

Кстати, накануне этого показа в Берлин приезжал сам Эйзенштейн и оператор фильма Эдуард Тиссэ. Тоже весьма выдающаяся и интересная личность в свете темы нашего рассказа. Тиссэ был латышом, а люди этой национальности очень активно участвовали в Октябрьской революции и гражданской войне, стояли у истоков создания ВЧК. И у Тиссэ было много друзей среди чекистов, начиная от Мартина Лациса, с которым они вместе воевали на Восточном фронте против белогвардейцев и чехословаков (Тиссэ тогда был начальником штаба Партизанской Красной армии, а Лацис – председателем ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта), и заканчивая Яковом Петерсом (он тогда был первым в истории ВЧК секретарем ее парторганизации). Кстати, именно с именем Петерса связывают формирование образа «латышского лица» ВЧК, поскольку именно он, став вторым лицом в ведомстве (первым был Феликс Дзержинский), начал массово привлекать земляков-латышей на работу в «чрезвычайку». И Эдуарду Тиссэ, уроженцу Либавы (а Петерс жил там в 1904–1907 годах и даже вступил там в Латвийскую социал-демократическую рабочую партию), тоже предлагали, но он с юности любил операторское искусство, поэтому ушел в кинематограф. Но связей с земляками-чекистами не прерывал, что благотворно сказывалось на его карьерном росте, а также на выезде за рубеж. Ведь в 1931–1932 годах он вместе с Сергеем Эйзенштейном и Григорием Александровым был за границей в связи с изучением техники звукового кино и съемками фильма «Да здравствует Мексика!». А эта страна уже тогда привлекала к себе внимание чекистов, как удобный плацдарм для деятельности в Латинской Америке. Поэтому не случайно убийство Троцкого в 1940 году пройдет без сучка и задоринки именно в Мексике.

Кроме того, эта троица посетила Голливуд, что тоже можно рассматривать как разведывательную деятельность – пусть и творческую. Это было трио разведчиков, которые должны были разведать ситуацию в Голливуде с тем, чтобы перенести его опыт на советскую почву. В те годы почти все зарубежные экспедиции были либо плодами деятельности ГПУ, либо им курировались. Например, знаменитая экспедиция на Тибет Рерихов – Николая, Юрия и Елены (опять троица!). Благодаря той киношной разведке у нас появился «свой Голливуд»: мюзикл «Веселые ребята» и актриса Любовь Орлова, больше напоминавшая звезду Голливуда.

Но вернемся к Эйзенштейну.

Итак, он, по одной из версий, был гомосексуалистом, что в двадцатые годы еще не каралось законом в СССР. Более того, к таким людям относились более-менее благосклонно. Так, в послереволюционной реформе законодательства преследование гомосексуального поведения, присутствовавшее в Уголовном Уложении царской России, было отменено: в УК

РСФСР 1922 года соответствующая статья отсутствовала, в 1920-х статьи об ответственности за мужеложство удалялись из УК кавказских и среднеазиатских республик.

Однако в 1926 году вышел новый Уголовный кодекс РСФСР (стал применяться с января 1927 года), где появилась статья 154а, в которой было записано: «Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) – лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, – лишение свободы на срок от пяти до восьми лет».

Однако на деле эта статья тогда почти не применялась. И в 1926 году по приглашению советского правительства СССР посетил Магнус Хиршфельд, гей-эмансипатор и основатель Всемирной лиги сексуальных реформ (это ее упоминает Остап Бендер в «Золотом теленке»), после чего в 1928 году на копенгагенском конгрессе Institut for Sexualwissenschaft было объявлено об основании Лиги и СССР приводился в качестве образца секс-терпимости.

Однако после сворачивания нэпа ситуация резко изменилась. И 7 марта 1934 года уголовная ответственность за мужеложство была ужесточена: теперь оно относилось к преступлениям против личности и наказывалось лишением свободы сроком до пяти лет, а при отягчающих вину обстоятельствах (например, при совершении мужеложства с несовершеннолетними) – на срок до восьми лет.

Этот закон дал дополнительные возможности советским спецслужбам по вербовке агентуры среди гомосексуалистов. Причем как среди прежних агентов, так и среди новых, которых этой статьей УК можно было «припереть к стенке». А среди советской элиты (в том числе и среди интеллигенции) «голубых» хватало. Например, тот же С. Эйзенштейн или В. Мейерхольд (хотя у последнего была жена – Зинаида Райх) и т. д.

Но вернемся на некоторое время назад – в двадцатые годы.

Секретные агенты спецслужб регулярно составляли агентурные донесения, которые потом ложились в основу агентурных сводок, попадавших на столы начальников отделений, а те затем отсылали их начальнику СПО. Вот пример одного из таких документов (реконструкция).

Сводка Секретного отдела ОГПУ № 93:

«Фильм „Друзья совести“, снятый режиссером Константином Эггертом на фабрике „Межрабпомфильм“, рассказывает о революционной борьбе горняков Рура в Германии в 1920 году. Однако эта тема в фильме раскрывается неправильно. Режиссер Эггерт дал в общем пессимистическую оценку борьбы пролетариата и снял фильм в формалистической манере, которая недоступна широкому советскому зрителю.

По отзывам сотрудников „Межрабпомфильма“, режиссер Эггерт придерживается формалистических взглядов и посещает квартиру режиссера В. Мейерхольда и З. Райх в Брюсовом переулке, где собирается театральнo-кинематографическая богема. Некоторые из посетителей этой квартиры-салона позволяют себе антиобщественные высказывания...

14 сентября 1932 года».

Забегая вперед, отметим, что К. Эггерт снимет еще четыре фильма: «Штурм» (1932; документальный), «Настенька Устинова» (1934), «Настоящий парень» (1934; короткометражный), «Гобсек» (1936).

В 1938 году режиссер будет выслан из Москвы и в 1938-1946 годах станет главным режиссером Театра музыкальной драмы и комедии в городе Ухта. Затем он будет работать актером и режиссером Пензенского театра им. А. В. Луначарского, Одесской киностудии, Новосибирской киностудии научно-популярных фильмов. Уйдет из жизни в 1955 году.

И снова вернемся к героине нашего рассказа – Зое Федоровой.

В студии Завадского она проучилась всего два года (1928–1930). После чего студию временно закрыли, и ей пришлось искать приложения своих актерских талантов в других творческих вузах. В итоге в 1930 году она поступила в училище при Театре революции (в будущем Театр имени Маяковского). Это заведение в те годы было очень популярно у публики, в нем тогда играли многие будущие звезды советского театра и кино: Мария Бабанова (1922–1983), Владимир Белокуров (1924–1936), Михаил Астангов (1925–1927, 1930–1941), Владимир Дорофеев (1925–1931), Нина Тер-Осипян (1925–2002), Борис Бибииков (1927–1934), Алексей Дикий (1927–1928, с 1930), Георгий Милляр (1927–1938), Елена Тяпкина (1927–1931, 1943–1949), Ольга Пыжова (1928–1938), Павел Павленко (1930–1932), Максим Штраух (1932–1950, 1958–1974) и др. Федорова ходила на все спектакли театра, мечтая, что вскоре и сама будет играть на его сцене большие роли. Ведь студентам училища приходилось быть занятыми в его спектаклях, но в основном в массовке.

Кумиром Федоровой (как и многих других столичных театралов) была прима этого театра Мария Бабанова, блиставшая в ролях Гоги («Человек с портфелем»), Анки («Поэма о топоре»), Джульетты («Ромео и Джульетта»), Дианы («Собака на сене»), Тани («Таня»), Ларисы («Бесприданница») и др.

Если мы исходим из того, что героиня нашей книги была агентом ОГПУ, то ее поступление в театральное училище объяснялось не только ее личным желанием, но и оперативной необходимостью ее чекистских кураторов. Ведь время тогда было переломное. Только что был свернут нэп, и контроль ОГПУ над обществом становился всеобъемлющим. И Лубянка по-прежнему была заинтересована в том, чтобы во всех сферах жизнедеятельности этого общества у нее были свои люди – агенты. И это не было паранойей чекистского ведомства. Ведь после сворачивания нэпа и постепенного разворота кремлевских верхов от идеи мировой революции к построению социализма в одной конкретной стране – в СССР – происки врагов (как внутренних, так и внешних) должны были только усилиться. А чтобы бороться с ними, ОГПУ нужна была исчерпывающая информация, предоставить которую могла именно разветвленная агентурная сеть. Не случайно в те годы свет увидели сразу несколько методических чекистских пособий, касающихся именно агентурной работы. Одна из них – «Методика чекработоры. Агентура» (1931), которая стала учебным пособием для новой поросли чекистских кадров. Кстати, о последних.

Профессиональные чекистские кадры в двадцатые годы готовились на базе Высшей пограничной школы и Школы по переподготовке работников внутренних органов (ШПП) ОГПУ, где обучались будущие сотрудники СО, ЭКО и ИНФО ОГПУ СССР. Азы агентурной работы они постигали благодаря таким пособиям, как «Канва агентурной разведки» (1921), «Техника контрразведывательной службы» (1925).

Между тем изменения в политической и оперативной обстановке в стране в конце двадцатых – начале тридцатых годов, а также нехватка чекистских кадров в территориальных органах ОГПУ и невозможность подготовить их в ШПП поставили вопрос о создании нового, куда более многопрофильного учебного заведения. В итоге в 1930 году Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о направлении на учебу с последующим зачислением на службу в органы госбезопасности 1000 передовых рабочих-производственников. В связи с этим 29 мая 1930 года издается приказ о формировании в Москве школы по подготовке и переподготовке чекистских кадров, которая с 4 июня 1930 года именуется Центральной школой (ЦШ) ОГПУ. После чего ШПП расформировывается и все ее имущество и инвентарь передаются в Центральную школу ОГПУ.

Подготовка слушателей заключалась не только в приобретении знаний, умений и навыков оперативной деятельности. Высокие требования предъявлялись к военной подготовке и физической закалке обучаемых, которые шлифовались в подмосковном лагере «Динамо» в Мытищах. Там проводились занятия по стрельбе, тактике оперативно-боевой работы, изу-

чению топографии и военной техники. Сборы завершались проведением двухдневной военной операции, организованной для каждой учебной группы.

Центральная школа ОГПУ просуществует до 1935 года и подготовит и переподготовит более пяти тысяч сотрудников.

Могла ли Зоя Федорова иметь отношение к этой школе? Почему бы и нет, учитывая, что обучение там было разным – как продолжительным, так и краткосрочным (нечто вроде ускоренных курсов). Однако главным местом приложения сил для Зои в те годы все же было театральное училище, куда она поступила одновременно с созданием ЦШ ОГПУ – летом 1930 года. Причем она успевала не только учиться, но и... крутить романы. Ведь именно тогда Зоя впервые вышла замуж. Супругом девушки стал ее однокурсник Леонид Вейцлер (1906) – человек настолько деликатный и интеллигентный, что Федорова порой чувствовала себя с ним. неловко. Она-то сама была девушкой задиристой, за словом в карман никогда не лезла и над интеллигентными манерами своего супруга частенько иронизировала. Может быть, поэтому их брак и просуществовал недолго – чуть больше года, не оставив какого-либо следа в их судьбах. Во всяком случае, Федорова о нем почти не вспоминала, видимо, считая ошибкой молодости.

Иное дело ее второй брак (причем опять с евреем) – с оператором Владимиром Рапопортом из Ленинграда. Кто такой Рапопорт? Он было на два года старше Федоровой – родился в 1907 году в Витебске в бедной еврейской семье. Как и большинство российских евреев, имел мало шансов достичь чего-то большего, но в октябре 1917 года в стране грянула социалистическая революция, которая открыла перед российскими евреями огромные перспективы. С них была снята черта оседлости, которая позволила им переселяться в большие города. В итоге Рапопорт, окончив школу в 1924 году, оказался в Ленинграде. Отметим, что если в 1917 году евреев в городе было около 50 тысяч, то десять лет спустя их стало около 94 тысяч (6,2 % всего населения города). Среди них был и Владимир Рапопорт.

Поскольку значительное число евреев тогда подвизалось работать в кинематографе, Рапопорт направил свои стопы в эту же сферу – он поступил в Ленинградский государственный фотокинотехникум. Закончив его в 1929 году, стал работать помощником оператора на разных киностудиях. А в начале тридцатых пришел на фабрику «Союзкино» (с 1934 года – «Ленфильм»). И уже в 1931 году Рапопорт снял свой первый фильм – «Златые горы». Правда, не один, а в тандеме с более опытным оператором Жозефом Мартовым (1900; начиная с 1929 года это была его уже четвертая картина). Режиссером фильма был опять же еврей – Сергей Юткевич.

Зоя Федорова познакомилась с Рапопортом на его второй картине – «Встречный». Причем делала фильм все та же троица Юткевич – Мартов – Рапопорт, а также еще один оператор-еврей – Александр Гинцбург. На календаре была весна 1932 года – именно тогда начались съемки этого фильма, которому суждено будет стать классикой советского кино (от него ведется отсчет социалистического реализма в советской кинематографии). Речь в нем шла о годах первой пятилетки, когда коллектив одного из ленинградских заводов выдвинул встречный план, согласно которому завод должен выпустить новую мощную турбину. Федоровой досталась крохотная роль жены рабочего Яшки Чуточкина, роль которого исполнял Яков Гудкин (1905). Это был уже маститый актер, на счету которого с 1923 года было уже 18 фильмов. Но внешне он был не во вкусе Федоровой. Да и киношный опыт его не играл для нее большого значения. Другое дело оператор Рапопорт, который и внешне был ей симпатичен, да и на площадке вел себя как полноправный хозяин, что ясно указывало на то, что у этого человека есть все задатки для карьерного роста. А тут еще и сам Рапопорт, будучи в активном поиске своей дамы сердца, обратил внимание на симпатичную и задорную москвичку, которая произвела на него впечатление своей непосредственностью. Короче, между ними вспыхнул роман, который имел продолжение и после окончания съемок (они закон-

чилились поздним летом, а 7 ноября 1932 года «Встречный» уже вышел на широкий экран). Правда, было одно большое препятствие – оператор жил в Ленинграде, куда каждый день не наездишься. А переезжать к нему из горячо любимой Москвы Зое не хотелось. Тем более что учеба в училище при Театре революции дошла лишь до своей середины. Короче, влюбленные вынуждены были на протяжении двух лет жить на два города.

Ранним летом 1934 года Федорова окончила училище при Театре революции и была зачислена в его штат. Он тогда пополнился целой группой исполнителей, среди которых были: Марк Бернес (1933–1935), Иван Переверзев (1933–1939), Клавдия Половикова (1934–1936, 1942–1959), Алексей Чернов (1934–1935), Иван Рыжов (1935–1940). Театр тогда возглавлял Алексей Попов (с 1931 года), который, по-своему претворяя опыт К. С. Станиславского и Е. Б. Вахтангова, выдвинул концепцию современного «актера-мыслителя», чье творчество одушевлено «волнением от мысли». Однако в сонме этих актеров места Зое Федоровой не находилось – с ее курносым лицом она играла лишь незначительные роли. Даже кино, в котором появился звук, не обращало на нее никакого внимания. Но однажды...

Взлет карьеры героини нашего рассказа начался в 1933 году со случайной, казалось бы, встречи за кулисами Театра революции, где Федорова, будучи студенткой, играла в массовке. Именно там на нее якобы натолкнулся молодой режиссер Игорь Савченко (1906). Он в 1929–1932 годах был актером и режиссером Бакинского театра рабочей молодежи, после чего переехал в Москву, где стал главным режиссером Московского театра рабочей молодежи (с 1938 года – имени Ленинского комсомола). Параллельно работе в этом театре Савченко стал работать и в кино. Впрочем, это началось еще в Азербайджане, где он снял два фильма. Правда, оба были короткометражными. А в Москве Савченко было доверено снять полнометражное кино – музыкальный фильм «Гармонь» по одноименной поэме комсомольского поэта А. Жарова, в котором он и пригласил сняться Федорову. На что та ответила: «Я же курносая!». «Именно из-за этого я тебя и беру», – ответил режиссер. О чем было это кино? По сюжету, веселый деревенский гармонист Тимошка (актер Петр Савин) избран секретарем комсомольской ячейки. Он перестает музицировать и принимается наводить порядок в селе. Однако без песен обостряется классовая борьба. Дело доходит до драки. И тогда Тимошка снова берет в руки гармонь.

Зое Федоровой в этом фильме предстояло исполнить главную женскую роль – деревенскую девушку Марусеньку, влюбленную в Тимошку. Это была ее первая большая роль в кино, которую она, как явствует из предыдущего текста, получила случайно. Ведь не встретиться ей за кулисами Савченко, и на роль Маруси была бы взята другая актриса. В кино так часто бывает – когда его величество случай резко меняет траекторию актерской судьбы. Но зададимся вопросом: а действительно ли это был случай? А что, если дело здесь не только в актрисе Зое Федоровой, но и в агенте «Зефире»?

Дело в том, что съемки фильма начались летом 1933 года. В то самое время, когда к власти в Германии (в январе) пришел Адольф Гитлер и начался новый этап во взаимоотношениях СССР и Германии – путь к войне. А ведь до этого (с начала двадцатых) между СССР и Германией были вполне добрососедские отношения, и они считались союзниками. Напомним, что после Первой мировой войны Германия и Россия считались сторонами потерпевшими и на этой почве сблизились. Сближение шло по линии экономики (торговля), военного дела (обмен технологиями), разведок (обмен информацией) и т. д. Но после прихода к власти Гитлера в этой дружбе появились первые трещины, которые потом только разрастались. Читаем у Оскара Райле:

«До 1933 года абвер не вел какой-либо планомерной разведки в Советском Союзе. Правда, если появлялась благоприятная возможность получения сведений из районов по ту сторону Польши, то ею пользовались... Приход к власти национал-социалистов одним

махом изменил ситуацию. Прежние источники информации в Советском Союзе исчезли, и наступил полный информационный вакуум.

Гитлер уже через несколько недель после того, как стал рейхсканцлером, отдал абверу распоряжение начать разведку в Советском Союзе всеми имеющимися силами и средствами (этим в основном занимался Абвер-I, ведавший закордонной разведкой. – Ф. Р). Факт этот в контексте общей оценки Гитлера представляется значительным, поскольку вначале он запретил абверу вести активную разведывательную деятельность против Великобритании и некоторых других стран.

Итак, в 1933 году абвер приступил к планомерной разведывательной деятельности против Советского Союза...».

Вот еще один текст о том же:

«С целью шпионажа в Советский Союз планомерно засылались кадровые сотрудники, тайные агенты и доверенные лица абвера и СД, для проникновения которых в нашу страну использовались интенсивно развивавшиеся в те годы экономические, торговые, хозяйственные и культурные связи между СССР и Германией. С их помощью решались такие важные задачи, как сбор сведений о военно-экономическом потенциале СССР, в частности об оборонной промышленности (мощность, районирование, узкие места), об индустрии в целом, отдельных ее крупных центрах, энергетических системах, путях сообщения, источниках промышленного сырья и т. д. Особой активностью отличались представители деловых кругов, которые нередко наряду со сбором разведывательной информации выполняли поручения по налаживанию связи на советской территории с агентами, которых немецкой разведке удалось завербовать в период активного функционирования в нашей стране немецких концернов и фирм.

Придавая важное значение использованию в разведывательной работе против СССР легальных возможностей и всячески добиваясь их расширения, и абвер, и СД вместе с тем исходили из того, что получаемая таким путем информация в преобладающей своей части не способна служить достаточной базой для разработки конкретных планов, принятия правильных решений в военно-политической области. Да и основываясь только на такой информации, считали они, трудно составить достоверное и сколько-нибудь полное представление о завтрашнем военном противнике, его силах и резервах. Чтобы восполнить пробел, абвер и СД, как это подтверждается многими документами, делают попытки активизировать работу против нашей страны нелегальным путем, стремясь к приобретению секретных источников внутри страны или засылке тайных агентов из-за кордона в расчете на их оседание в СССР... Специалисты-документальщики из секретных служб фашистской Германии еще задолго до начала войны против СССР скрупулезно следили за всеми изменениями в порядке оформления и выдачи личных документов советских граждан. Они проявляли повышенный интерес к выяснению системы защиты воинских документов от подделок, пытались установить порядок применения условных секретных знаков...».

В своих действиях на нашей территории Абвер-I и СД опирались на разветвленную сеть агентуры, которую тот же абвер сумел занять здесь еще со второй половины двадцатых – в период тесных торгово-экономических и культурных связей между СССР и Германией. Немецкие шпионы работали в советских государственных и правительственных учреждениях, больницах, школах, спортивных организациях, филармониях и киностудиях. Среди последних – «Межрабпомфильм», который, как мы помним, был совместным советско-германским предприятием. Отметим, что до этого таковым считалась и кинокомпания «Дерусса» («Derussa»). Но в сентябре 1929 года она объявила о своем банкротстве, и после ее ликвидации функции проката советских фильмов в Германии и Европе были переданы фирме «Прометеус» («Prometheus») – дочернему предприятию «Межрабпомфильма», входившему в трест Вилли Мюнценберга. Кто это такой? Вот что о нем пишет Википедия:

«Родился в Эрфурте в августе 1889 года в семье хозяина кабака. В молодости вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1914 вошел в радикальное меньшинство СДПГ, выступавшее против войны и образовавшее Независимую СДПГ. В апреле 1915 года на Бернской международной социалистической конференции молодежи был избран генеральным секретарем Международного секретариата молодежи. Во время войны часто встречался с Лениным в Швейцарии.

В начале 1920 организовал Международный фонд помощи рабочим, официально собиравший деньги для помощи голодающим Поволжья, но кроме того ведший крупную коммерческую деятельность. „Межрабпом“ („Международная рабочая помощь“) владел собственными киностудиями, в том числе крупнейшей советской киностудией „Межрабпом-Русь“ (с 1928 года – „Межрабпомфильм“), десятками журналов и газет по всему миру. „Трест Мюнценберга“ приносил хорошую прибыль. Самого Мюнценберга называли „красным миллионером“ и отмечали, что жить он привык стильно. В 1924 году Мюнценберг был избран депутатом рейхстага от Германской коммунистической партии...»

Итак, киностудия «Межрабпомфильм» была советским ответвлением треста Мюнценберга, который, судя по всему, был агентом ГПУ. И первым проектом этой «ветви» стал фильм «Потомок Чингисхана» (1928) Всеволода Пудовкина. Среди других знаменитых картин этой киностудии следует назвать такие: «Праздник святого Йоргена» (1930), «Путевка в жизнь» (1931; первый звуковой советский фильм), «Окраина» (1933), «Великий утешитель» (1933).

Учитывая международную специфику этого кинопредприятия, легко предположить, что оно было предметом пристального внимания к себе спецслужб – как советских, так и германских. Ведь, снимая здесь свои фильмы, советские режиссеры были ориентированы на западноевропейский рынок, а немецкие – на советский. При этом значительная часть денег от этих проектов шла в казну Коминтерна – то есть на поддержку коммунистического движения по всему миру. Поэтому в числе сотрудников «Межрабпомфильма» наверняка имелись агенты и абвера, и НКВД: одни собирали разного рода информацию о ситуации в СССР (в том числе и о финансовой подпитке Коминтерна), другие этих сборщиков пытались выявить и разоблачить. Именно в целях выявления такого рода шпионов на «Межрабпомфильм» и могла быть послана Зоя Федорова. Снимаясь в «Гармони» (натурные съемки проходили в Подмоскowie, а павильонные – в стенах кинофабрики по адресу Ленинградское шоссе, дом 44/2), агент «Зефир» должна была чутко прислушиваться к разговорам, которые вели между собой члены съемочной группы, а также гости, посещавшие съемочную площадку. Среди последних, кстати, были немецкие бизнесмены, а также дипломаты, которые иногда приезжали на кинофабрику из посольства Германии в Чистом переулке (в 1943 году это здание Сталин передаст Патриархии).

Если исходить из этой версии, то «Зефир», числясь в агентах СПО, на время операции должен был выполнять приказы и Особого отдела (гражданская и военная контрразведка, начальник М. Гай). 1-е отделение ОО занималось борьбой со шпионажем западных стран, наблюдением за иностранными посольствами, консульствами, представительствами и их связями, национальными колониями в СССР. Начальником отделения был А. М. Шанин, близкий к наркому Генриху Ягоде человек, до этого работавший в Административно-организационном управлении ОГПУ.

Что касается самого «Межрабпомфильма», то его в тот самый период, когда там снималась Федорова, возглавлял венгерский интернационалист Ференц Патаки, который одно время служил в ВЧК (а бывших чекистов, как мы помним, не бывает). Патаки был участником 1-й мировой войны – служил в Венгерской армии. В 1915–1918 годах находился в русском плену. Затем попал к красным и одно время даже находился в тюрьме у Колчака, где военно-полевой суд чехословацкого корпуса приговорил его к расстрелу. Но Патаки чудом

избежал казни. И в 1920–1922 годах он работал в органах ВЧК и даже был начальником войск ГПУ Республики (1923). После чего он работает в Туркестане по восстановлению и созданию текстильного производства, учится на экономическом факультете Среднеазиатского госуниверситета. А в 1924–1927 годах Патаки трудится на посту председателя ревизионной комиссии ВСНХ СССР. Это то самое время, когда чекисты (бывшие и действующие) работали в ВСНХ под началом самого Дзержинского.

В начале тридцатых Патаки переходит на работу в большой кинематограф. В 1931 году он занимает кресло управляющего Мособлтрестом «Совкино», а в 1933-м сменяет К. Шведчикова на посту директора треста «Совкино». Затем он работает управляющим «Союзэкрана». В 1934–1936 годах Патаки – замдиректора общества «Межрабпомфильм». А еще с двадцатых годов повелось, что чекисты обычно занимали должности замдиректора, хотя по многим вопросам были главнее своих начальников.

Реконструкция (художественная версия)

Зоя зашла в кондитерский магазин на углу Армянского переулка и купила себе коробку любимого зефира. Здесь же, в магазине, она открыла пачку, достала оттуда мягкую, как вата, белоснежную зефирину и с удовольствием ее надкусила. После чего спрятала коробку в сумочку и вышла на улицу, держа зефирину в руке. Теперь ей предстоял путь до конспиративной квартиры в Старосадском переулке, который начинался на противоположной стороне от того самого угла, где располагался кондитерский магазин. Идти до квартиры было минут пять, поэтому Зоя и «вооружилась» сладостью, чтобы та скрасила тот путь, который ей предстояло преодолеть.

Квартира располагалась в доме, который стоял на противоположной стороне от школы № 329 (в 1938 году в ней разместят Историческую библиотеку). Войдя в подъезд и поднявшись на третий этаж, Зоя нажала на кнопку звонка нужной ей квартиры. Дверь открыл невысокий мужчина, в котором гостья узнала... Яна Карловича – того самого чекиста, который вербовал ее в 1927 году. Увидев его, она опешила – в последний раз они виделись спустя год после их первой встречи, когда Ян Карлович беседовал с ней по поводу ее желания уйти из Госстраха в студию Юрия Завадского. После этого, как узнала чуть позже Зоя, ее вербовщик ушел на повышение, и встретить его снова она никак не предполагала. А вышло вон как – он опять объявился на ее жизненном пути. И, судя по всему, не случайно.

– Очень рад вас видеть, Зоя Алексеевна, – пропуская гостью в коридор и закрывая за ней дверь, произнес чекист. – А вы за эти годы изменились.

– В какую сторону? – спросила Зоя, прекрасно зная, что она услышит.

– Полагаю, что мой ответ вас не удивит – естественно, в лучшую, – и чекист жестом пригласил ее проследовать в гостиную.

Там хозяин галантно подвинул Зое мягкое кресло, а сам расположился напротив на кожаном диване. Усаживаясь, она заметила, что на столе стоят кофейник и две вазочки – в одной лежало печенье «Эйнем», а в другой... ее любимый моссельпромовский зефир, купленный, судя по всему, в том же угловом магазине возле Армянского переулка.

– С чего начнем, Зоя Алексеевна – со сладкого или?..

– или, – ответила гостья и, раскрыв сумочку, показала уголок коробки, где лежал зефир.

По губам хозяина пробежала улыбка – та самая, которую Зоя запомнила по их первой встрече на Лубянке.

– Судя по тому, как вы удивились, увидев меня в дверях, я должен объяснить вам, почему на сегодняшнюю встречу пришел ваш покорный слуга. Дело в том, что я теперь работаю в контрразведке на немецком направлении, а вас угораздило попасть в картину, которая будет сниматься на «Межрабпом-фильме».

Услышав это, Зоя сразу поняла, о чем именно идет речь – о ее вызове на съемки фильма «Гармонь».

– Но меня еще не утвердили на роль, – напомнила она своему собеседнику весьма существенный факт.

– Не сомневайтесь, вас утвердят, – голосом, полным уверенности, произнес Ян Карлович. – Поэтому у меня к вам просьба, Зоя Алексеевна: помочь нам в нашей работе.

– Я помогаю вам с двадцать седьмого года.

– Ну, тогда вы были юны и неопытны. А сегодня вас можно назвать одним из лучших наших агентов, которому можно доверить любое, даже самое сложное задание.

– Съемки в «Гармонии» из их числа?

– Именно, иначе я бы здесь не появился. Кинофабрика советско-германская, и на ней работает множество людей, имеющих либо прямые, либо косвенные связи с немцами – как советскими, так и с теми, кто проживает непосредственно в Германии. А с этой страной у нас с недавнего времени наметилась некоторая напряженность в отношениях. Я полагаю, вы понимаете, о чем идет речь?

– О Гитлере? – догадалась Зоя.

– Сразу видно, что газеты вы читаете, – снова улыбнулся чекист.

– Я действительно их читаю, однако... – здесь Зоя запнулась, не уверенная в том, следует ли начинать разговор на эту тему.

– Что же вы замолчали, Зоя Алексеевна? – тут же отреагировал на ее запинку Ян Карлович. – Впрочем, я понимаю, ваше смущение. Вы, видимо, не слишком уверены в том, что приход к власти этого человека может иметь далеко идущие последствия для нашей страны. Я угадал?

– Вот именно, – согласилась с чекистом Зоя. – Мы с Германией всегда дружили, и зачем теперь Гитлеру с нами ссориться?

– А вы что-нибудь слышали про его книгу «Майн кампф» – «Моя борьба» по-русски?

– В первый раз слышу, – честно призналась Зоя.

– Странно, поскольку ее первый том вышел в Германии восемь лет назад, и у нас об этом писали.

– Значит, я это пропустила.

– В таком случае я не зря взял ее сегодня с собой. Как будто чувствовал, что она мне понадобится.

Сказав это, Ян Карлович достал из своего кожаного портфеля, лежавшего на том же диване слева от него, увесистую книгу в темном переплете. Зоя обратила внимание на то, что ее название написано на немецком языке – значит, это был оригинал и ее собеседник прекрасно владел его языком.

Открыв книгу на нужной странице, чекист снова устремил свой взор на собеседницу:

– Я прочитаю вам парочку отрывков, а вы сами сделаете нужные выводы. Договорились?

И, не дожидаясь ответа, Ян Карлович принялся читать:

– «...Ясно, что политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы. Колонии не могут служить этой цели, поскольку они не приспособлены к очень густому заселению их европейцами. В XIX столетии мирным путем уже нельзя было получить таких колониальных владений. Такие колонии можно было получить только ценой очень тяжелой борьбы. Но если уж борьба неминуема, то гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а за земли, расположенные на нашем собственном континенте. Такое решение конечно можно принять только при наличии полного единодушия. Нельзя приступать с колебаниями, нельзя браться лишь наполовину за такую задачу, проведение которой требует напряжения всех сил. Такое решение надо принимать лишь тогда, когда все полити-

ческие руководители страны вполне единодушны. Каждый наш шаг должен быть продиктован исключительно сознанием необходимости этой великой задачи. Необходимо отдать себе полный отчет в том, что достигнуть этой цели можно только силой оружия, и, поняв это, спокойно и хладнокровно идти навстречу неизбежному. Только с этой точки зрения нам надо было оценивать в свое время степень пригодности всех тех союзов, которые заключала Германия. Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации...»

Дочитав этот отрывок, Ян Карлович перевернул несколько страниц и продолжил чтение:

– «...Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены. Сама судьба указывает нам перстом...»

Дочитав последний отрывок, Ян Карлович захлопнул книгу и снова взглянул на Зою.

– Ну, что скажете?

– Думаете, нас ждет война с Германией? – вопросом на вопрос ответила Зоя.

Прежде чем ответить, Ян Карлович положил книгу обратно в портфель и щелкнул металлическим замком. После чего ответил:

– Эта война станет возможной, если мы с вами на своем участке не обеспечим нашей стране такую степень безопасности, которая отвратит Гитлера от нападения на нас. Мне кажется, здесь иного мнения быть не может.

– Тогда что конкретно я должна делать?

Прежде чем ответить, чекист достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок бумаги и несколько фотографий. Листок он передал Зое, сопроводив этот жест словами:

– Здесь написаны имена девяти человек, из которых четверо – это работники съемочной группы фильма «Гармонь». Оставшиеся пятеро – немцы, которые представляют для нас интерес и могут объявиться на съемках. Вы должны выучить эти имена назубок, поскольку именно с ними вам необходимо войти в контакт в первую очередь. Особенно обратите внимание на первую фамилию – это помощник режиссера, супруга которого дружит с женой сотрудника германского посольства, отвечающего за культурные связи. Сам он, кстати, тоже может приехать на съемки – он частенько бывает там вместе со своим другом, который работает в торговом представительстве. Их фамилии значатся на листочке под номерами два и три. Оба немца, по нашим данным, – сотрудники немецкой военной разведки абвер, выполняющие в Москве шпионскую миссию.

Зоя внимательно прочитала имена и фамилии людей, написанных на листочке ровным и аккуратным почерком. Затем подняла глаза на собеседника и спросила:

– Сколько у меня есть времени?

– Можете не торопиться, его у нас много. А для наглядности я прихватил для вас их фотографии, – и Ян Карлович передал Зое снимки.

Та внимательно рассмотрела их один за другим, успев заглянуть и на обратную сторону фото, где были написаны фамилии изображенных людей.

– Чтобы войти к ним в доверие, мы даем вам полную свободу действий, – продолжил свою речь Ян Карлович. – В среде этих людей принято иронизировать над нашей властью, а иногда и вовсе ее ругать. Так что можете смело заниматься тем же самым. Короче, создайте у них впечатление, что вы не являетесь большим апологетом нашей власти и даже в какой-то мере ее недолгобливаете. А в качестве отправной точки можете рассказать, как вам чудом удалось вырваться из лап ГПУ по делу братьев Прове. И не забудьте отметить, что вызволил вас оттуда ваш отец – бывший работник паспортной службы Кремля.

– Но на меня же могут написать донос.

– Конечно, могут, – согласился чекист. – Но он придет к нам, а мы его отправим в мусорную корзину. Короче, этого вам бояться не стоит. Ваша цель – стать для немцев и близких к ним людей своим человеком, чтобы они в случае какой-либо необходимости не побоялись бы на вас положиться. Но сразу предупреждаю, что это очень трудно, поскольку немцы всегда испытывали и будут испытывать недоверие к русским. Они доверяют только своим.

– Это тоже написано в книге Гитлера? – поинтересовалась Зоя.

– Написано, но читать ее я вам больше не буду. Ваша задача теперь – поудобнее расположиться в своем кресле, чтобы выучить имена и запомнить лица. Так что работайте, а я пока сделаю вам кофе.

Поднявшись с дивана, Ян Карлович взял со стола кофейник и отправился на кухню.

* * *

Спустя всего три года после съемок «Гармони» – в 1936 году – киностудия «Межрабпомфильм» как советско-германский проект прекратит свое существование ввиду обострения конфронтации между СССР и Германией. И вместо нее на свет появится «Союздетфильм», в фильмах которого Зоя Федорова снимется лишь однажды (перед самой войной), да и то это будет совместный проект с «Мосфильмом».

А что касается «Гармони», то премьера фильма состоится 19 июня 1934 года. Картина, решенная в жанре музыкальной комедии, будет хорошо принята рядовым зрителем (скажется дефицит такого рода кино на тогдашних советских экранах). А вот высокий зритель эту ленту осудит. Под последним имеются в виду члены Политбюро во главе со Сталиным. Они увидели картину на ночном сеансе в кремлевском кинотеатре в том же июне. А чуть позже высказали свое отношение к ней лично начальнику Главного управления кинофото-промышленности при СНК СССР Борису Шумяцкому. Он 13 июля в очередной раз привез членам Политбюро новые фильмы для просмотра, и Сталин его спросил: «Что будем смотреть?». Шумяцкий ответил: «Смотреть можем „Челюскина“ и еще некоторые другие фильмы». Далее читаем в стенограмме:

«Сталин: А дряни подобно «Гармони» не ставите?

Шумяцкий: Не могу поручиться, что все производимые картины будут хорошими. Среди них возможны одиночки – брак. Однако „Гармонь“ я считаю не дрянью, а только посредственной фильмой молодого, подающего надежды постановщика.

Ворошилов: Не смягчайте – это пошлая картина, в которой гармонь превращена чуть ли не в основной рычаг классовой борьбы.

Каганович: Да, дрянь и безвкусица изрядная...».

Вот такой вышел диалог по поводу фильма, где Зоя Федорова исполнила свою первую большую роль в кино. Эта работа принесла актрисе известность, но она еще не породила культ Федоровой – ее героине мало кто хотел подражать. Ведь сюжет картины развивался в

деревне, а эта тема тогда была не столь популярна, как, например, военная тема. Кстати, в те самые летние дни 1934 года Федорова снималась в фильме на подобную тематику – «Летчики» режиссеров Юлия Райзмана и Григория Левкоева с «Мосфильма», но там у нее была не роль, а ролька – безымянная медсестра. Прославиться с ней было невозможно. Между тем исполнительница главной роли в «Летчиках» тут же стала знаменитой, и сыгранная ею героиня вдохновила миллионы советских юношей и девушек пойти в летчики. Речь идет об актрисе Евгении Мельниковой, кстати, ровеснице Федоровой (она тоже родилась в 1909 году).

Евгения начала сниматься еще в немом кинематографе (дебют – роль комсомолки в фильме «Кривой рог» 1928 года) и до «Летчиков» успела сняться в шести фильмах. Но именно роль летчицы Галины Быстровой стала для актрисы звездной – о ней узнала вся страна. Звездная чета Александров – Орлова тут же пригласили Мельникову в свой фильм «Цирк» (1937) на роль Раечки – дочери директора цирка. А Иосиф Склют написал специально под нее сценарий фильма «Девушка с характером», который на «Мосфильме» взялся снимать Константин Юдин. Однако Мельникова от роли отказалась по уважительной причине – она была беременна. И роль досталась Валентине Серовой, тут же ставшей звездой советского кино. А Мельникова, родив дочь и вернувшись затем в большой кинематограф, увы, больше главных ролей не получала. И стала эпизодницей, но зато какой – переиграла десятки ролей в культовых советских фильмах. Таких, как «Дело было в Пенькове» (1958; мать Матвея Морозова), «Когда деревья были большими» (1962; проводница), «Снежная королева» (1966; бабушка Кая и Герды), «Бриллиантовая рука» (1969; лифтерша-дворник Марья Николаевна) и др.

Но вернемся к фильму «Летчики».

Он, как уже говорилось, вызвал небывалый энтузиазм у молодежи, которая тут же отправилась поступать в летные школы. Это был один из первых агитационных советских фильмов, воспевавших Красную армию и службу в ней. Следом за ним появятся десятки других, особенно это заметно станет перед войной («Истребители», «Если завтра война», «Трактористы», «Граница» и др.). Все эти фильмы отсматривались в Москве и других городах Союза агентурой немецкой разведки, после чего делались обобщающие аналитические справки, которые затем переправлялись в Германию. В этих справках агенты описывали реакцию на фильмы советских зрителей и старались понять, какое воздействие они оказывают в плане патриотического воспитания советских граждан. Потом эти донесения ложились в основу более глубоких аналитических справок, выходивших из недр сразу нескольких научно-исследовательских институтов Германии, работавших на тамошние спецслужбы. Читаем в одном из текстов, выложенных в интернете:

«В результате активизации служб „тотального шпионажа“ объем собираемых ими сведений о Советском Союзе, требовавших анализа и соответствующей обработки, постоянно увеличивался, и разведывательная деятельность, как того и добивались нацисты, становилась все более всеобъемлющей. Возникла необходимость вовлечения в процесс изучения и оценки разведывательных материалов соответствующих научно-исследовательских организаций. Один из таких институтов, широко используемых разведкой, располагавшийся в Ванцзее, представлял собой крупнейшее собрание различной советской литературы, в том числе справочной. Особая ценность этого уникального собрания заключалась в том, что оно содержало обширную подборку специальной литературы по всем отраслям науки и экономики, изданную на языке оригинала. Штат сотрудников, в который входили известные ученые из различных университетов, в том числе выходцы из России, возглавлял один профессор-советолог, грузин по происхождению. В распоряжение института передавалась добываемая разведкой обезличенная секретная информация, которую он должен был подвергнуть тщательному изучению и обобщению, используя имеющуюся справочную литера-

туру, и вернуть в аппарат Вальтера Шелленберга (внешняя разведка. – *Ф. Р.*) со своей экспертной оценкой и комментариями.

Другой научно-исследовательской организацией, также тесно сотрудничавшей с разведкой, был Институт геополитики. Он тщательно анализировал собранные сведения и совместно с абвером и управлением экономики и вооружений штаба верховного командования вермахта составлял на их базе различные обзоры и справочные материалы. О характере его интересов можно судить хотя бы по таким подготовленным им до нападения на Советский Союз документам: „Военно-географические данные о европейской части России“, „Географические и этнографические сведения о Белоруссии“, „Промышленность Советской России“, „Железнодорожный транспорт СССР“, „Балтийские страны (с планами городов)“.

В рейхе в общей сложности было около 400 научно-исследовательских организаций, занимавшихся социально-политическими, экономическими, научно-техническими, географическими и прочими проблемами иностранных государств; все они, как правило, были укомплектованы специалистами высокой квалификации, знающими все аспекты соответствующих проблем, и субсидировались государством по свободному бюджету. Существовал порядок, согласно которому все запросы Гитлера – когда он, например, требовал сведений по какому-либо конкретному вопросу, – рассылались нескольким различным организациям для исполнения. Однако подготавливаемые ими доклады и справки часто не удовлетворяли фюрера в силу их академичности. В ответ на полученное задание институты выдавали „набор общих положений, возможно, верных, но несвоевременных и недостаточно четких“.

Чтобы устранить раздробленность и разноречивость в работе научно-исследовательских организаций, повысить их компетентность, а главное – отдачу, а также обеспечить должный контроль за качеством подготавливаемых ими заключений и экспертных оценок по материалам разведки, Шелленберг позже придет к выводу о необходимости создания в своем управлении автономной группы специалистов с высшим образованием. На основе предоставляемых в их распоряжение материалов, в частности по Советскому Союзу, и с привлечением соответствующих научно-исследовательских организаций эта группа наладит изучение сложных проблем и выработку на этой основе углубленных рекомендаций и прогнозов для политического и военного руководства страны...».

Зная сегодня о том, кто выиграл в той жесточайшей схватке, можно смело констатировать, что немецкие аналитики зря ели свой хлеб. Понять психологию советского человека они так и не смогли. Видимо, они мерили его своими, немецкими мерками, а надо было иначе. Короче, советская пропаганда оказалась сильнее нацистской. И тот же кинематограф, в котором в предвоенные годы делала карьеру Зоя Федорова, оказал существенную помощь Красной армии на полях сражений.

«Люблю тебя, Петра творенье...», или Агентурный Ленинград

От Жеймо до Кибардиной, или Актрисы «Ленфильма». – Агент «Зефир» едет в Ленинград, или Зоя – кумир «Ленфильма». – Кто убил Кирова. – Друзья чекистов – от Юткевича до Эрмлера. – Абвер и советское кино. – Шпионское гнездо в монастыре, или «Престол» – аналог операции «Трест»

Фильм «Летчики», как мы помним, был снят на «Мосфильме». Зоя Федорова, как уже говорилось, тоже была москвичка и, по логике, должна была числиться в штате именно этой киностудии – главной в стране. Но она числилась на «Ленфильме» (это название появилось в 1934 году), поскольку ее супруг оператор Владимир Рапопорт, за которого она вышла замуж в 1933 году, жил в Ленинграде и работал именно на «Ленфильме» (улица Красных Зорь, 10). Но Зоя какое-то время жила на два города, поскольку в Москве у нее оставались родители, и работала в Театре революции. Отдельного жилья у них с Рапопортом какое-то время не было – они жили в коммуналке, а отдельную квартиру им обещали предоставить только через несколько лет (в другой коммуналке у Рапопорта жили мать, сестра и его племянник). Учитывая это, Зоя вполне могла бы делать себе карьеру на обеих киностудиях, но этого не случилось. В итоге из 14 ее довоенных фильмов, снятых в 1935–1940 годах, только два будут сняты на «Мосфильме» (да и то один – короткометражный), один на Белорусской киностудии («Белгоскино»), а все остальные (11 фильмов) на «Ленфильме». То есть коренная москвичка Зоя Федорова делала свою киношную карьеру в городе на Неве, уйдя ради этого в 1935 году из Театра революции. Но только ли семейная ситуация была причиной такого положения? Не могло ли здесь быть и другой подоплеки – агентурной?

Отметим, что на «Ленфильме» в тридцатые годы выходило 4–5 художественных фильмов в год. И в основном в них снимались свои, доморощенные актеры и актрисы, либо числившиеся в штате «Ленфильма», либо игравшие в местных театрах. Например, возьмем актрис. Их на киностудии было три десятка плюс два десятка театральных актрис. Самой известной актрисой «Ленфильма» в те годы была Янина Жеймо (1909), которая выступала в амплуа трагистки и в 1925–1940 годах снялась в 21 фильме, исполнив в них шесть главных ролей. Причем три из них выпали на 1933–1934 годы: «Моя родина» (1933; Оля), «Песнь о счастье» (1934; Анука), «Разбудите Леночку» (1934; короткометражный; Леночка).

Следом шла Варвара Мясникова (1900), которая, будучи женой режиссера Сергея Васильева, исполнила роль Анки-пулеметчицы в его знаменитом (в соавторстве с Георгием Васильевым) фильме «Чапаев» (1934). В период 1927–1940 годов на ее счету было 13 фильмов (девять из них немые), в которых она исполнила три главные роли.

Не менее знаменита была еще одна актриса, но она до 1936 года жила в Москве, после чего переехала в Ленинград и устроилась в труппу БДТ (то есть в штате «Ленфильма» она не состояла). Это Валентина Кибардина (1907), сыгравшая главные роли (Наталья Артемьева) в трилогии о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга: «Юность Максима» (1935), «Возвращение Максима» (1938) и «Выборгская сторона» (1939).

Еще одна театральная звезда, делавшая карьеру и на «Ленфильме», – Ирина Зарубина (1907). В 1933–1941 годы на ее счету было 11 фильмов, в которых она исполнила две главные роли: в «Подругах» (1936; Наташа – об этом фильме мы чуть ниже расскажем более подробно, поскольку в нем снималась и Зоя Федорова) и «Василиса Прекрасная» (1940; Маланья). А лично у меня эта прекрасная актриса ассоциируется с двумя ролями позднего периода: Василисой Егоровной из «Капитанской дочки» (1958) и Прасковьей Паньковой из «Деревенского детектива» (1969). Зарубина была театральной актрисой: в 1929–1935 годах

она играла на сцене Театра Пролеткульта, а затем до самой своей смерти в 1976 году выступала в Театре комедии.

Еще одной «внештатницей» ленинградской киностудии была актриса Татьяна Гурецкая (1904), которая работала в театре Балтфлота и считалась одной из самых известных эпизодниц «Ленфильма». В период 1921–1940 годов она снялась в 21 фильме, среди которых самыми известными были: «Три товарища» (1936; Варя), «Вратарь» (1937; Груша), «Профессор Мамлок» (1939; Анни Вендт).

Из молодых актрис, кто сделал себе славу в середине тридцатых, стоит выделить Евгению Пырялову. Ее карьера в Ленинграде началась в 1930 году с фильма «Наши девушки» (роль комсомолки), после чего она за пять лет снялась в восьми фильмах. А славу ей принесли две главные роли в картинах «Наследный принц Республики» (1934; Наташа) и «Сокровище погибшего корабля» (1935; Таня Ткаченко). На этом фильмография этой молодой ленинградской актрисы-красавицы обрывается, и что с ней стало потом, неизвестно.

Среди других актрис кино из города на Неве, кто делал себе карьеру в тридцатые годы, назову следующих: Софья Магарилл (1900; первая жена Г. Козинцева, снялась в 20 фильмах, заслуженная артистка РСФСР с 1935 года, умерла в 1943 году от тифа), Елена Егорова (1905; в 1936–1942 играла в Театре Балтфлота, с 1918 по 1940 год снялась в 20 фильмах, одна главная роль – Катерина Измайлова в одноименном фильме 1927 года; заслуженная артистка РСФСР с 1935 года), Елена Юнгер (1910, исполнила главную роль в фильме «Крестьяне», 1934; жена театрального режиссера Н. Акимова, играла в его Театре комедии более 60 лет, вплоть до своей смерти в 1999 году), Нина Шатерникова (1902; из Театра комедии; с 1919 по 1939 год снялась в 19 фильмах, две главные роли в конце двадцатых), Нина Латонина (1912; в 1929–1964 годах играла в Ленинградском Малом театре; в 1933–1941 годах снялась в семи фильмах, одна главная роль – Агафья Тихоновна в «Женитьбе», 1938 – в этом фильме снималась и Зоя Федорова), Вера Стрешнева (1884; с 1922 года играла в питерском Театре имени А. Пушкина; в 1925–1938 годах снялась в восьми фильмах, одна главная роль – Елена Гурова в фильме «Девушка спешит на свидание», 1937), Ольга Томилина (1892; тоже актриса Театра имени А. Пушкина; одна роль в кино – Фекла в «Женитьбе», 1938), Ольга Беюл (1901; актриса Ленинградского ТЮЗа (1932–1935) и Нового ТЮЗа (1935–1945); снялась в трех фильмах; в 1940 году стала заслуженной артисткой РСФСР), Наталья Рашевская (1894; в 1921–1950 актриса Театра имени А. Пушкина; в 1929–1937 годах снялась в трех фильмах), Лариса Емельянцева (1916; у нее была одна главная роль в фильме «Аринка» 1940 года; снималась до 1945, после чего вышла замуж за писателя Федора Кнорре, написавшего чуть позже знаменитую повесть «Родная кровь», и ушла из кинематографа), Тамара Глебова (1894; актриса Театра имени А. Пушкина; в 1920–1941 годах снялась в семи фильмах, в том числе исполнила роль жены Антона Ивановича в фильме «Антон Иванович сердится», 1941), Ида Антипова, Елизавета Уварова (1902; играла на сцене нескольких Ленинградских театров: ТЮЗ, Новый ТЮЗ, Театр комедии; заслуженная артистка РСФСР с 1939 года; в тридцатые годы снялась всего в двух фильмах, но в дальнейшем стала одной из самых снимаемых эпизодниц – 32 фильма: бабка Параска, жена деда Мусия в «Максими Перепелице», 1956; жена Степанова в «Печках-лавочках», 1972; Арина Родионовна в «Усатом няне», 1978 – последняя роль в кино; скончалась актриса 24 августа 1977 года в Ленинграде на сцене во время репетиций спектакля Романа Виктюка), Татьяна Сукова (1889; актриса Ленинградского Театра Комедии в 1936–1959 годах; в 1932–1941 годах снялась в четырех фильмах), Анна Сергеева (1909; играла в нескольких Ленинградских театрах, с 1930-го – в Театре комедии; в 1937–1941 годах снялась в шести фильмах: Настенька в «Музыкальной истории» и др.), Ксения Куракина (1903; с 1933 года в Театре Ленсовета, потом в драмтеатре имени В. Комиссаржевской; в 1927–1940 годах снялась в двух фильмах: соседка Пети по коммунальной квартире в «Музыкальной истории», 1940), Леонтина Демина (1918; актриса

«Ленфильма»; дебют – няня в «Музыкальной истории», 1940), Евгения Голынчик (1913; в 1935–1942 годах снялась в девяти фильмах, одна главная роль – Варя в «Истребителях», 1939); Людмила Шабалина (1916; в 1936–1940 годах снялась в трех фильмах, в ролях второго плана; была женой известного актера Михаила Кузнецова, но главных ролей так и не добилась; в 1948 году оставила кино).

В картинах «Ленфильма» в тридцатые годы периодически появлялись московские актрисы, однако у каждой на счету было по одному-двум фильмам. Между тем Зоя Федорова оказалась *единственной москвичкой* (впрочем, как и любая иная актриса из других регионов), которая с 1935 по 1940 год снялась в 11 ленфильмовских картинах. Рекорд! Это были: «Подруги» (1936; главная роль – Зоя), «Большие крылья» (1937; Леля), «Женитьба» (1937; Дуняша), «Шахтеры» (1937; шахтерка Галка), «Великий гражданин» (1938, 1939; Надежда Колесникова, жена директора завода Семена), «Враги» (1938; Дуня), «На границе» (1938; Варвара Власова, дочь Степаниды), «Человек с ружьем» (1938; горничная Катя Шадрина), «Станица Дальняя» (1940; Даша), «Музыкальная история» (1940; главная роль – диспетчер Клава Белкина), «Шестьдесят дней» (1940, вышел в 1943-м; лаборантка Люсенька).

Отметим, что только три фильма из перечисленных снял тогдашний супруг Зои Федоровой – оператор Владимир Рапопорт: «Подруги», «Большие крылья» и «На границе». Все остальные ленты сняли другие операторы (и режиссеры) с «Ленфильма». Назовем их все: «Женитьба» – режиссеры: Эраст Гарин, Хеся Локшина, оператор: Анатолий Погорелый; «Шахтеры» – режиссер: Сергей Юткевич, оператор: Жозеф Мартов; «Великий гражданин» – режиссер: Фридрих Эрмлер, оператор: Аркадий Кольцатый; «Враги» – режиссер: Александр Ивановский, оператор: Соломон Беленький; «Человек с ружьем» – режиссеры: Сергей Юткевич, Павел Арманд, Мария Итина, оператор: Жозеф Мартов; «Станица Дальняя» – режиссер: Евгений Червяков, оператор: Святослав Беляев; «Музыкальная история» – режиссеры: Александр Ивановский, Герберт Раппапорт, оператор: Аркадий Кольцатый; «Шестьдесят дней» – режиссер: Михаил Шапиро, операторы: Александр Гинцбург, Сергей Иванов.

Учитывая столь большую загруженность Зои Федоровой на «Ленфильме», возникает вопрос: кто ее ей обеспечивал? Неужели муж-оператор обладал таким влиянием? Вряд ли, учитывая, что Рапопорт дебютировал на «Ленфильме» в 1931 году и на момент съемок «Подруг» успел снять еще два фильма (один из них был документальный). Однако карьера Федоровой, как уже говорилось, складывалась на удивление хорошо – лучше, чем даже у местных актрис. Видимо, кто-то ей все-таки протезировал. И этот покровитель, вполне вероятно, был не из мира кино – с Лубянки. Но опираться он должен был именно на своих агентов (или доверенных лиц) в киношной среде – то есть на именитых режиссеров. Кто же мог им (или ими) и быть? На мой взгляд, на «Ленфильме» таковых могло быть двое: Сергей Юткевич (с ним Рапопорт снимал свои фильмы) и Сергей Герасимов (его сестра – чекистка Марианна Герасимова – как мы помним, могла опекать Федорову еще с конца двадцатых годов и передать эту опеку брату).

Но вернемся к фильмам Зои Федоровой.

Главным ее совместным фильмом с Рапопортом стала, без сомнения, картина «Подруги» (1936), после которого героиню нашего рассказа и узнала широкая публика. Именно во время съемок в нем Федорова согласилась перебраться в Ленинград к мужу и в Москве стала бывать наездами, поскольку на «Ленфильме» на нее буквально посыпались роли: только в одном 1936 году их будет три: «Большие крылья», «Женитьба» и «Шахтеры». Но во время съемок в «Подругах» на дворе была весна 1935 года. Фильм представлял собой военную драму, рассказывающую о трех подругах с рабочей окраины Петрограда, которые участвовали в защите города во время гражданской войны. Фильм переносил зрителя 1919 год и состоял из двух частей – дореволюционной, показывающей Зою (Ида Антипова), Наташу (Дагмар Папе) и Асю (Янина Жеймо) в детстве, объясняющей

то, что заставляло юных героинь осознать социальную несправедливость жизни. И второй части, послереволюционной, показывающей подруг уже взрослыми девушками, санитарками рабочего отряда, защищающего красный Питер. Роль Зои во второй части исполняла Зоя Федорова, Наташи – Ирина Зарубина, а Асей была все та же Янина Жеймо, поскольку ампула у нее была актриса-травести.

Итак, по своему жанру это был фильм-драма. Он стал одним из лидеров проката 1936 года, поскольку буквально пробирал зрителя, что называется, до печенок. Кульминационным был финальный эпизод, где одна из героинь – почти подросток Ася в исполнении Янины Жеймо – погибала от белогвардейской пули. И над ее телом красный командир в исполнении Бориса Бабочкина произносил монолог, обращенный к будущим поколениям. Очень скоро этот фильм пригодится на фронтах Великой Отечественной войны, вдохновляя наших бойцов на подвиги. Ведь если героиня Жеймо, по виду напоминавшая ребенка, не боялась вражеских пуль, то как могли бойцы, видевшие этот фильм, кланяться пулям фашистов.

Итак, съемки «Подруг» проходили весной-летом 1935 года. И именно тогда Федорова перебралась жить к мужу в Ленинград, уйдя из Театра революции. Случайно ли была выбрана именно эта дата? Судя по всему, нет – агент «Зефир» должен был принять участия в операции, которая в чекистских кругах называлась «Мироныч».

Время переезда Федоровой было для Ленинграда весьма тревожным. Дело в том, что всего лишь несколько месяцев назад – 1 декабря 1934 года – прямо в Смольном предательским выстрелом в затылок был убит глава Ленинградского обкома ВКП(б), член Политбюро, ближайший сподвижник И. Сталина Сергей Миронович Киров (Мироныч). По поводу этого убийства существует множество версий: от политической (дескать, Кирова убили по заказу Сталина, чтобы тот смог развязать террор против оппозиционеров в партии), до бытовой. Согласно последней версии, в трагедии якобы были замешаны балерины Ленинградского оперного театра, которые приревновали лидера ленинградских коммунистов к официантке Мильде Драуле и постарались, чтобы ее ревнивый до сумасшествия муж Николаев узнал о приключениях ненаглядной супруги.

Практически сразу после убийства Кирова в Ленинград приехали Сталин и его соратники по Политбюро, чтобы на месте узнать подробности этого беспрецедентного преступления. Вместе с ними прибыл и уже известный нам Яков Агранов – начальник Секретно-политического отдела ОГПУ СССР. Его приезд не был случаен. Убийство Кирова стало возможным благодаря плохой работе агентуры, которая фактически проспала это преступление. Поэтому Агранов должен был лично разобраться с этим и доложить свои выводы Сталину. И он это сделал. После чего под стражу были взяты 12 руководителей Ленинградского УНКВД, включая и начальника местного СПО Александра Масевича, который непосредственно отвечал за агентурные сети в городе на Неве. Всех этих людей вскоре будут судить, но приговоры будут не строгими – им дадут по несколько лет ссылки, причем все они, оказавшись в Магадане, будут занимать руководящие должности в системе ГУЛАГа. Например, тот же Масевич возглавит СПО Магаданского УНКВД. Правда, продлится это недолго, и в 1937 году все ленинградские чекисты, осужденные по «делу Кирова», будут расстреляны.

Новым руководителем Ленинградского УНКВД (вместо Филиппа Медведя) был назначен Леонид Заковский, который с июля 1934 года занимал пост наркома внутренних дел Белорусской ССР. Это был профессиональный чекист с богатым опытом работы, в том числе и агентурной (по линии Особых отделов). В итоге Заковский и его люди выявили серьезные недостатки в работе ЛенУНКВД, в том числе и на агентурном направлении. На тот момент в Ленинграде насчитывалось около 50 тысяч осведомителей, из которых работоспособной была лишь меньшая часть. При этом штат спецосведомителей насчитывал две тысячи человек, и почти всегда они вербовались и находились на связи у самых неопыт-

ных чекистов – практикантов и помощников уполномоченных. Оказалось, что ленинградские чекисты совершенно не вербовали осведомителей, перепоручая эту обязанность резидентам. А те, в свою очередь, загруженные на основной работе, обычно редко встречались с осведомителями и не могли выполнять инструктивных требований по перепроверке сводок и повышению квалификации рядовых сексотов. Работа резидентов с рядовыми осведомителями пускалась на самотек, из-за чего сводки, получаемые чекистами от резидентов, не были достаточно ценными (на тот момент по всему СССР было 27 650 резидентов). Все они работали на НКВД бесплатно, совмещая нелегальную службу с работой в учреждениях и на производстве.

Заковский основательно перетряхнул кадры СПО и агентурную сеть в Ленинграде. Причем его главным выводом было, что ленинградские агентурные ряды надо укреплять проверенными кадрами из других регионов. В том числе и из Москвы. И вот здесь на ум приходит тот факт, что именно в 1935 году Зоя Федорова переезжает в Ленинград. Причина, как мы помним, уважительная – ее супругом был ленинградец. Однако если мы предполагаем, что Федорова могла быть агентом ГПУ под именем «Зефир», то этот переезд мог быть связан с убийством Кирова и деятельностью нового начальника Ленинградского УНКВД Заковского. Ведь убитый глава питерских большевиков любил проводить время среди творческой элиты города – балерин, театральных и киношных актрис (отметим, что «Ленфильм» находился в нескольких минутах ходьбы от дома Мироныча). И это было не случайно. К богемной среде Киров тянулся еще в молодости, когда жил во Владикавказе. Он уже тогда любил театр и сам участвовал в любительских спектаклях. Кроме этого, он писал пьесы, а также рецензии на спектакли городского театра и гастролирующих групп. А когда он уже работал в Ленинграде, в городе ходили слухи о его романтических отношениях с некоторыми известными артистками как в Большом театре, так и в Ленинградском.

Между тем обильно унавоженная агентурой творческая среда Ленинграда не смогла предотвратить трагедию с Кировым. Значит, перед новым руководством питерского УНКВД стояла задача эту среду «унавозить» по-новому, в том числе и подключив в этот процесс агентов из других регионов – не замыленных. Таких агентов называли «маршрутниками» – они присылались из других регионов для усиления чекистских кадров на местах. Агент «Зефир», видимо, и стал таким агентом-маршрутником. И тут возникает вопрос: какую работу он мог выполнять в Ленинграде в той ситуации? Судя по всему, перед ним были поставлены несколько задач. Во-первых, по линии 1-го отделения (шпионаж западных держав) Особого отдела «прощупать» немецкую версию убийства (как мы помним, за «Зефиром» давно тянется этот «немецкий шлейф» – еще с братьев Прове). Дело в том, что в записной книжке Николаева значился адрес консульства Германии в Ленинграде по адресу: улица Герцена, дом 43. Почему он его записал, для каких целей – именно это следовало выяснить. По показаниям некоей М. Н. Волковой – молодой женщины, работавшей уборщицей и одновременно платным секретным сотрудником одного из райотделов НКВД, – она дважды ходила с Николаевым в немецкое консульство и там ему, якобы, выдали 25 тысяч рублей. Эту информацию надо было проверить по разным каналам.

Во-вторых, «Зефиру» уже по линии СПО предстояло собирать информацию в актерской среде, чтобы предотвратить повторения покушения, теперь уже на нового главу ленинградских большевиков Андрея Жданова. Он, как и Киров, был пришлым (с 1922 по 1934 годы работал в Нижнем Новгороде, затем был переведен в Москву), поэтому прочной опоры на местные кланы у него не было. К творческой среде он тоже имел отношение, участвуя в организации Первого съезда советских писателей в 1934 году. А писательская и киношная братии тесно соприкасались друг с другом на ниве разного рода экранизаций и взаимоотношений писателей и сценаристов.

Учтем еще и то, что у Федоровой были хорошие связи в балетной среде – ее родная сестра была замужем за артистом Большого театра. А балерины, как уже говорилось, в ту пору были главными «развлекательницами» для партийной номенклатуры и иностранцев. Федорова многих из них знала, поэтому ей легче было вписаться в эту среду.

Итак, Федорова и Рапопорт жили в коммунальной квартире, рассчитывая в скором времени перебраться в отдельное жилище в доме, который должен был быть построен неподалеку от «Ленфильма» – на Малой Посадской улице (киностудия находилась по соседству – на Кировском проспекте, дом 10, который до момента убийства С. Кирова назывался улицей Красных Зорь). Это был центр города – Петроградский район, откуда было близко добираться не только до «Ленфильма», но и до... НКВД, которое в 1933 году переехало с Гороховой улицы на проспект Володарского (с 1944 года – Литейный проспект, как и до революции), дом 4 (десять минут езды от Малой Посадской – надо только переехать через Кировский (Троицкий) мост). Впрочем, наивно было бы предполагать, что агент «Зефир» ходила на доклады непосредственно в головной офис НКВД на Володарского. Такие встречи должны были происходить на конспиративных квартирах, которых у чекистов в Ленинграде было предостаточно, а в 1935 году – особенно. Дело в том, что после убийства Кирова в городе прошла большая чистка – только за один месяц (28 февраля – 27 марта 1935 года) из города было выслано более 11 тысяч «бывших» – то есть классово чуждых элементов: бывших дворян, священников, белогвардейцев и т. д. Их квартиры перешли в городской фонд (только в одном корпусе по «номенклатурному» Кировскому проспекту НКВД арестовал обитателей 55 из 123 квартир). Часть этого жилья «наследовал» НКВД для своих нужд – как бытовых (в эти квартиры вселились его сотрудники), так и оперативных (в них были размещены конспиративные квартиры). Такого количества агентурных квартир даже в Москве не было – там большая часть такого рода «тайного» жилья представляла собой комнаты в коммуналках. А в Ленинграде чекисты шиковали – принимали своих агентов в отдельных квартирах с видом на Мойку или Фонтанку. Поэтому агенту «Зефиру» не было надобности шастать по коммуналкам. Она могла встречаться со своими кураторами с Литейного в отдельных апартаментах, причем не обязательно в центре города.

Кстати, в последнем проживала практически вся еврейская часть населения Ленинграда (напомним, что мужем Федоровой тогда был еврей) – в районах: Куйбышевском (14,2 %), Дзержинском (12,6 %), Октябрьском (10,3 %), Фрунзенском (8,9 %), Смольнинском (8,5 %) и Петроградском (7,2 %). А самым нееврейским считался Кировский район на юго-западе города (1,5 %).

Конечно, большая часть повседневной жизни Федоровой и Рапопорта в Ленинграде протекала непосредственно на самой киностудии, либо в обществе ее работников. Больше всего их пара тяготеет к режиссеру Сергею Юткевичу – как мы помним, одному из лидеров «Ленфильма». Он тоже к ним тянется, чем и объясняется то, что с Рапопортом он снял три фильма (правда, все – до середины тридцатых: «Златые горы», «Встречный» и «Анкара – сердце Турции»), а Федорову трижды пригласил в свои ленты («Встречный», «Шахтеры» и «Человек с ружьем»).

В 1938 году Юткевич уедет в Москву, где возглавит «Союздетфильм», который возник, как мы помним, на базе советско-германского кинопредприятия «Межрабпомфильм». Абы кого на эту должность вряд ли бы назначили, учитывая, что закрывали «Межрабпом» с ведома НКВД, как рассадник немецкого шпионажа. Отметим, что перевод Юткевича в Москву совпал с переменами в киношном главке. В начале 1938 года председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР был назначен 45-летний чекист Семен Дукельский. Он начал служить в органах ВЧК-ГПУ с начала двадцатых, возглавив в 1921 году Одесскую губчека. Кроме этого, он занимался дезинформационной работой за границей. В 1922–1924 годах Дукельский был начальником транспортного управления

ОГПУ. Затем начальником Житомирского губернского отдела ОГПУ (1924–1925) и Екатеринославского окружного отдела ГПУ Украины (1925–1926). Затем перешел на хозяйственную работу. Но в 1930 году снова вернулся на чекистское ристалище: был заместителем полномочного представителя ОГПУ по Центрально-Черноземной области (1930–1931), заместителем полномочного представителя ОГПУ по Белорусской ССР (1931–1932), полномочным представителем ОГПУ по Центрально-Черноземной области (1932–1934), начальником Воронежского областного УНКВД (1934–1937). Лично курировал находившегося в ссылке в Воронеже Осипа Мандельштама. Летом 1937 Дукельский попал в автокатастрофу, получил увечья, длительное время лечился. После чего был сотрудником для особых поручений при народном комиссаре внутренних дел СССР. Именно с этой должности его и направили руководить всем советским кинематографом.

Самым крупным его нововведением на этом посту было постановление, предусматривавшее замену существовавшей системы процентных отчислений от проката фильмов, получаемых творческими работниками (сценаристами, режиссерами, операторами, художниками, композиторами), выплатой твердых ставок. Материальное вознаграждение перестало зависеть от количества зрителей, от доходов кинотеатров.

Итак, как только Дукельский стал главой советского кино, Юткевича перевели в Москву и назначили руководителем «Союздетфильма». Более того: в 1939 году он параллельно «Союздетфильму» возглавит в качестве худрука еще один интересный коллектив – ансамбль песни и пляски... НКВД. Кандидатуру Юткевича утвердит лично Лаврентий Берия – новый нарком НКВД. Интересно, каким образом это произошло? Имеется в виду, на основе каких данных Берия, который до этого не знал лично Юткевича, назначил его руководителем этого коллектива? На основе несомненного творческого таланта режиссера или же той характеристики, которая имела на Юткевича в недрах НКВД и где была описана его возможная тайная деятельность?

В это же время (1939) Юткевич вступает в ВКП(б), поскольку занимать такие должности без партбилета было не принято. Причем рекомендации ему дают двое его коллег по «Ленфильму»: художник Евгений Еней и режиссер Фридрих Эрмлер. Что это за люди?

Еней был по национальности венгром, родившимся в Румынии. Он окончил Будапештскую академию художеств, а после революции приехал в Россию. В 1920 году вступил в ВКП(б), а спустя несколько лет сошелся с режиссерами Григорием Козинцевым и Леонидом Траубергом, став художником-постановщиком их первой полнометражной ленты «Чертово колесо» (1926). С этого момента Еней работает на ленинградской киностудии, выпуская один фильм за другим. Однако в 1939 году он попадает под каток репрессий, правда, не слишком страшный – его лишь высылают из Ленинграда. Причем случилось это вскоре после того, как он дал Юткевичу рекомендацию вступить в ВКП(б). Самое интересное, но последнему никто этим глаза не колол, видимо, потому, что вторым рекомендующим был Фридрих Эрмлер, который, как мы помним, в начале двадцатых служил в ВЧК. Вполне вероятно, он так и остался чекистом, хотя в реальности подался в кинематографисты (режиссерский дебют – фильм «Скарлатина», 1924). В 1940 году Эрмлер дослужился до должности художественного руководителя «Ленфильма». А директором киностудии был назначен (осенью 1938 года) еще один чекист (с 1925 года) – Николай Лотошев, который до этого работал в СПО и курировал именно творческую интеллигенцию. Всю агентуру, трудившуюся на киностудии, он прекрасно знал, поэтому и был назначен на эту должность. Забегая вперед, отметим, что в годы войны Лотошев будет работать в СМЕРШ (военная контрразведка), а в 1947 году снова вернется на «культурный фронт» – станет директором БДТ. Это именно он отыщет в Москве режиссера Георгия Товстоногова и пригласит его в БДТ на должность главрежа. Но это совсем иная история, а мы вернемся в конец тридцатых.

Итак, Юткевич, которому благоволят чекисты (от Эрмлера до Дукельского и Бери), благоволил чете Рапопорта и Федоровой. Они вместе коротали время вне съемочной площадки, иногда выбирались в театры или мюзик-холл (правда, последний в 1937 году будет закрыт как «рассадник буржуазного искусства»), куда любил заходить рафинированный интеллигент, одевавшийся как денди, Юткевич. О том, как проводила свой досуг тогдашняя питерская интеллигенция, читаем у Катерины Герасимовой и Софьи Чуйкиной:

«Представители советской элиты во многом заимствовали вкусы старой интеллигенции. Ими была в полной мере востребована досуговая инфраструктура центра. Тем более что именно в центре города находились учреждения „высокой культуры“.

Среди образованной молодежи и людей средних лет были популярны походы в театры, музеи, на драматические, оперные и балетные спектакли, на концерты в филармонии, лекции об истории города, художественные чтения и литературные вечера. Автор воспоминаний, приехавший из провинции в 1929 году и поступивший в университет в середине 1930-х, дает исчерпывающую информацию о своих вкусах и предпочтениях в искусстве.

„Моего заработка хватало на еду, покупку некоторых книг и минимума одежды. Изрядно уходило на театры, но более всего на Филармонию. Билеты в то время доставались легко. В Филармонии в 1933 и 1934 годах очень хорошие были концерты классической музыки под управлением Александра Гаука, Фрица Штидри, Альберта Коутса и других русских и иностранных дирижеров... Всех оркестрантов знал пофамильно, но особенно мне нравился Цветковский – концертмейстер оркестра и первая скрипка.

В годы работы в ГИПХе я еще посмотрел и прослушал весь репертуар Мариинского и Малого Оперного театра. Оперу Бизе «Кармен» слушал раз семь с разным составом исполнителей и в разных постановках. Особенно хороша в роли Кармен была Фатма Мухтарова.

В драматические театры ходил реже, но хорошо помню замечательную игру актеров Монахова, Певцова, Горин-Горяинова и других.

Единственное, что я так и не смог полюбить, – это эстраду, хотя и слышал выступления всех известных в то время знаменитостей, вроде Смирнова-Сокольского. Оперетта тоже оставляла меня равнодушным. Я все пересмотрел, но ни разу не пошел второй раз.

Удивительные были некоторые литературные вечера – вспоминаю один с Тыняновым, Ал. Толстым и Вяч. Шишковым, другой с Андронниковым и т. д. А какие были замечательные фильмы – особенно отечественные и итальянские! А ленинградский Драматический театр на Фонтанке (впоследствии БДТ), театр Акимова, ТЮЗ при Брянцеве. И наезжавшие постоянно в Ленинград МХАТ, Малый театр. И все это было доступно, по карману“.

Из интервью с мигрантами, стремившимися стать настоящими ленинградцами, интеллигентами (кстати, и Федорова с Рапопортом тоже, как мы помним, были приезжими. – Ф. Р), видно, что они прежде всего осваивали „высокое“ искусство – классическую музыку, оперу, балет, недоступные им в местах их прежнего жительства и поэтому в особенности ассоциирующиеся с традиционно петербургской культурной жизнью. Но при этом их культурное потребление отличалось разносторонностью. Предпочитая классику, они однако с познавательным интересом относились и к „новым“ искусствам – кино, эстраде, лекциям для широкой публики. В отличие от них выходцы из дореволюционных высших слоев, например из дворян, заинтересованные в сохранении старых традиций, нередко сообщали, что новые искусства вообще не входили в их „культурную программу“: „Ходили в театр, в концерты, в филармонию. В кино как-то считалось.... В то время на кино смотрели, как на не совсем настоящее искусство. Оно позже стало искусством, а в то время считали так..“

Представители советской элиты с удовольствием посещали такие вновь открывшиеся и дорогие места, непопулярные у старой интеллигенции, как Мюзик-холл. Также значительно более популярным у этой группы, по сравнению с интеллигенцией, было посещение ресторанов. В 1920-е годы посещение ресторанов было в особенности популярно среди

новой буржуазии (нэпманов), а с середины 1930-х – у представителей советской элиты. У интеллигенции большой популярностью пользовались традиционные домашние вечера с танцами, спектаклями, шарадами. Однако возможности организации таких вечеров многие интеллигенты были лишены после „уплотнения“ и потери крупных комнат в квартирах (после убийства Кирова из Ленинграда были выселены более 11 тысяч классово чуждых жителей города. – Ф. Р.)....

Представители образованных слоев считали себя людьми центра, а центром для них была часть города, связанная с литературой и культурой, хранящая мифы о старом Петербурге. Особенно риторика „мистики центра“ прослеживается в интервью с теми, кто идентифицировал себя с ценностями старой петербургской „интеллигенции“. И коренные, и мигранты-интеллигенты полностью сходились во мнениях об особом габитусе ленинградцев. Но при этом под ленинградцами понимались только люди центра и только люди высокой культуры. Характерно, что, хотя больше половины населения центра города и примыкавших к центру районов составляли недавние выходцы из деревни, представители интеллигенции нередко не замечали этой публики. „Деревенской публики я здесь не видела. Я ее увидела потом, после войны. А до этого здесь была публика избранная. Во всяком случае, петербуржцы имели другой габитус, другой облик, вели себя совершенно иначе, нежели в провинции, они узнавались по поведению, такой был шарм какой-то особый. Не было хамства, была выдержанность“.

„Ленинградцем“ на языке интеллигентов является человек, живущий в центре, знающий историю Петербурга, для которого центр города важен как литературный герой, как воплощение истории и культуры. Освоение центра включало в себя знание мест, увековеченных писателями, художниками, композиторами...

Нецентральные районы и тем более рабочие окраины не представляли интереса для представителей образованных слоев.

При желании поехать на природу они ездили не в парки, расположенные в рабочих районах, а на окраины Петроградского района (Крестовский, Каменный острова) (как мы помним, Федорова и Рапопорт жили именно в Петроградском районе. – Ф. Р), либо в пригороды, тем более что часть пригородов (например, Гатчина, Пушкин, Петродворец) были заселены в значительной степени представителями „нетрудовых элементов“ выселенных из центра, следовательно, многие имели там знакомых. Популярностью среди интеллигенции и советской элиты пользовался отдых на даче, причем практиковался отдых в одном и том же месте на протяжении многих лет.

Для представителей интеллигенции и советской элиты в значительно большей степени, чем для описанных выше представителей малообразованных слоев (рабочих, работников сферы обслуживания), характерно наличие отдельного круга общения (по интересам) у каждого члена семьи, раздельное проведение досуга членами семьи. Дружеские компании коренных ленинградцев формировались из разных кругов (сети родственников, знакомые из учебных заведений, коллеги, знакомые из различных кружков, студий), круг общения мигрантов состоял в большей степени из соучеников и коллег...».

Среда, в которой вращался агент «Зефир», включала в себя не только представителей творческой интеллигенции (тех же работников «Ленфильма»), но и тех, кто был вхож на киностудию по делам служебной необходимости. Среди таких людей были и иностранцы – в большинстве своем немцы, поскольку именно с Германией в те годы у СССР были тесные экономические и культурные отношения. Я уже упоминал фильм «Гармонь», который снимался на «Межрабпомфильме» – совместной советско-германской киностудии. В этом фильме у Федоровой была главная роль.

В 1936 году она снималась в небольшой роли (Леля) еще в одном фильме, который стоит выделить, – «Большие крылья». Почему он может быть нам интересен? Дело в том, что

речь в нем шла о директоре авиационного завода Кузнецове, конструкторе, переживающем катастрофу собственного детища – самолета, на борту которого погибают люди. Так вот, дело в том, что на этом киношном авиазаводе работали немецкие инженеры – в частности, Лотта Роге в исполнении немецкой актрисы Хильды Еннингс. Эта актриса была замужем за одним из режиссеров фильма – Михаилом Добсоном, а еще одним режиссером картины был... опять же немец Карл Гаккель.

Отметим, что Добсон в течение нескольких лет работал по «немецкой» линии: был сотрудником советского торгового представительства в Германии и одновременно сотрудником съемочных групп немецких кинофирм «Лев-фильм» и «Атлантик-фильм» (1925–1930), затем был режиссером киностудии «Межрабпомфильм».

В 1938 году, на волне антинемецких настроений (под эту волну попадет и отец Федоровой, о чем я еще расскажу), Добсон был арестован. Однако пробыл в заключении меньше года, после чего выпущен на свободу по распоряжению Берии. А вот его жена Хильда Еннингс была сослана в поселок Чолак-Тау Джамбульской области Казахской ССР, где пробыла до 1955 года.

Что касается Добсона, то он, выпущенный на свободу, вернулся в большой кинематограф и снял еще две картины: «Концерт-вальс» (1941) и «Шторм» (1957).

Но вернемся к фильму «Большие крылья». Снимался он на ленинградском заводе «Красный летчик» (завод № 272), где в ту пору действительно работали инженеры из Германии. Завод принадлежал Главному управлению авиационной промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР, поэтому съёмки курировал нарком тяжмаша Г. Орджоникидзе. Но в феврале 1937 года последний покончит с собой, поэтому судьба у фильма будет незавидной – спустя месяц после премьеры в марте 37-го его снимут с проката. Но это уже другая история. А нас интересует другое – возможное общение агента «Зефир» во время съемок картины с немцами, причем как с нашими, так и с приезжими. Ведь среди немецких специалистов, трудившихся на советских заводах, было достаточно агентов или осведомителей германских спецслужб. Особенно много их было на авиазаводах и балтийских судостроительных верфях. А курировал эту агентурную сеть консул Германии в Ленинграде Рудольф Зоммер – офицер абвера. Чтобы понять, как это происходило, достаточно вспомнить историю марта 1935 года. Тогда контрразведывательным отделением ГУГБ НКВД СССР было изъято шифрованное сообщение, переданное германским военным атташе, о подводных лодках, торпедных аппаратах, броневооружении, что соответствовало реальным данным об их производстве на Балтийской верфи и Ижорском заводе. Соответствующие указания были даны УНКВД Ленинграда и области. В результате были установлены шесть германских подданных, работавших на заводах, откуда происходила утечка информации.

Здесь следует отметить следующий факт. Консул Зоммер не доверял агентам, завербованным его людьми, если в их жилах не текла хотя бы капля немецкой крови. Поэтому он ориентировал своих сотрудников на вербовку первым делом обрусевших немцев или немцев, которые приехали в СССР на работу (а таких были тысячи). Поэтому, например, те же Добсон, Гаккель или Хильда Еннингс вполне попадали под категорию тех людей, на которых немецкая разведка могла бы обратить свое внимание. Но именно поэтому с них не спустили глаз и чекисты, которые часто вербовали их первыми, подставляли немцам и вели с последними свою оперативную игру.

Кстати, о том, как немцы вербовали себе агентуру в ленинградской киносреде, написал В. Ардаматский в своей книге «Ленинградская зима» (1970). В этой повести вербовкой агентов занимался подручный Зоммера – майор абвера Аксель. Открываем книгу и читаем:

«...Краткие данные к портрету завербованного в Ленинграде агента. Кодовое имя Людмила. Составлено майором Акселем на основании полуторамесячного наблюдения.

Настоящие фамилия и имя – Клигина Нина (Викторовна). Возраст – 28 лет. Воспитывалась в сиротском доме. Яркая, красивая внешность. Ей пророчили сценическую или кинематографическую карьеру. По окончании школы приехала в Ленинград, чтобы стать актрисой. В театральный институт не была принята. Поступила контролером в клуб кино-работников, где немедленно была замечена ее внешность. Ей обещали роли и даже законный брак, но неизменно обманывали. Тем не менее она вошла в желанный ей круг деятелей кино. В настоящее время живет одна. Имеет комнату в общей квартире. Озлоблена. Завистлива. Острый интерес к дорогим вещам. Обожает светский образ жизни, вращение среди звезд кино. В настоящее время работает помощником режиссера на киностудии. Легко сходится с мужчинами.

Использование агента должно быть осторожным, но польза от него может быть большой, учитывая неограниченную возможность ее знакомств.

Вербовка проведена со всеми формальностями при содействии хорошего знакомого Людмилы – нашего агента Девиса (под этим именем скрывался юрист Михаил Горин).

Резюме: агент со скрытыми большими возможностями...

Между тем после того, как Зоммер назвал Людмилу проституткой и посчитал ее ненадежным агентом, Аксель вынужден был написать шифровку в Берлин, где изложил свои возражения на этот счет. Вот они:

«...На № 08/1503.

Позволю себе опротестовать ваш 1503. Проституции в нашем понимании здесь нет, а таких женщин, как мой объект, множество. Особенно возле разнообразного мира искусства. Как правило, это неудачницы в профессии, пытающиеся возместить это близостью с людьми мира, не принявшего их в свою производственную сферу, теперь достигаемую ими путем доступности чисто женской. Как всякая доступная женщина, и эта тоже втайне нелегко переживает, что ее жизнь не удалась, ей не стать ни женой, ни матерью. Здесь же это обостряется прямолинейной до самозабвения пропагандой, утверждающей с каждого забора, по радио и в печати, что тебе открыты все дороги и достижимы любые цели. Более того, она очень ясно и для себя больно видит, как другие женщины действительно достигают многого, между тем как ничем особенным они не отличаются.

...Одни с этим смиряются, покидают отвергнувший их мир и уходят в общую неприемлемую жизнь, и, может быть, находят там счастье. Другие, как, например, наш объект, цепляются за избранный мир любым способом, но здесь коммерческой торговли телом нет. Здесь удовлетворение духа крайним способом. Вербовку объекта я строил на встречном движении.

Пункт 1. Вы достойны иной жизни.

Пункт 2. В том, что вы влачите недостойную вас жизнь, виновато общество, которое только прокламирует внимание к человеку.

Пункт 3. С этим обществом вы можете вступить в борьбу. Тайная деятельность возвысит вас над всеми, кто вас сейчас унижает.

Пункт 4. Если произойдет изменение общества, и, возможно, не без нашей помощи, ваша судьба изменится в корне. Те, кто сейчас командует вами, превратятся в ничтожество.

Объект прошел через все эти пункты, нигде не вступив с ними в спор и приняв их суть как должное. А если у объекта возбудить гнев и указать для этого гнева адрес, агент сможет быть нам крайне полезен во всех ситуациях, в том числе и в критической. Наконец, уже сейчас мы можем управлять ее знакомствами, и это открывает неограниченные возможности».

Спустя несколько дней в консульство пришла шифровка:

«Возражение против Людмилы снимается...».

Именно чтобы разоблачать такого рода агентуру, и мог был делегирован в Ленинград агент «Зефир» (и снова вспомним, что в убийстве С. Кирова отрабатывался и немецкий след).

Перед ней была поставлена задача заводить как можно больше знакомств среди ленфильмовцев и тех, кто посещает киностудию по различным служебным потребностям. И особый упор делать на иностранцев, в первую очередь – на коренных немцев или обрусевших.

В свете этого вполне вероятно, что агенты «Зефир» было приказано присмотреться к одной из ее коллег по «Большим крыльям» – Елене Юнгер (1910), которая исполняла в фильме роль Любы, жены конструктора Кузнецова (Борис Бабочкин). В жилах этой актрисы текла немецкая кровь, поскольку ее отцом был Владимир Юнгер – сын бывшего служащего компании «О. Рихтер». А мать Елены была русской – Зоя Дроздова, дочь царского генерала медицинской службы, преподавателя Военно-медицинской академии.

Когда Елене было всего восемь лет, ее отец скоропостижно скончался в возрасте 35 лет. После этого на сердце вдовы-красавицы было много претендентов, в том числе и Борис Садовский – потомственный дворянин. Он был красавец, но... паралитик, поэтому никаких близких отношений между ними не сложилось. Но дружба возникла. И когда в 1929 году Садовский приехал жить в Москву и поселился со своей женой – бывшей фрейлиной царского двора Натальей Воскобойниковой – в бывшей келье Новодевичьего монастыря, Зоя Юнгер-Дроздова стала его там навещать, поскольку разделяла его монархические взгляды. Более того, она несколько раз приводила туда и свою дочь Елену, которая в ту пору (в начале тридцатых) играла в московском Реалистическом театре. Но в 1933 году она уехала в Ленинград, где стала актрисой в Экспериментальной мастерской при Ленинградском мюзик-холле под руководством Николая Акимова (чуть позже он станет ее мужем). В 1934 году Елена Юнгер дебютирует в кино главной ролью (Варвара Нечаева) в фильме «Крестьяне».

Но вернемся к Борису Садовскому.

Монархическую организацию, которую он создал в своей «келье», в 1933 году (замечим – в год отъезда Елены Юнгер в Ленинград) разгромило ОГПУ. Однако самого организатора почему-то не арестовали. Почему? То ли пожалели паралитика, то ли завербовали. И он вскоре создал еще одну подобную организацию, которую чекисты снова ликвидировали в 1935 году, вновь оставив Садовского на свободе. Не для того

ли, чтобы он чуть позже возобновил свою деятельность на этом поприще – собрал под своей крышей очередных монархистов и приверженцев Гитлера? По этому поводу в своих мемуарах чекист П. Судоплатов напишет вполне определенно:

«В течение ряда лет в Москве разрабатывается видный монархист, известный русский поэт Борис Александрович Садовский и его жена, Наталья Ивановна Воскобойникова, в прошлом фрейлина царского двора...».

Именно на основе этой организации перед самой войной будет создан антисоветский проект «Престол» – аналог чекистской операции «Трест». Только последняя служила для того, чтобы заманивать в нее бывших белогвардейцев, а «Престол» должен был вовлекать в свои сети нацистов. Впрочем, про эту организацию подробный рассказ ждет нас впереди, а мы пока продолжим знакомство с историей жизни (явной и тайной) Зои Федоровой.

Дочь за отца не отвечает, или Побег от оператора к «сталинскому соколу»

Фильмы для Зои. – Агентура периода чисток. – Агент при Сергее Есенине. – От Орловой до Ладыниной, или Актрисы конца 30-х. – Эрих Кестринг – резидент абвера. – Арест отца, или Алиби для агента «Зефир». – Пакт о ненападении и возвращение в Москву. – Шпионское кино. – «Зефир» и «Колонист» против абвера. – Чекист и балерина. – Ильин и Федотов – ассы контрразведки. – Зоя и «сталинский сокол». – Как актрисы выходили замуж за летчиков. – В «доме под юбкой». – Супруга архитектора – агент НКВД. – Максим Штраух – бывший дипкурьер и киношный Ленин. – От Серовой до Раневской, или Актрисы предвоенной поры. – Как вербовали Лидию Смирнову

В 1937 году героиня нашего рассказа оказалась включена сразу в три кинопроекта на «Ленфильме». Это были фильмы «Враги», «Человек с ружьем» и «Великий гражданин» (снимались сразу две серии). Причем сюжеты фильмов выстраивались в строгую хронологическую линейку. Так, в первой ленте (режиссер А. Ивановский, по пьесе М. Горького) речь шла о событиях кануна 1905 года. Согласно сюжету, на фабрике Скроботова и Бардина стало беспокойно. В ответ на справедливое требование рабочих уволить жестокого и грубого мастера хозяева закрывают фабрику и вызывают войска. Выстрел одного из рабочих, не сумевшего сдержать порыва ненависти к хозяевам, обрывает жизнь одного из хозяев фабрики – Скроботова. К месту происшествия тут же прибывают жандармы. Им удастся раскрыть действовавшую на фабрике социал-демократическую организацию. Арестованные рабочие противопоставляют истерической жестокости жандармов спокойное, уверенное мужество...

У Зои Федоровой в фильме была роль второго плана – она играла девушку по имени Дуня. Причем у Горького такой героини в пьесе не было – ее придумал режиссер Ивановский. Но Федорова «обедни» не испортила – лишней в кадре не выглядела.

Фильм «Человек с ружьем», над которым работали сразу три режиссера – Сергей Юткевич, Павел Арманд и Мария Итина, – тоже был экранизацией: в основу легла одноименная пьеса Н. Погодина. Сюжет развивался в октябрьские дни 1917 года, и это был второй советский художественный фильм, где на экране появился В. И. Ленин (в исполнении артиста Максима Штрауха). Первым таким фильмом был «Ленин в Октябре» Михаила Ромма, снятый в 1936 году, а на экраны вышедший в ноябре 1937-го (вождя мирового пролетариата в нем играл Борис Щукин).

В фильме Юткевича героиня нашего рассказа исполняла главную женскую роль – горничной Кати Шадриной, невесты комиссара Николая Чибисова, роль которого исполнял актер Владимир Лукин. Заметим, что это была уже третья их совместная картина. Первой была «Подруги» (у Лукина там был эпизод – рабочий в кабаке), второй – «Шахтеры» (роль Матвея Бобылева). Но только за роль комиссара Чибисова актер Лукин будет удостоен награды – ордена «Знак Почета» (1939). А вообще его жизнь оборвется на самом взлете – он погибнет на фронте в 1942 году.

Наконец, третий фильм с участием Федоровой – «Великий гражданин» режиссера Фридриха Эрмлера. Это была биографическая лента, в основу которой были положены факты биографии лидера ленинградских большевиков Сергея Мироновича Кирова, убитого в декабре 1934 года. В фильме он выведен под именем Петра Михайловича Шахова (актер Николай Боголюбов). Фильм этот считается классикой советского кино, а создан был по прямому указанию Сталина. Согласно сюжету, Шахова (Кирова) убивали представители троцкистско-зиновьевского блока. Зоя Федорова исполняла роль Надежды Колесниковой,

которую Шахов назначает директором завода вместо человека, который в итоге оказывается вредителем.

В финальной сцене (вторая серия) Шахова расстреливает убийца, притаившийся за одной из дверей в Доме культуры, куда приехал главный герой фильма. В финальных кадрах советские граждане клянутся над могилой героя, что дело Шахова будет продолжено и никто из врагов не уйдет от возмездия. Слова оказались пророческими – уже в разгар съемок первой серии (летом 1937 года) в высших советских верхах начались широкомасштабные репрессии.

Кстати, в ходе самих съемок, как вспоминали создатели фильма, они неоднократно сталкивались со случаями реального вредительства, серьезно мешавшего процессу работы над картиной. Так, в один из съемочных дней осветители обнаружили, что кабели к прожекторам были перерублены топором. В итоге в ходе съемок четверо членов съемочной группы были арестованы, и двоих из них потом расстреляли.

Волна репрессий, как смерч, пронеслась тогда и по органам НКВД, вырубая тысячи сотрудников, которые служили там полтора, а то и почти два десятилетия. В Ленинграде, например, были арестованы практически все чекисты, которые пришли в Большой дом на Володарского, 4, после убийства Кирова. Даже шеф ленинградского НКВД Леонид Заковский не уберегся – был поставлен к стенке. Пулю в затылок получили и руководители СПО и ОО (Особый отдел) – непосредственные начальники агента «Зефир». Даже ас из асов в агентурной работе Яков Агранов не избежал пули палача. Короче, в рядах НКВД (как и в армии) под колесо репрессий угодило процентов 60–70 начальствующего состава. В этот период были репрессированы или уволены 2273 сотрудника НКВД. Читаем в Википедии:

«В ходе Большого Террора из НКВД в первую очередь вычищались:

– большевики с дореволюционным партстажем (их доля упала с 20,83 % в 1934 году до 4 % на 1 сентября 1938 года), на смену которым пришли коммунисты, набранные по „ленинскому призыву“ (доля вступивших в партию в 1925–1928 увеличилась с 1 % до 66 %, 1929–1932 с 0 % до 38 % за тот же период). Доля лиц 1895 и более ранних годов рождения при этом упала с 56,25 % до 4,95 %, доля лиц 1901–1905 годов рождения, наоборот, возросла с 6,25 % до 46,15 %, лиц 1906–1910 годов рождения – с 0 % до 29,12 %;

– лица с некоммунистическим прошлым (бывшие эсеры, меньшевики, анархисты, боротьбисты и др.): их доля упала с 31,25 % суммарно на 1 июля 1934 года до 0,65 % на 1 июля 1938 года. По окончании террора единственным членом руководства НКВД с некоммунистическим прошлым остался сам Берия Л. П., который в молодости был связан с азербайджанской националистической партией мусаватистов;

– увеличилась доля рабочих (с 23,96 % до 28,67 %) и крестьян (с 17,71 % до 30 %), снизилась доля служащих (с 25 % до 18 %), а также „помещиков, торговцев, мелких предпринимателей и кустарей“ (с 28,13 % до 12 %). Суммарная доля рабочих и крестьян в руководстве НКВД увеличилась с 42 % в 1934 году до 60 % на 1 сентября 1938 и до 80 % на 1939 год;

– за тот же период 1 июля 1934 – 1 сентября 1938 увеличилась доля русских (с 31,25 % до 56,67 %) и украинцев (с 5,21 % до 6,67 %, на 1 июля 1939 года до 12,42 %), снизилась доля евреев (с 38,54 % до 21,33 %, на 1 июля 1939 года до 3,92 %; согласно мемуарам Хрущева Н. С. и сына Берии Л. П. Берии С. Л., массовая чистка НКВД от евреев имела место уже в 1939 году по окончании основной волны террора), латышей (с 7,29 % до 0 %) и поляков (с 4,17 % до 0,67 %, на 1 июля 1939 года до 0 %). Также из НКВД были вычищены все поголовно обрусевшие немцы. Кроме того, с назначением Берии в два раза выросла доля грузин (с 3,33 % на 1 сентября 1938 года до 6,98 % на 1 января 1940 года);

– для органов НКВД периода 1934–1938 годов также характерен очень высокий процент людей, имевших только начальное образование: на 10 июля 1934 года 40,63 %, на 1 сентября 1938 года 42,67 %. По окончании основной волны террора количество таких сотруд-

ников начало снижаться, упав к 26 февраля 1941 года до 19,23 %, количество лиц с высшим образованием в органах НКВД с 1938 до 1941 года выросло с 10 % до 34,07 %.

Еще одной особенностью руководящих сотрудников НКВД являлся необычно высокий процент лиц, чье детство прошло неблагоприятно (исключения из школ, неполная семья, бродяжничество и др.); на 1934 год таких лиц было до 56 %. В 1937 году этот показатель вырос до 8 %, в 1938 до 12,7 %. По окончании основной волны террора количество подобных лиц к 1940 году вновь упало до 6 %...»

О том, какая ротация кадров была в НКВД в 1937–1938 годах можно судить хотя бы по Московскому управлению НКГБ, где за год сменилось шесть начальников. Назовем их всех: Станислав Реденс (15 июля 1934 – 20 января 1938 года), Леонид Заковский (Генрих Штубис) (20 января – 28 марта 1938 года), Владимир Каруцкий (20 апреля – 12 мая 1938 года), Владимир Цесарский (28 мая – 15 сентября 1938 года), Александр Журбенко (15 сентября – 29 ноября 1938 года), Виктор Журавлев (5 декабря 1938 – 13 января 1939 года).

Что касается Ленинграда, то там Л. Заковского в январе 1938 года сменил Михаил Литвин, который пробыл на этой должности... десять месяцев. После чего уступил бразды правления (и был репрессирован) Сергею Гоглидзе – ставленнику нового наркома внутренних дел СССР (с ноября 1938 года) Лаврентия Берии. При последнем чистки в органах продолжились, но они не были столь кровавыми – людей не расстреливали, а увольняли. Началось это еще в 1938 году, когда ЦК партии дал указание об удалении из органов всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из мелкобуржуазных семей. А при Берии, в 1939 году, из органов госбезопасности были уволены 7372 человека (каждый пятый оперативный работник) и взято на оперативные должности 14,5 тысячи человек. Среди сотрудников центрального аппарата НКВД, насчитывавшего к началу 1940 года около 3,7 тысячи человек, русских было 3073 человека (84 %), украинцев – 221 (6 %), евреев 189 (5 %), белорусов – 46 (1,25 %), армян – 41 (1,1 %), грузин – 24 (0,7 %), а также представители татар, мордвы, чувашей, осетин и др.

Две известные женщины-чекистки, о которых я уже упоминал чуть раньше, тоже пострадали от репрессий. Имеются в виду Александра Андреева (Горбунова) и Марианна Герасимова. Первая в 1936–1938 годах трудилась в должности помощника особоуполномоченного НКВД СССР, но в июне 1938 года была уволена по болезни. А в декабре ее арестовали и приговорили к 15 годам лишения свободы и отправили в ГУЛАГ, где она и умерла в 1951 году в возрасте 63 лет.

Что касается Герасимовой, то она в конце тридцатых трудилась в Секретно-политическом отделе. В декабре 1939 года ее тоже арестовали, но дали всего лишь пять лет лагерей.

Вместо этих женщин в НКВД (в том числе и в СПО) пришли другие сотрудницы. Например, Суламифь Каганова (1905), она же Эмма Судоплатова – супруга знаменитого чекиста Павла Судоплатова. В органы ГПУ она пришла работать в 1923 году – служила в Одесском Губотделе ГПУ Украины на ниве секретно-политической работы с местной интеллигенцией. А когда начальника СПО ГПУ Украины Генриха Люшкова в 1931 году перевели в Москву и назначили помощником начальника СПО ОГПУ, то он вскоре вызвал к себе и супругов Судоплатовых. Эмма стала работать по «линии культурного и литературного фронтов» в СПО на Лубянке, а ее супруг трудился в Иностранном отделе (в 1936 году туда же переберется и Эмма).

Судя по всему, Эмма Судоплатова прекрасно знала агента «Зефир», так как была одним из руководителей агентурной сети в среде московской творческой богемы. После чисток 1937–1938 годов именно к таким людям, как Судоплатова, перешли бразды правления над агентами, работавшими на ниве «культурного фронта». Эмма работала в отделении, которое курировало Большой театр и Кировский театр оперы и балета в Ленинграде, а в Большом работал муж сестры Федоровой Марии – артист Синицын. А если брать шире – в этом

театре чуть ли не половина работников была агентами НКВД, поскольку Большой театр был одной из главных культурных достопримечательностей СССР, которую любили посещать иностранцы. В свете этого на балерин ложилась особая миссия – расположить к себе иноземных гостей и вытягивать из них полезную для спецслужб (а значит, и для страны) информацию. Короче, в агентурной табели о рангах балерины стояли на первом месте. Далее шли актеры/актрисы кино и театра (в первом главном месте сосредоточения агентуры был «Мосфильм», во втором – МХАТ), писатели, музыканты, художники и т. д.

Между тем в 1936–1938 годах сменилось пять начальников СПО – 4-го отдела НКВД СССР. Были арестованы и расстреляны комиссар госбезопасности 1-го ранга Я. С. Агранов (начальник 4-го отдела ГУГБ, заместитель наркома НКВД), старший майор ГБ В. Е. Цесарский (начальник 4-го отдела ГУГБ в марте – мае 1938 года), майор ГБ А. С. Журбенко (начальник 4-го отдела ГУГБ в мае – сентябре 1938 г.), заместители начальника отдела старший майор (затем комиссар ГБ 3-го ранга) Б. Д. Берман, старший майор ГБ С. Г. Гендин, майор ГБ З. Н. Глебов-Юфа; застрелились комиссары ГБ 3-го ранга В. М. Курский (начальник 4-го отдела ГУГБ в ноябре 1936 – апреле 1937 года), М. И. Литвин (начальник 4-го отдела ГУГБ в мае 1937 – январе 1938 года), заместитель начальника отдела В. А. Каруцкий; погибло большинство других руководящих работников СО-СПО двадцатых – тридцатых годов.

Короче, уничтожались если не все, то многие представители старой чекистской гвардии, настоящие асы своего дела, вроде Артура Артузова, Мартина Лациса или Якова Агранова. Естественно, никакими шпионами они не были, как их представляли на суде, – просто они должны были навеки замолчать и унести с собой в могилу те тайны, которые не должны были стать достоянием тех, кто шел им на смену. И многие из этих тайн канули вместе с ними.

Не стал исключением и старый чекист Ян Карлович, у которого была на связи агент «Зефир». В один из дней он просто пропал из поля ее зрения, не явившись на очередную конспиративную встречу. Вместо него пришел новый куратор – Сергей Ильич, который по внешнему виду был даже моложе «Зефира». На вопрос, куда подевался ее прежний куратор, Сергей Ильич ответил коротко: «Не надо задавать лишних вопросов». Из чего Зоя поняла, что старого чекиста поглотил молох репрессий. Тем более что он был латыш, да еще из категории старых большевиков, а с такими тогда особо не церемонились. Сталин весьма прагматично и безжалостно менял старую элиту, выпестованную Лениным, на новую – собственную. На прежнюю он не мог положиться с такой же уверенностью, как на новую, перед которой стояли иные цели. Впереди страну ждали серьезные испытания очередной мировой войной, и вождю нужна была элита с новым ощущением времени. Идея мировой революции себя не оправдала, поэтому новая элита должна была быть «заточена» под идею построения социализма в одной конкретной стране – СССР. Для этого Сталин стал активно раскручивать идеологию державостроительства, а прежняя элита, коминтерновская, состоящая в основном из евреев, ему в этом мешала. Отправить ее в отставку было опасно – она в любом случае затаила бы злобу, спрятала бы камень за пазухой. Поэтому Сталин, как жестокий прагматик, избрал самый радикальный способ – пустил старую элиту под нож. И чекисты (а среди них большинство составляли именно евреи) должны были пострадать в первую очередь.

Среди агентуры таких широкомасштабных чисток не было, хотя кое-кто, конечно, не мог не пострадать. Но таких агентов, как «Зефир», это не касалось – подобные кадры были наперечет (тем более что Зоя была чистокровная русская). Как уже говорилось, главный удар в те годы приняли на себя чекисты и агенты еврейского происхождения, коих пострадали тысячи. Фактически это была широкомасштабная зачистка НКВД от сотрудников-евреев, которые доминировали в нем с самого момента создания ВЧК – с конца 1917 года. Напомним: доля евреев в НКВД снизилась с 38,54 % до 21,33 %, а на 1 июля 1939 года и вовсе до

мизерных 3,92 %. Вот и среди репрессированных начальников СПО было много евреев: Я. Агранов, В. Цесарский, Б. Берман, С. Гендин, М. Литвин, В. Каруцкий.

В качестве примера приведем судьбу секретного агента ГПУ еврейского происхождения Вольфа Эрлиха. Того самого, который был близким другом поэта Сергея Есенина и, по одной из версий, участвовал в его устранении троцкистами. Так вот, по сведениям литературоведа В. Кузнецова, Эрлих стал сотрудничать с ГПУ в 18-летнем возрасте – в 1920 году, когда проходил курс всеобщего в 1-м пехотном Казанском территориальном полку. А год спустя он поступил на литературно-художественное отделение факультета общественных наук Петроградского университета, откуда был отчислен два года спустя. Но без работы не остался. В 1925 году он занимал «чекистскую» должность ответственного дежурного Первого дома Ленинградского Совета.

Кстати, Эрлих имел отношение и к кинематографу. В 1935 году он помогал братьям Васильевым писать сценарий фильма «Волочаевские дни», который вышел на «Ленфильме» в январе 1938 года. Но на момент премьеры Эрлиха уже не было в живых. 19 июля 1937 года он был арестован в Армении, во время своей очередной поездки, которую предпринял с целью написать сценарий об армянских репатриантах. Комиссией НКВД и прокуратуры СССР 19 ноября 1937 года по ст. 58-1а-7-10-11 УК РСФСР Эрлих был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение 24 ноября 1937 года. А спустя 19 лет Военная коллегия Верховного суда СССР его реабилитировала «в связи с отсутствием в его действиях состава преступления».

Итак, агент «Зефир» была вне подозрений, как по профессиональной линии, так и по национальной. Правда, агент была замужем за евреем, но эта ситуация очень скоро тоже благополучно разрешится. Но все же косвенным образом репрессии могли задеть даже таких агентов. Случилось это в 1938 году.

В тот период Зоя Федорова опять была с головой погружена в работу – она снималась сразу в трех фильмах: «На границе», «Огненные годы» и «Ночь в сентябре». О чем были эти ленты? Так, сюжет ленфильмовской картины «На границе» (а это была экранизация рассказов П. Павленко) происходил на советском Дальнем Востоке, на границе с Маньчжоу-Го. Обе территории разделяла пограничная река, по одну сторону которой в небольшой маньчжурской деревне обосновались русские белогвардейцы, на противоположном берегу живет семья Власовых. Желая уничтожить Власовых, в их дом проникают белогвардейцы. На помощь приходит отряд бойцов во главе с комендантом погранучастка капитаном Тарасовым (Николай Крючков). Начинается долгий изнурительный бой...

В этом фильме у Федоровой была главная роль – Варвара Власова, дочь Степаниды (актриса Елена Тяпкина). Кстати, чуть ли не впервые в советском кино в этом фильме была показана попытка изнасилования, причем в роли жертвы выступила Зоя Федорова, на героиню которой покусился беляк, пришедший в ее дом с коварными японцами.

Фильм «Огненные годы» снимался на киностудии «Советская Беларусь» (режиссер Владимир Корш-Саблин) и повествовал о событиях 1919 года. По сюжету, части белопольков, вторгнувшиеся в пределы Советской Белоруссии, встречали на своем пути упорное сопротивление вооруженных отрядов белорусских рабочих и крестьян, идущих на сближение с Красной армией. У Зои Федоровой здесь была роль второго плана – она играла политрука комсомольской роты по имени Анна.

Наконец, третий фильм снимался на «Мосфильме» – «Ночь в сентябре» (режиссер Борис Барнет). Вернее, на главной киностудии страны снимались павильонные эпизоды, а для съемок натуры пришлось ехать на Украину, поскольку действие фильма происходило в Донбассе. Согласно сюжету, в ночь на 1 сентября 1935 года забойщик шахты Степан Кулагин вместе с парторгом шахты Павлом Луговым, чтобы увеличить добычу угля, решили по-новому организовать работу. Когда герои спустились в шахту, то выяснилось, что шланги

подачи воздуха в забой выведены из строя. Устранив первую неполадку, Степан и Павел спускаются вновь. Однако крепежный лес подается гнилой – и теперь герои уже не сомневаются в наличии диверсионной группы, орудующей на шахте...

У Зои Федоровой в этом фильме была главная женская роль – шахтерка Дуня Величко. Как и в картине «На границе», ее героине и здесь пришлось бороться с происками врагов. Во время обхода Дуня обнаружила вредителя, который минировал шахту. Девушка бежит к начальнику шахты Поплавско-му (актер Владимир Баталов – отец известного актера Алексея Баталова), а тот оказывается главарем вредителей. Вскоре туда же приходит и вредитель-взрывник. В итоге Дуня оказывается в их руках, но они, вместо того чтобы ее убить и обрубить все концы, решают сделать из нее сумасшедшую, у которой якобы разыгралась шизофрения на почве шпиономании. Но этот трюк не прошел – чекисты навещают Дуню в больнице и верят ее показаниям. После чего арестовывают всю шайку. Вот такой более чем наивный сюжет снятый, кстати, хорошим режиссером Борисом Барнетом.

Две главные роли в год – хороший повод для того, чтобы не давать публике забыть о себе. Поэтому можно с уверенностью сказать, что Зоя Федорова была на тот момент одной из самых популярных актрис советского кино. Но она была звездой второго эшелона – до первого она все-таки не дотягивала. В первом эшелоне в ту пору значилось не так много актрис – Любовь Орлова, Тамара Макарова, Елена Кузьмина. Причем каждая была замужем за большим режиссером: Орлова – за Григорием Александровым, Тамара Макарова – за Сергеем Герасимовым, Елена Кузьмина – за Михаилом Роммом. У каждой за плечами было несколько кинохитов, где они исполняли главные роли. У Орловой – «Веселые ребята» (1934; Анюта), «Петербургская ночь» (1935; Грушенька), «Цирк» (1936; Марион Диксон), «Волга-Волга» (1938; почтальон Дуня Петрова-Стрелка); у Макаровой – «Люблю ли тебя?» (1935; Наталья), «Семеро смелых» (1937; Женя Охрименко), «Комсомольск» (1938; Наташа Соловьева); у Кузьминой – «Окраина» (1934; Манька Грешина), «У самого синего моря» (1936; рыбачка Мария), «Тринадцать» (1937; жена командира Марья Николаевна).

Время другой звезды первого эшелона – Марины Ладыниной, которая была замужем за режиссером Иваном Пырьевым, – в 1938 году только наступало. Она пока снялась всего в двух главных ролях – в фильмах «Застава у Черного брода» (1937; Варенька – единственная отрицательная роль в ее послужном списке) и «Богатая невеста» (1938; колхозная ударница Маринка Лукаш). До хита «Трактористы» еще целый год.

Та же история была и с Верой Марецкой, которая блистала в конце двадцатых (две главные роли в фильмах «Закройщик из Торжка», 1928, Катя; «Простые сердца», 1929, Настя), после чего в течение нескольких лет никак не могла найти себя в звуковом кино, снимаясь в эпизодах. Наконец, в 1937 году она исполнила главную роль в фильме «Поколение победителей» – Варвара Постникова. А два года спустя еще громче прогремит ее роль в фильме «Член правительства» – Александра Григорьевна Соколова, председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР).

Похожая ситуация была и у Ады Войчик (1905) – первой жены Ивана Пырьева. Она прославилась ролью Марютки в «Сорок первом» (1927). После чего снялась в немом кино еще в девяти фильмах (одна главная роль). В 1936 году ее тогдашний супруг Пырьев снял ее в главной роли в картине «Партийный билет», после чего... ушел к Марине Ладыниной.

А Войчик до войны снялась еще в одном фильме – «Семья Оппенгейм» (1939).

Еще одной киноактрисой, слава которой тянулась из немого кино, была Эмма Цесарская (1909). Она дебютировала в кино главной ролью в фильме «Бабы рязанские» (1927; Василиса). А в 1931 году исполнила роль Аксиньи в «Тихом Доне» Ивана Правова и Ольги Преображенской. Однако в звуковом кино она отошла на роли второго плана, хотя одну цен-

тральную роль она все же исполнила – в 1936 году, в фильме «Любовь и ненависть» (вдова шахтера Василиса). После чего в ее жизни наступила черная полоса. Почему?

Дело в том, что Цесарская была замужем за крупным чином НКВД – капитаном Максимом Станиславским, которого в июне 1937 года арестовали и тут же расстреляли. Читаем в воспоминаниях чекиста М. Шрейдера:

«...Мне не доводилось бывать в квартирах высшего начсостава ОГПУ (за исключением Л. Г. Миронова, который жил очень скромно), но однажды, попав домой к Станиславскому, бывшему в то время начальником одного из отделений экономического управления ОГПУ (потом он станет начальником ГУПО (пожарная охрана) НКВД СССР. – Ф. Р.), я был поражен невиданно роскошной обстановкой – мебелью, хрусталем и т. п. Все это, естественно, не могло быть приобретено на зарплату и было, видимо, булановским даром за верноподданничество...»

После гибели супруга Цесарскую на некоторое время отлучили от кино. Но арестовывать, как тогда было заведено по отношению к родственникам «врагов народа», ее почему-то не стали. В итоге спустя год (!) после расстрела мужа-чекиста Цесарскую пригласили на роль жены командира Красной армии (!) в знаменитую картину «Девушка с характером» (1939). И с этого момента ее карьера в кино благополучно продолжится, хотя играть главные роли ей больше уже не доведется.

Популярна была мхатовка Алла Тарасова, сыгравшая три главные роли (одна была еще из эпохи немого кино): «Василисина победа» (1928; Василиса), «Гроза» (1934; Катерина Петровна Кабанова), «Петр I» (1937 – 1-я серия; Екатерина I).

Среди других звезд советского кино, деливших славу с Зоей Федоровой в тридцатые годы, можно назвать следующих. Например, уже упоминавшуюся ранее Варвару Мясникову, за плечами которой было несколько известных ролей в фильмах: «Инженер Елагин» (1928; Ирина Елагина), «Чапаев» (1934; Анка-пулеметчица), «Волочаевские дни» (1938; Маша).

Или Янину Жеймо с фильмами, где у нее были главные роли: «Моя Родина» (1934; Оля), «Песнь о счастье» (1935; Анук), «Разбудите Леночку» (1935; Леночка), «Подруги» (1936; Ася-«пуговица»), «Леночка и виноград» (1936; Леночка).

Из этого же ряда Валентина Кибардина с главными ролями (Наталья Артемьева) в кинотрилогии про Максима. Вернее, в дилогии («Юность Максима», «Возвращение Максима»), поскольку третий фильм («Выборгская сторона») выйдет в 1939 году.

Двумя главными ролями прославилась Нина Алисова: «Бесприданница» (1937; Лариса Огудалова) и «Новая Москва» (1938; Зоя Новикова).

А Татьяна Окуневская запомнилась ролями второго плана в фильмах «Пышка» (1934; госпожа Карре-Ламадон), «Горячие денечки» (1936; Тоня, Антонина Терентьева-Жукова), «Последняя ночь» (1937; Лена Леонтьева).

Но вернемся к Зое Федоровой.

Итак, примерно с апреля по сентябрь 1938 года она была в разных киноэкспедициях, курсируя между Ленинградом, Москвой, Украиной, Белоруссией и Дальним Востоком. И именно в это самое время в Москве был арестован ее отец Алексей Федоров. За что? Еще в 1936 году, когда тяжело заболела его жена (у нее обнаружили рак), он прибег к услугам врача-немца по фамилии Бек. Вылечить больную так и не удалось (она умерла в том же году), но эта история аукнулась отцу актрисы спустя два года. Оказалось, что этот врач обслуживал еще и работников немецкого посольства в Москве, среди которых были и нацистские шпионы. А отношение СССР и Германии в те годы были более чем напряженными. Как пишет историк Н. Плотникова:

«В 1933–1935 годах резко изменяются приоритеты в организации контрразведывательной работы органов госбезопасности. Германия занимает место потенциального противника и возможного будущего агрессора. Выступая на оперативном совещании перед сотрудни-

ками органов государственной безопасности в августе 1934 года, нарком внутренних дел Г. Ягода в качестве главного направления деятельности выделял разработку фашистских организаций. Совершенно очевидно имелось в виду, что создателями этих организаций выступали прежде всего официальные представители Германии в СССР...

Сотрудники контрразведывательных подразделений прежде всего активно разрабатывали персонал посольства Германии. В марте 1935 года контрразведывательным отделением ГУГБ НКВД СССР было изъято шифрованное сообщение, переданное германским военным атташе, о подводных лодках, торпедных аппаратах, броневой стали, что соответствовало реальным данным об их производстве на Балтийской верфи, Ижорском заводе. Соответствующие указания были даны УНКВД Ленинграда и области. В результате были установлены шесть германских подданных, работавших на заводах, откуда происходила утечка информации. Консул в Ленинграде Зоммер регулярно встречался с германскими специалистами и получал от них секретную информацию...

По мере обострения отношений СССР с рядом европейских государств, прежде всего с Германией, в 1935–1936 годах прокатывается целая волна раскрытых органами госбезопасности дел о контрреволюционных организациях, созданных якобы по заданию германских разведывательных органов. Своеобразным толчком послужила директива Экономического отдела о разрушительной деятельности германской разведки в народном хозяйстве, разосланная в январе 1936 года. Местные органы НКВД были нацелены на поиск вредителей, прежде всего среди лиц немецкой национальности. В исследуемый период значительно возрастает количество арестованных политэмигрантов из Германии. С февраля 1936 года, когда принимается постановление ЦК ВКП(б) „О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов“, они начинают подвергаться преследованиям и необоснованным арестам. (Отметим, что в 1936 году, уже при новом наркome Н. Ежове, из Особого отдела будет выделена гражданская контрразведка, которая станет самостоятельным управлением – 3-м. – Ф. Р.)

Апогеем в борьбе с потенциальной агентурой германских спецслужб стало выполнение сотрудниками контрразведывательных отделов управлений государственной безопасности оперативного приказа НКВД № 00439 от 25 июля 1937 года. В нем говорилось: „Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных. Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов. Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы“.

Особенно важны два директивных письма, изданных ГУГБ НКВД в начале 1937 года. Первое из них (№ 12 от 14.02.1937) – „О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Советского Союза“ – оказало влияние на деятельность органов госбезопасности „по разоблачению“ немецкой агентуры среди политэмигрантов из Германии. Второе директивное письмо (№ 26 от 2.04.1937) – „О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии (иностранный и внешнеполитический отделы, «Антикоминтерн», разведывательная служба охранных отрядов и т. д.) на территории Союза ССР“ – содержит уже целый план разгрома „германской агентуры“. Прямое отношение к будущей немецкой операции имело и предписание „создать точный оперативный учет всех контингентов, используемых германской разведкой (политэмигрантов, гер-

манско-подданных, бывших германско-подданных, принявших гражданство СССР, и др.)». На основании приказа № 00698 от 28 октября 1937 года было предписано организовать „беспрерывное наблюдение“ за посольствами, миссиями, консульствами Германии и других стран, а также за квартирами и общежитиями их сотрудников, за театрами, клубами, ресторанами, за частными квартирами, которые эти сотрудники посещали.

Этот приказ привел не только к многочисленным арестам (в основном советских граждан), но и крайне затруднил дальнейшую работу в СССР многих иностранных учреждений. Число иностранных дипломатических представительств под нажимом НКВД быстро сокращается...

Массовая „немецкая операция“ НКВД 1937–1938 годов была направлена в первую очередь против советских граждан, в основном этнических немцев. Главная задача этой операции заключалась в том, чтобы ликвидировать „очаги“ и „базы“ шпионско-диверсионной и повстанческой деятельности германской разведки в СССР. Немецкая операция началась с арестов бывших германских военнопленных, политэмигрантов, перебежчиков из Германии, „контрреволюционного актива“ немецких национальных районов. Также репрессиям подвергались бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте. Это были специалисты, приехавшие из Германии в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Многие из них приняли советское гражданство. Маховик арестов коснулся всех, кто имел прямые или косвенные контакты с немецкими дипломатами в СССР

В качестве „подозрительных по шпионажу“ НКВД рассматривал бывших служащих немецких фирм. Цель заключалась в том, чтобы пресечь подрывную деятельность иностранных разведок в отраслях оборонной промышленности. Подлежала ликвидации диверсионно-шпионская агентура, состоящая из лиц, которые работали еще в царской России в германских акционерных обществах, банках, промышленных и коммерческих предприятиях („Кунст и Альберо“, „Зингер и К“, „ИГ Фарбениндустри“, а также ликвидированные иностранные концессии, действовавшие в 1920-е годы („Юнкерс“, „Друзаг“, „Крупп“), бывшие служащие справочных контор по наведению справок о кредитоспособности, являвшихся в дореволюционное время, как отмечается в приказе, важнейшим прикрытием разведывательной деятельности германского и австро-венгерского генеральных штабов („Штиммель унд Пфениг“ и др.). С началом массовых операций эта категория сразу же выдвинулась в центр внимания НКВД как имевшая очевидную (зафиксированную в анкете) связь с Германией...».

Резидентуру абвера в Москве возглавлял во второй половине тридцатых генерал Эрих Кёстринг, слывший до 1941 года в разведывательных кругах Германии «самым осведомленным специалистом по Советскому Союзу». Он родился и некоторое время жил в Москве, поэтому свободно владел русским языком и был знаком с образом жизни в России. Во время Первой мировой войны сражался против царской армии, затем в двадцатых годах работал в специальном центре, занимавшемся изучением Красной армии. С 1931 по 1933 год он выступал в роли наблюдателя от рейхсвера в СССР. В октябре 1935 года он снова оказался в Москве в должности военного и авиационного атташе Германии и пробыл здесь до 1941 года. Кёстринг имел в Советском Союзе широкий круг знакомых, которых стремился использовать для получения интересующей его информации. Этим, кстати, занимались все германские консульства в СССР. Вот что, к примеру, рассказывал арестованный в 1945 году бывший секретарь ленинградского Генконсульства Герман Штреккер:

«Активную разведывательную работу в Ленинграде против СССР вел генеральный консул Рудольф Зоммер, который в свое время шпионажем занимался также в Харькове, Тифлисе, Владивостоке и Киеве.

Насколько я знаю, Зоммер в бытность свою в Ленинграде агентуру приобретал в первую очередь из числа вновь прибывших германских специалистов, а также лиц немецкой национальности, давно проживавших в Ленинграде...

Зоммер в разведывательных целях часто объезжал Ленинград и его окрестности, систематически посещал порт, где производил личные наблюдения. Как-то в 1938 году генеральный консул киевского консульства Гросскопф заявил мне, что морской атташе германского посольства капитан фон Баум-бах свою карьеру сделал благодаря успешно проводимой разведывательной работе Зоммера...»

После аншлюса Германией Австрии в марте 1938 года отношения между Москвой и Берлином обострились еще сильнее. В итоге к середине ноября 1937 года из семи германских консульств осталось только два (в Киеве и Новосибирске), а к маю 1938 года закрылись и эти последние. Кроме этого, ГУГБ начал «трясти» всех советских граждан, кто контактировал с немцами. Именно под эту «раздачу» и угодил Алексей Федоров, который пользовался услугами немецкого врача по фамилии Бек.

Узнав об аресте родителя, Зоя Федорова, естественно, не сидела сложа руки. Она пыталась выйти на руководство НКВД (его тогда возглавлял Николай Ежов) и вызволить отца из застенков. Но успехом эта миссия не увенчалась. Спрашивается, почему, если мы предполагаем, что актриса была агентом спецслужб? Но последнее обстоятельство не играло особой роли в делах такого рода, да еще в те годы. Достаточно сказать, что в лагерях тогда сидели даже вторые половины членов Политбюро и маршалов (речь идет о женах М. Калинина, К. Ворошилова, С. Буденного, а чуть позже и В. Молотова). Чего уж говорить о родственниках сотрудников НКВД. Как пишет все та же Н. Плотникова:

«В период с 1934 года резко возрастал поток дел, которые были свидетельством роста шпиономании в стране. В шпионской деятельности в мае 1935 года была обвинена группа сотрудников Ленпромстроя, которые ставили своей задачей оказывать помощь Германии в случае войны с СССР. Дело разрабатывалось Экономическим отделом ГУГБ НКВД СССР. Главным образом члены группы критиковали существовавший в СССР политический строй, политику, проводимую в деревне, нищенское существование рабочего класса. В их действиях не было состава преступления, однако в обвинительном заключении отмечалось, что они подготавливались к передаче немецким спецслужбам различных шпионских сведений об оборонных предприятиях, состоянии морских сил в случае начала войны с Германией.

С 1934 года КРО начинают проводить мероприятия по учету немцев, занятых в различных сферах народного хозяйства и общественной жизни. Все началось с оборонных предприятий. Эта работа проводилась в процессе спецпроверки всего личного состава оборонных заводов и фабрик. На основе решения ЦК ВКП(б), комиссия которого провела проверку найма и увольнения рабочих на важнейших военных заводах, нарком внутренних дел 14 июля 1934 года издал приказ № 004 „О мероприятиях по охране 68 важнейших предприятий военной промышленности и установлении нового порядка найма и увольнения рабочей силы“. Помимо проведения агентурно-оперативной работы на предприятии, первоочередной задачей являлось недопущение приема на работу иностранцев как потенциальной базы иностранных разведок...»

Можно предположить еще одну версию, почему усилия Федоровой по вызволению отца не увенчались тогда успехом. Дело в том, что в 1938 году мало кто в стране (а в Политбюро вообще никто) сомневался, что впереди зримо маячит война с гитлеровской Германией. Значит, в спецслужбах должны были заранее к этому готовиться. Каким образом? Создавая возможное алиби своим агентам через арест их родственников или близких знакомых, обвиненных именно в связях с немцами. С таким алиби можно было легко втереться в доверие не только к германским властям, но и к дипломатам, работавшим в Москве. Ведь у Федоровой, судя по всему, были давние отношения с разного рода немцами, которые либо

жили в СССР, либо приезжали туда в качестве дипломатов и бизнесменов. Вспомним историю 1927 года и то, с кем ее тогда поймали – с Кириллом Прове, который, как мы помним, тоже был немцем по отцовской линии. И свою первую главную роль в кино Федорова сыграла в 1933 году на «Межрабпомфильме» (советско-германской киностудии) в фильме «Гармонь». Кстати, и доктора Бека в семью Федоровых привела именно Зоя, познакомившись с ним в середине тридцатых. Но и это еще не все. Осенью 1939 года Федорова ушла от Рапопорта и вернулась навсегда в Москву, прожив в Ленинграде более пяти лет. И это возвращение совпало с подписанием в августе того же года мирного договора между СССР и Германией. Вполне вероятно, что агента «Зефир» хотели использовать все на той же ниве, что и раньше, – по линии контактов с немцами. Ее даже поселят по соседству с посольством Германии, которое располагалось по адресу: улица Станиславского (бывший Леонтьевский переулок), дом 10. Впрочем, о переезде Федоровой стоит рассказать более подробно.

Как мы помним, у нее и Рапопорта своего отдельного жилья первое время не было. Наконец, в начале 1939 года оно появилось. На Малой Посадской улице, прямо напротив «Ленфильма», архитектором Демьяном Фомичевым был воздвигнут шестиэтажный дом номер 4, открытие которого было приурочено к двадцатилетию национализации большевиками кинопромышленности. Этот дом стал наградой «Ленфильму» за серию блестящих кинокартин, таких как «Чапаев», «Трилогия о Максиме» и «Депутат Балтики». В доме было пятнадцать квартир, которые состояли из двух, трех, четырех и пяти комнат общей площадью 1000 кв. метров. В доме было центральное отопление, ваннные комнаты, души и умывальники с горячей водой; устроены два лифта. Здесь же построили служебный корпус из четырех комнат для обслуживающего персонала и квартиры для управхоза.

В этом «киношном» здании поселились видные ленинградские кинематографисты: режиссеры Г. Козинцев (кв. № 2), Л. Трауберг, Л. Арнштам, А. Файнциммер, В. Эйсымонт, Г. Раппапорт, актеры Б. Блинов, Я. Жеймо, художник кино Н. Суворов, а также супружеская чета в лице оператора Владимира Рапопорта и актрисы Зои Федоровой (они получили здесь двухкомнатную квартиру). Казалось бы, живи и радуйся! И поначалу так и происходит – супруги не нарадуются на свои двухкомнатные хоромы. И летом 1939 года Федорова снимается сразу в трех (и, как окажется, последних до войны) ленфильмовских картинах, причем все были комедиями: «Станица Дальняя» режиссера Евгения Червякова, «Шестьдесят дней» Михаила ШAPIPO и «Музыкальная история» Александра Ивановского. Во всех фильмах у Зои главные роли.

В «Станице дальней» Федорова исполняла роль казачки Даши Горкуновой. Ее героиня – весьма лихая девушка. По сюжету, действие происходит во время военных маневров в районе кубанских станиц Дальняя и Кочетовская. В них принимают участие отряды станичных казаков. Разведку кочетовцев возглавляет лихой казак Михаил (эту роль исполнял главная киношная звезда тех лет среди мужчин-актеров Николай Крючков, с которым Федорова, кстати, за два последних года снялась в трех фильмах, включая «На границе» и «Ночь в сентябре»), а его невеста Даша Горкунова – связистка «вражеского» отряда. Даша ловко обманывает своего «врага» – и, скрывшись от преследователей, дает указания «своим». Но поскольку маневры совпадают с уборкой урожая, которая по традиции всегда заканчивается свадьбой, то массовый праздник, несмотря на полное поражение кочетовцев по двум позициям (в маневрах и социалистическом соревновании), благополучно завершается свадьбой Михаила и Даши.

Скажем прямо, этот фильм нельзя назвать шедевром, хотя он имел большой зрительский успех. И здесь стоит более подробно рассказать о его режиссере Евгении Червякове (1899). В 1930 году он, работая на кинофабрики «Союзкино» (будущий «Ленфильм»), экранизировал книгу К. Федина «Города и годы». Причем фильм снимался в содружестве с уже упоминавшейся немецкой киностудией «Дерусса» (той самой, которая затем обанкротилась

и ее место занял «Межрабпомфильм»). Червяков (как и Федин) прекрасно владел немецким языком и имел множество знакомых немцев, как в самой Германии, так и в СССР. А учитывая, что такого рода люди от внимания НКВД никогда не ускользали, можно предположить, что он имел некие связи с чекистами. Об этом, кстати, говорит и его последующая кинодеятельность – он снял три фильма по заказу НКВД: «Заключенные» (1937), «Честь» (1938) и «У старой няни» (1941; «Боевой киносборник № 2»). Сюжет у последнего фильма был следующим. Когда-то, еще до войны, молодая женщина была няней в немецкой семье. Став диверсантом, ее воспитанник, давно уехавший со своей семьей в Германию, теперь пытается найти убежище у старой няни. Женщина узнает гостя и вместе с внуком «сдает» его красноармейцам.

Кстати, и смерть Червякова была по-настоящему чекистской. Когда немцы окружили Ленинград, он наотрез отказался покидать город вместе с коллегами-кинематографистами и стал выполнять секретные задания НКВД, пуская в дело свое великолепное знание немецкого языка. Переодеваясь в форму немецкого полковника, Червяков выезжал на трофейном немецком автомобиле «Хорьх» в тыл к фашистам и, подзывая к себе их солдат, расстреливал их в упор из «шмайсера». Так длилось несколько месяцев, пока немцы не раскусили смельчака и не устроили ему засаду на дороге. И Червяков погиб в неравном бою, расстрелянный фашистами. Это случилось 16 февраля 1942 года.

Но вернемся к фильмам Зои Федоровой.

В фильме «Шестьдесят дней» речь шла о том, как двое молодых научных работников были призваны на военные сборы. У Федоровой была роль лаборантки Люсенки – возлюбленной одного из этих призывников. Однако выход фильма будет задержан на целых три года. Почему? Вот как это объяснялось в справке комиссии ЦК ВКП(б) «О запрещенных кинофильмах в 1940 и 1941 году»:

«...Картина посвящена важной теме – боевой учебе командиров запаса на учебном сборе, но разрешена тема неудовлетворительно. Организация обучения командиров запаса не соответствует современным требованиям. Кроме последней части, в фильме нет никаких признаков, что командиры обучаются в условиях, близких к боевой обстановке. В фильме утверждается совершенно неправильное положение, будто бы победа приходит в сражении в результате случая. Тактическое учение разыграно так, что побеждает командир запаса Антонов, который в течение сбора не хотел ничему учиться и действительно не учился...».

Фильм «Музыкальная история» был совсем из иной «оперы» – его можно смело назвать шедевром (к его сценарию приложил руку писатель Евгений Петров, один из «крестных отцов» Остапа Бендера). Не случайно он был удостоен Сталинской премии II степени (1941). В нем у Федоровой была роль диспетчера в таксопарке – Клавды Белкиной. А сюжет у фильма был такой. Шофер такси Петя Говорков (знаменитый тенор Сергей Лемешев) очень любит петь. А пассажирам нравится его слушать: у Пети редкий по красоте тенор и стопроцентный музыкальный слух. Он репетирует роль Ленского в любительском оперном театре. Старый певец и дирижер Македонский предсказывает ему блестящее будущее. Но премьера спектакля заканчивается провалом из-за того, что накануне Петя поссорился с любимой девушкой, которую и играла Зоя Федорова.

Премьера «Музыкальной истории» (а это случится в октябре 1940 года) была встречена и публикой, и критиками с большим восторгом. Один из кинокритиков в главной газете страны, «Правде», писал: «Это в самом деле музыкальный фильм, от первого до последнего кадра. Щедро и полнозвучно льется с экрана музыка Чайковского, Римского-Корсакова, Визе, Бородина; в ней живут и действуют персонажи фильма, с нею органично связываются их поступки, их радости и разочарования, их судьбы...».

Короче, тем летом 1939 года, когда снимались три этих фильма, Федорова была творчески весьма активна, и ничто не предвещало того, что ее дни на «Ленфильме» сочтены.

Причем не только там, но и вообще в Ленинграде и в «двушке» на Малой Посадской, которую они делили с Рапопортом.

Спустя всего лишь несколько месяцев после новоселья Федорова говорит Рапопорту «прощай», собирает чемодан и поздней осенью 39-го возвращается навсегда в Москву. Вроде бы житейская история. Но лично мне кажется, что все это не случайно. И время совпадает – как раз после августовского договора о ненападении между СССР и Германией (23 августа 1939 года). Договор лишь внешне мирный, а на самом деле война спецслужб двух государств после него не только не стихла, а, наоборот, усилилась. Послушаем Т. Гладкова – историка спецслужб:

«В ту пору немецкая разведка развернула в СССР бешеную, мало где виданную деятельность. Вот кто выжал из пакта Молотова – Риббентропа все, что только можно. Какие делегации к нам зачастили. Ну когда такое бывало – человек по 200. И постоянная смена сотрудников: кто работал месяц – три, а кто нагрянул на день-два, выполнил задание – и был таков. Огромный десант немцев на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Поди уследи. Труднейшие для наших спецслужб, ослабленных сталинскими чистками, годы. Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кенигсберга с посадками в наших городах их „Люфтганза“. А вместо девочек с передничками только brave ребята – стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два-три рейса – и другая команда. Это изучали маршруты немецкие штурманы из „Люфтваффе“. А бывало и такое, что среди маховых шпионов, сомнительных делегаций вдруг появлялись в Москве и завербованные нами в Германии агенты, например Харнак, которому предстояло войти в историю как одному из руководителей „Красной капеллы“. Наши „делегации“ в Германию тоже летали. Но маленькими группами. Пока на Лубянке решат, кому можно, кого выпустят...»

Об этом же пишет и историк спецслужб Ф. Сергеев: «Интенсивность этих действий заметно возросла с осени 1939 года, особенно после победы над Францией, когда абвер и СД получили возможность высвободить свои значительные силы, занятые в данном регионе, и использовать их на восточном направлении. Перед секретными службами, как явствует из архивных документов, была тогда поставлена конкретная задача: уточнить и пополнить имевшиеся сведения об экономическом и политическом положении Советского Союза, обеспечить регулярное поступление информации о его обороноспособности и будущих театрах военных действий. Им было поручено также выработать развернутый план организации диверсионно-террористических акций на территории СССР, приурочив их осуществление к моменту первых наступательных операций немецко-фашистских войск. Кроме того, они были призваны, как об этом уже говорилось подробно, гарантировать скрытность вторжения и начать широкую кампанию по дезинформации мирового общественного мнения. Так определялась программа действий гитлеровской разведки против СССР, в которой ведущее место, по понятным причинам, отводилось шпионажу...»

Кстати, и советский кинематограф тут же откликнулся на обострение борьбы спецслужб выпуском соответствующих художественных фильмов. Самые заметные из них два: «Ошибка инженера Кочина» Александра Мачерета и «Высокая награда» Евгения Шнейдера. Начнем с первого.

В аннотации к фильму читаем следующее: «По пьесе братьев Тур и Л. Шейнина „Очная ставка“.

Инженер-конструктор московского авиационного завода Кочин получает разрешение у начальника отдела взять домой на ночь секретные чертежи и внести последние исправления. Агент иностранной разведки Тривош с помощью соседки Кочина – Ксении Лебедевой – пробирается в комнату инженера и фотографирует чертежи. После очной явки Тривоша с агентом в мастерской портного шифровка случайно попадает к портному, который сразу же относит ее в НКВД. И таким образом следователь Ларцев с вещественными доказатель-

ствами в руках спокойно начинает раскручивать очередное дело. Между тем Кочин и Ксения Лебедева под зорким наблюдением Тривоша отправляются на прогулку в Пушкино. Девушка признается любимому человеку в своей шпионской деятельности и клянется пойти к следователю. Тривошу удастся освободиться от свидетельницы, но от Ларцева ему не уйти».

В фильме снимались звезды советского кино: Михаил Жаров (Ларцев), Любовь Орлова (Ксения Петровна Лебедева), Фаина Раневская (Ида Гуревич). Среди других исполнителей назову актера МХАТа Николая Дорохина (Кочин) и Бориса (Богумила) Свободу. У последнего это была первая роль в кино, после чего он станет штатным злодеем советского кинематографа, сыграв еще несколько отрицательных ролей (в основном фашистов) в фильмах: «Поединок» (1945; немецкий генерал), «Человек № 217» (1945; немецкий офицер), «Сталинградская битва» (1949; Йодль), «Встреча на Эльбе» (1950; Гуго Фишер).

Обратим внимание и на режиссера Александра Мачерета. В отношении его есть подозрение, что он снимал этот фильм не случайно, а потому что сотрудничал с НКВД, причем не только гласно, но и негласно – по немецкой линии. Ведь Мачерет, закончив Парижский университет (1914–1915), в 1928–1930 годах был режиссером и членом правления клуба «Красная Звезда» в Берлине. И когда стал режиссером, снял в 1938 году фильм «Болотные солдаты» – про немецких подпольщиков, которые борются с нацистским режимом в Германии. А следом за этим фильм Мачерет снял шпионский боевик «Ошибка инженера Кочина» во славу чекистов.

Кстати, вторым режиссером на этом фильме была Татьяна Березанцева – агент НКВД с агентурным именем «Борисова». Она была супругой Александра Демьянова («Гейне»), который, как мы помним, был внедрен в актерскую богему в начале тридцатых под видом электрика на «Мосфильме». Его приятелем был сам Михаил Ромм, в отношении которого, как уже говорилось, тоже есть определенного рода подозрения (Березанцева сняла с ним сразу несколько фильмов). Впрочем, про нее я расскажу подробнее чуть позже, а пока перейдем к режиссеру «Высокой награды» Евгению Шнейдеру, в отношении которого возникают все те же подозрения. Но сначала расскажем о самой ленте. Читаем в аннотации к ней:

«Внимание участников первомайского парада в Москве привлекает самолет новой конструкции профессора Боголюбова. А тем временем агенты иностранной разведки и опытный шпион, скрывающийся под маской клоуна, спешат на дачу к Боголюбову, куда он выехал с женой и детьми (как видим, и здесь враги охотятся за авиационными советскими разработками, как и в „Кочине“. – *Ф. Р.*).. Но чертежи конструктора не попадут в руки врага, потому что за действиями шпионов зорко следит лейтенант госбезопасности Михайлов...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.